

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

2(115)

Выходит 4 раз в год. Год издания 20-й

Апрель—июнь 2013

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская

(председатель)

А.Г. Аганбегян

А.Г. Вишневский

Л.М. Дробижева

Н.М. Римашевская

Т. Шанин

В.А. Ядов

Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков

(главный редактор)

А.И. Гражданкин

Т.Е. Ворожейкина

Н.А. Зоркая

(ответственный секретарь)

М.Д. Красильникова

Л.А. Хахулина

(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3

НАЦИОНАЛИЗМ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПОЛИТИКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Эмиль ПАИН. Исторический фатализм в эпоху безвременья 7

Маргарита ФАБРИКАНТ. Национализм как средство воздействия
на общественное мнение: случай Беларуси 20

Сергей НИКОЛЮК. Белорусское государство как фактор
формирования нации 29

Никита САВИН. Дискурсивные основания политического
участия в России 35

Адель ОВАКИМЯН. Образ Кореи в общественном мнении россиян 45

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНЫ

Ольга КАРАЕВА. «Между даром и товаром»: проблематика
развития донорства органов в общественном мнении россиян 56

ИССЛЕДОВАНИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

Евгения ЛЁЗИНА. Юридическо-правовая проработка прошлого
ГДР в объединенной Германии 67

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Игорь ДОЛУЦКИЙ. ЕГЭ по истории как средство
ретрадиционализации 101

IN MEMORIAM

Татьяна Ивановна Заславская (9 апреля 1927, Киев -
23 Августа 2013, Москва) 112

Людмила Хахулина. Второй московский период Т.И.Заславской:
от мониторинга экономических и социальных перемен
к социальному механизму трансформации российского общества 113

Авторы номера 117

SUMMARY 118

Ответственный редактор
выпуска Л.Д. Гудков

Редактор, корректор
Д.В. Соколова

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

2(115)

Quarterly

April–June 2013

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

**The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences**
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(*Chair*)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
NATIONALISM, IDENTITY, POLITICS IN THE FORMER SOVIET UNION	
Historical Fatalism in the Period of Stagnation (by Emil Pain)	7
Nationalism as the Mean of Influencing Public Opinion: the Case of Belarus (by Marharyta Fabrykant)	20
Belorussian State as the Form-Factor of Nation (by Segey Nikoluk)	29
Discursive foundations of the political participation in Russia (by Nikita Savin)	35
The Republic of Korea: Image of the Country in Russian Public Opinion (by Adele Ovakimyan)	45
SOCIAL ASPECTS OF MEDICINE	
«Gift vs commodity»: the problems of organ donation in the public opinion of Russians (by Olga Karaeva)	56
TOTALITARISM STUDIES	
Transitional Justice and Working through the GDR Past in Unified Germany (by Jane Lezina)	67
FIRST PERSON	
Unified State Exam in History as a Means of Retraditionalization (by Igor Doluzky)	101
IN MEMORIAM	
Tatyana Zaslavskaya (9 April 1927, Kyiv - 23 August 2013, Moscow)	112
The second Moscow period in the academic life of Tatiana Zaslavskaya: from the monitor of the social and economic change to the social mechanism of the Russian society transformation (by Lydmila Khakhulina)	113
Authors of the issue	117
SUMMARY	118

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

После едва заметного подъема индексов политического и экономического оптимизма на волне президентских выборов к началу лета 2012 они начали опускаться. Особенно снизился Индекс экономического оптимизма. В этом избирательном цикле зафиксирован самый низкий уровень и надежд на власть, связанных с выборами.

2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

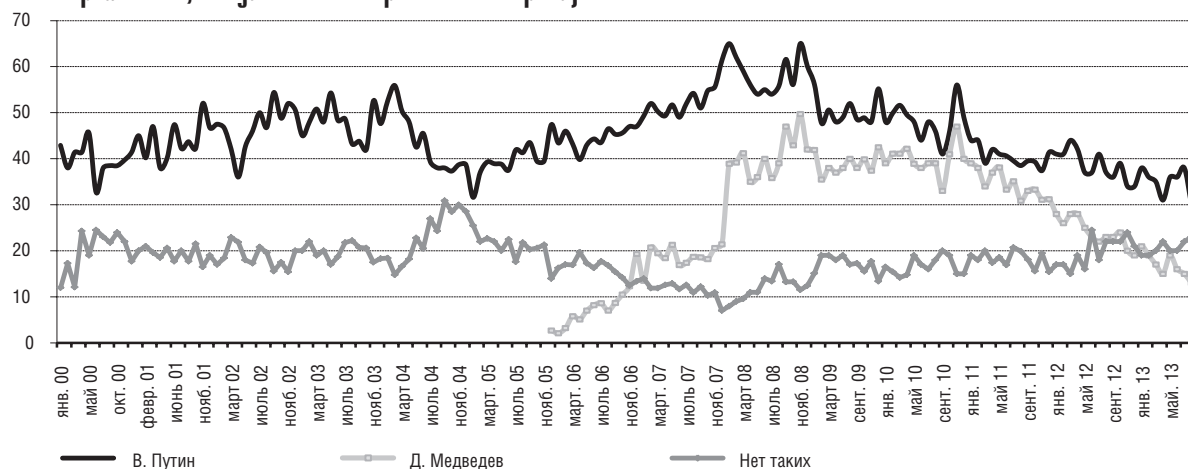
«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

С осени 2011 г. на фоне роста массовых протестов в Москве и других городах росла оценка вероятности социальных протестов, которая достигла своего максимума в феврале 2012 г., после президентских выборов пошла на спад. Вместе с тем на протяжении всего этого периода (начиная с лета 2011 г.) постепенно падал общий российский показатель готовности принять участие в протестах, что отчасти отражает эффективность кремлевской пропаганды, нацеленной на подавление массового недовольства и потенциала поддержки оппозиции. Показатели высокой вероятности протестов сохранялись до конца лета 2012 года лишь в Москве и в средних городах.

3. ДОВЕРИЕ К Д. МЕДВЕДЕВУ И В. ПУТИНУ СРЕДИ ДРУГИХ ПОЛИТИКОВ (в % от числа опрошенных, по данным «открытого» вопроса)

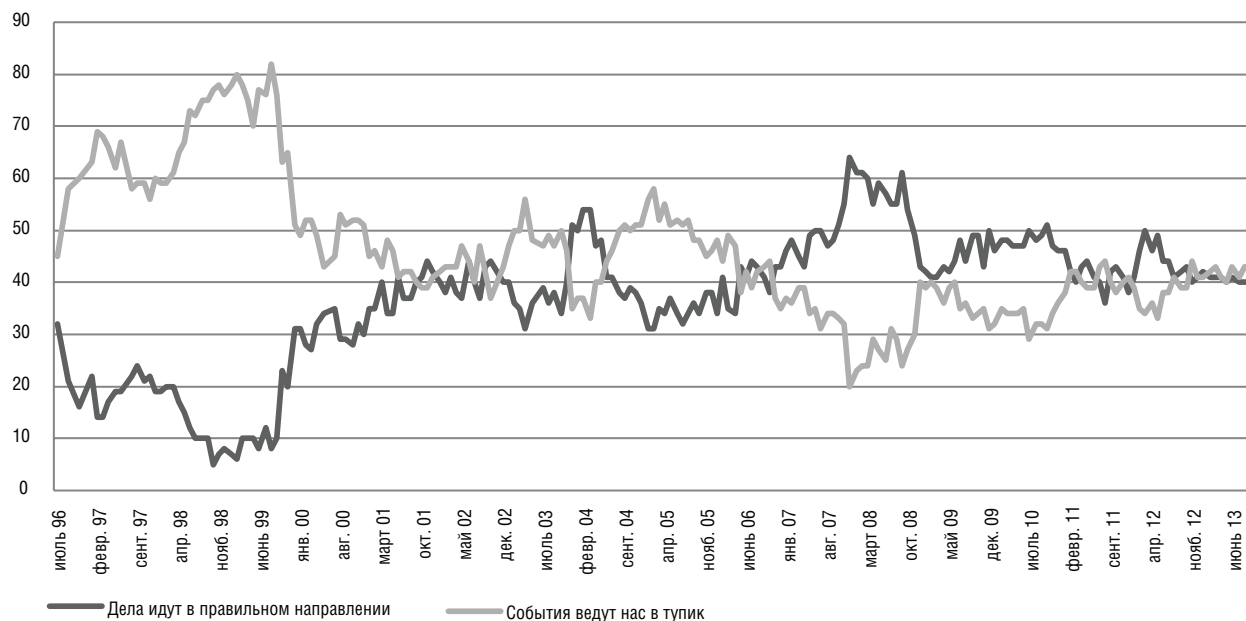

Начиная с 2008 г. идет постоянное снижение общего доверия к первым лицам государства. Зафиксирован рост доли респондентов, считающих, что сегодня нет таких политиков, которым можно доверять, а также затруднившихся с ответом вместе с незаинтересованными в политике (в сумме они составляют 50%).

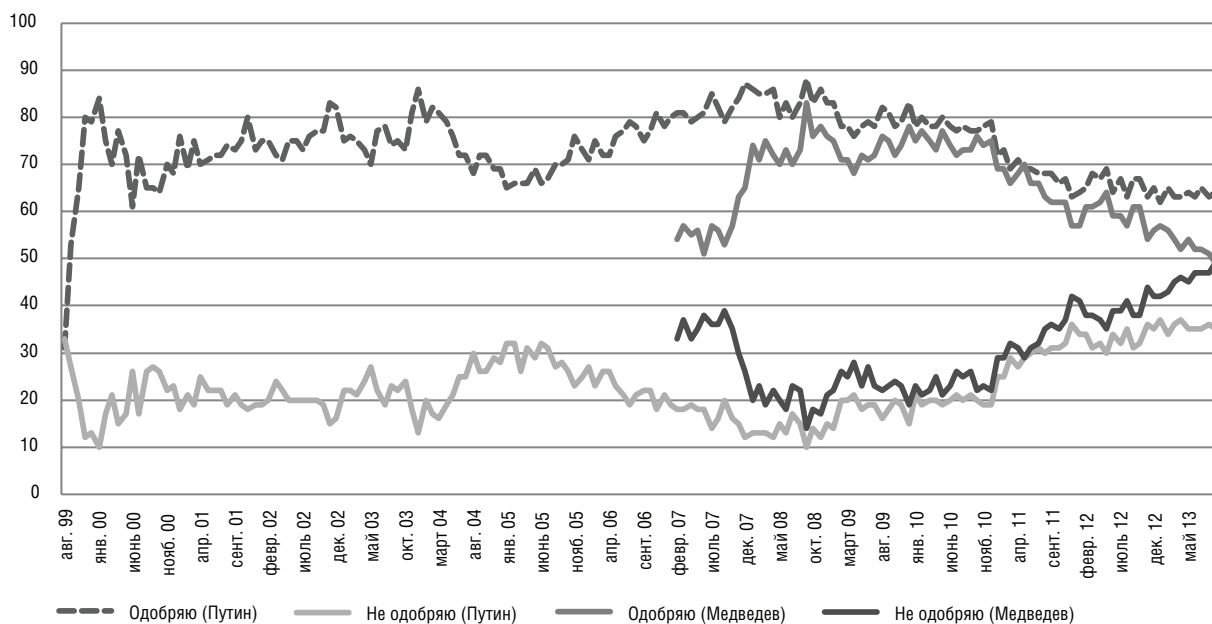
4. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политиков, собравших хотя бы в одном замере не менее 3%, по данным «открытого» вопроса)

Вариант ответа	2008			2009			2010			2011			2012			2013		
	I	VI	XII	I	VII	XII	I	VII	XII	I	VII	XII	I	V	XII	I	IV	VIII
Голикова Т.	1	1	2	2	2	4	2	2	4	3	4	2	2	2	1	1	<1	1
Грызлов Б.	3	3	4	4	3	4	4	4	3	4	3	3	3	1	2	2	1	1
Жириновский В.	10	7	9	10	11	11	9	10	11	10	14	16	12	8	8	10	8	8
Зубков В.	14	6	2	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	1	0	1	1	<1
Зюганов Г.	9	9	7	9	9	10	8	9	8	9	11	15	12	9	8	11	9	11
Иванов С.	23	13	7	7	6	4	3	6	4	5	3	2	3	2	2	3	2	1
Кудрин А.	1	1	1	1	3	3	2	3	3	3	2	6	5	3	2	2	2	2
Лавров С.	2	3	4	6	6	6	4	6	4	6	8	4	5	4	3	4	3	2
Лукашенко А.	2	4	5	3	4	4	2	2	3	2	2	2	1	2	2	2	2	2
Матвиенко В.	3	4	7	4	6	7	3	3	5	3	8	5	5	4	4	4	3	3
Медведев Д.	39	40	42	42	41	43	39	39	40	39	35	31	28	25	19	21	15	13
Мионов С.	5	3	4	3	3	5	4	3	3	3	5	10	8	6	3	4	3	4
Патриарх Кирилл	-	-	-	-	-	-	-	-	10	8	7	6	7	4	3	5	4	5
Примаков Е.	4	3	3	2	3	5	4	3	4	4	4	4	4	2	2	2	2	2
Прохоров М.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	5	8	5	4	6	5	4
Путин В.	65	55	60	56	53	55	48	48	49	44	40	41	41	37	34	38	31	30
Собянин С.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	6	4	2	2	5	2	4
Тулеев А.	4	4	5	3	4	5	3	4	3	4	5	4	3	2	3	3	3	2
Хакамада И.	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	4	3	2	1	2	2	2	1
Шойгу С.	17	16	14	13	16	17	13	15	13	15	21	12	11	14	14	18	16	17
Нет таких	8	14	12	15	15	13	17	16	15	19	21	15	17	16	21	19	22	23
Не интересуюсь политиками, политикой	10	12	9	14	13	12	14	17	15	15	15	15	17	19	16	18	15	20
Затрудняюсь ответить	5	6	6	6	6	5	6	6	6	7	5	5	5	7	9	5	10	7

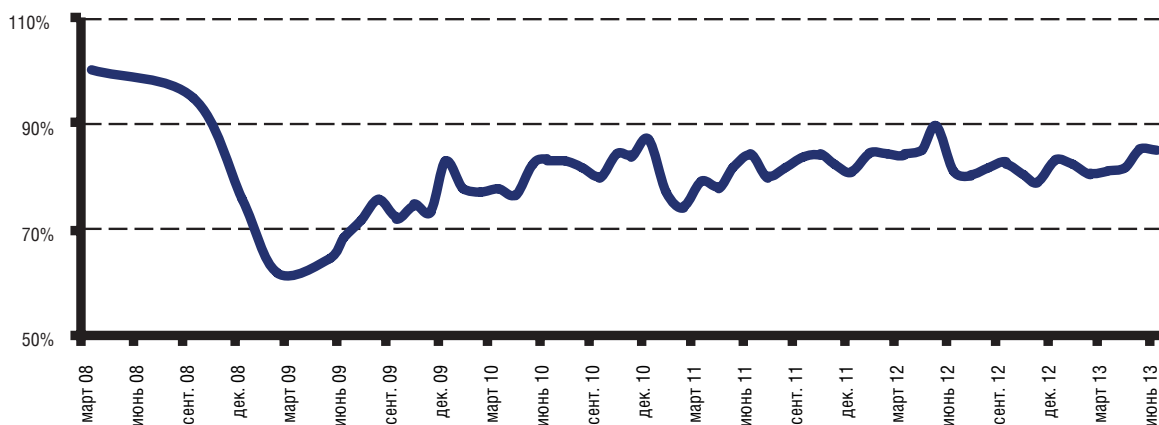
5. ИДУТ ЛИ ДЕЛА В СТРАНЕ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ, ИЛИ СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?

6. ПУТИН И МЕДВЕДЕВ

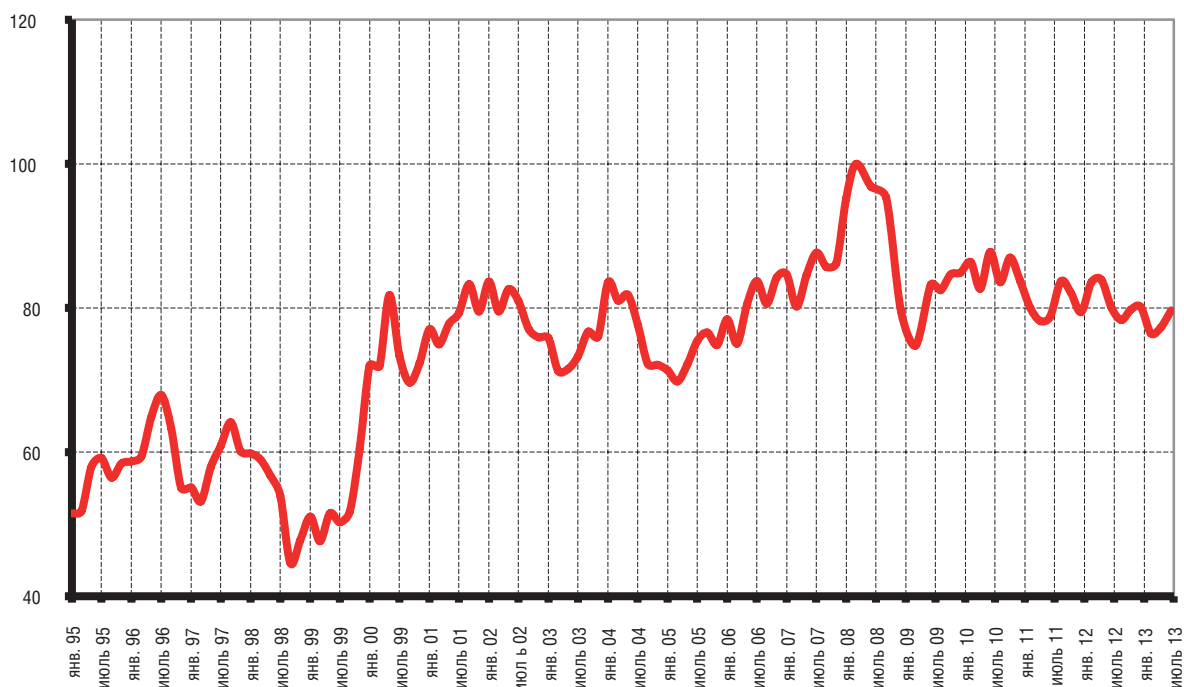
7.1. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

Майский рост потребительских настроений оказался краткосрочным. В июне ИПН снизился на один пункт по сравнению с маем и составил 104 пункта. За отсутствием изменений скрывается незначительная разнонаправленная динамика потребительских настроений в социально-демографических группах. В июне продолжился небольшой рост настроений в высокодоходных группах, среди людей в активном трудоспособном возрасте, жителей крупных городов (в пределах 2-3 процентов). Соответственно, в июне потребительские настроения ухудшились в менее обеспеченных группах населения страны (на те же 2-4 процента).

Несмотря на некоторое улучшение потребительских настроений в наиболее платежеспособных группах населения, нет оснований надеяться на существенный рост розничного спроса. В целом в ближайшие месяцы вряд ли стоит рассчитывать на появление значимых положительных изменений в потребительских настроениях российских жителей.

7.2. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

В первой половине 2013 года ИСН оказывается ниже уровня, зафиксированного год назад. Напомним, тогда, в связи с завершением избирательного цикла, отмечался кратковременное незначительное улучшение социальных настроений. Сейчас социальные настроения «откатились» к ситуации, наблюдаемой в 2011 году.

Национализм, идентичность, политика на постсоветском пространстве

Эмиль ПАИН

Исторический фатализм в эпоху безвременья

Мировая история полна примеров так называемых “reverse waves” (обратных волн) или эпох попятных движений, политической реакции, «безвременья»¹. В такие эпохи массовое и элитарное сознание утрачивают, по разным причинам, интерес к идеям развития и прогресса. Взамен этого идеологи предлагают разные версии исторического фатализма – представлений об истории человечества или отдельной страны как нескончаемого «бега по кругу». В современной России подобные идеи весьма распространены, поэтому основной задачей статьи является анализ причин их появления и популярности, а также теоретическая экспертиза гносеологического потенциала таких идей, их адекватности реальным процессам, происходящим в обществе. Выводы автора в данной статье опираются в том числе и на материалы исследования: «Этнополитическая проблематика в российской блогосфере» (2012-2013 гг.)

«Охранители» и «Отчаявшиеся»

Российская блогосфера как будто бы тотально поражена болезнью дежавю. Многим кажется, что «так уже было»: наше настоящее – это повторение какого-то прошлого отрезка российской истории. Одним видится 1937 год; другим – время «столыпинских галстуков» 1905-1906 гг., а третьим – эпоха после разгрома декабристов 1825 г. Стихи поэтов первой половины XIX в. о «мундирах голубых» и «послушном им народе» напоминают лозунги с плакатов демонстрантов на маршах оппозиции 2011-2012 гг. Явно выраженные признаки эпох, уже ушедших и повторяющихся, периодов политической реакции подталкивает к восприя-

тию проблем России сквозь призму концепции Past Dependency (или «исторической колеи»). У этой концепции есть различные версии, но чаще всего в российской политической философии они объясняют многовековую устойчивость в России политических систем авторитарного типа культурной, цивилизационной предопределенностью российского пути. Все концепции этого цикла представляют собой набор постулатов о культурной преемственности норм и ценностей народа России (при этом остается непонятным, идет ли речь в той или иной концепции обо всех жителях страны или только о ее этническом большинстве).

Существенные различия между разными версиями концепций культурной предопределенности «бега по кругу» проявляются не столько в системе доказательств их справедливости, сколько в политической и шире – мировоззренческой – мотивации таких интеллектуальных конструкций. По этому признаку можно выделить два основных класса апологетов идеи исторического фатализма. Одних мы назовем «охранителями», других – «отчаявшимися».

«Охранители» – это известный в российской историографии термин, используемый как минимум с 1830-х годов для характеристики консервативной идеологии апологетов сложившегося политического режима. Чаще всего «охранители» выполняют социальный заказ власти на самосохранение в условиях, когда в обществе проявляются или только назревает рост оппозиционных движений. Цель самосохранения диктует разнообразные формы обоснования недопустимости политической модернизации, в том числе и за счет ссылок на ее мистическую и культурную предопределенность. Нынешнее идеологическое ополчение российской власти,

¹ См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

например, члены «Изборского клуба» (М. Леонтьев, М. Шевченко, А. Дугин, Н. Стариков, В. Аверьянов, А. Проханов, Д. Рогозин) по политическому происхождению стоят в одном ряду со своими историческими предшественниками.

Периоды подавления оппозиционных сил (эпохи политической реакции) всегда порождали своих идеологов, порой весьма ярких. В России во времена Николая I был замечен Фаддей (урожденный Ян Тадеуш) Булгарин, знаменитый перебежчик из либералов-республиканцев в лагерь консерваторов-мракобесов. Его отступничество было тотальным, он последовательно отказывался от своих первоначальных идентичностей — этнической (поляк-шляхтич стал русским), религиозной (из католиков обратился в православие), политической — потомственный республиканец из семьи революционера, сосланного в Сибирь, и сам воевавший за эти идеалы под знаменами Наполеона, стал радикальным монархистом, агентом III отделения, отмеченным лично царем. История, в том числе и современная российская, дает немало примеров подобного перерождения и избыточного усердия неопитов, доказывающих таким образом другим и себе верность новой вере, этничности или политической идее. Вошли в российскую историю не перебежчики, а последовательные и агрессивные консерваторы. Во времена Александра III это были прежде всего К. Победоносцев и М. Катков, а в советскую эпоху, пожалуй, самым известным и самым последовательным представителем этой плеяды был М. Сулов.

Мы еще остановимся на том, можно ли назвать устойчивость этого типа идеологов культурной традицией, а пока отметим одну существенную особенность охранителей «путинского призыва», отличающую их от предшественников. Консерваторы времен династии Романовых доказывали неизбежность самодержавия, исходя из универсальных закономерностей монархического правления. Советская идеология демонстрировала уверенность в *универсальном*, всемирном характере перехода всех стран к коммунизму. И только нынешний политический истеблишмент отказывается от нормативных *универсальных* оценок России. По их мнению, у нее «особый путь», «своя колея», поскольку Россия — это особая цивилизация. Это идеология изгоев, признающих свое отставание и смирившихся с ним, но ищущих психологической компенсации в сентенциях типа «виноград зелен».

Совершенно иная мотивация у второй из перечисленных категорий защитников идеи «неизменной России». Эти люди хотели бы вырваться из «исторической колеи», но отчаялись это сделать. «Отчаявшиеся», как правило, считают себя представителями иной, более высокой цивилизации, которых случайные исторические ветры занесли в страну с чужой культурой, «страну рабов». Наиболее рельефно эту позицию изложил историк Ю. Афанасьев¹. Похожие идеи разделяет режиссер А. Кончаловский — автор цикла телевизионных передач под общим названием: «Культура — это судьба». К этой же категории я отношу и публициста Л. Радзиховского. После травли со стороны «воинствующих либералов» он с особым упорством защищает идею неистребимости «русской бюрократической матрицы», которая «в ходе очередного кризиса перезагружается (ценой мгновенного распада Государства) — а потом новые чиновники опять самодержавно царят на просторах новой Родины»².

«Отчаявшиеся» и «охранители» отличаются друг от друга своей мотивацией объяснения неизбежности авторитаризма в России. Однако по своим политическим последствиям оба подхода тождественны, поскольку почти в равной мере содействуют самосохранению нынешнего политического режима.

Есть сходство между двумя ветвями идеологов неизменной России и в их объяснении механизмов, обуславливающих ее исторический «бег по кругу». Так или иначе они сводятся к идее закрепления культурных норм в менталитете народа (опять же непонятно, какая социальная общность стоит за термином «народ») через межпоколенное наследование. Примерно так это описывает культуролог либерального направления И. Яковенко: «Ментальность возникает в процессе цивилизационного синтеза и далее наследуется из поколения в поколение... задача изменения ментальных оснований связана с прерыванием социокультурной преемственности»³. Во многом аналогичные объяснения сходства исторических коллизий в истории России дает известный идеолог имперско-консервативного лагеря А. Дугин, выдвигающий на первый план историческую тради-

¹ Афанасьев Ю. Мы — не рабы? (Исторический бег на месте: особый путь России) // Новая газета. 5 мая 2008.

² Радзиховский Л. Фальшстарт. «У России сильнейший иммунитет...» - <http://www.rg.ru/2012/12/04/falstart.html>

³ Яковенко И. Что делать?// Новая газета, от 16 марта 2012 — <http://www.novayagazeta.ru/arts/51633.html>

цию, процесс культурного наследования¹. И, на мой взгляд, в обоих случаях мы сталкиваемся с упрощенными и иллюзорными представлениями о роли культурного наследования в историческом процессе. Далеко не всегда исторически сходные явления связаны механизмом наследования. Так, М. А. Суслов был очень похож на К. П. Победоносцева не только по своей политической роли и по характеру завязанного консерватора, но даже и по внешнему облику. Однако это не означает, что советский идеолог был хоть в каком-то отношении (в кровном или в духовном) наследником или преемником обер-прокурора Священного синода. Их сходство могло быть обусловлено вовсе не наследованием, а воспроизводством в новых условиях старых культурных черт.

Преемственность и воспроизводство: о границах культурного детерминизма. Термин «традиция» восходит к глаголу *tradere*, означающему «передать». Первоначально этот термин использовался для обозначения всякой передачи, а затем в большей мере стал обозначать передачу культурного опыта — умений, навыков, обычаев и др. Исторически границы семантического поля понятия «традиции» расширялась, однако и поныне они жестко указывают на основное качественное отличие всего того, что можно подвести под это понятие: «традиция» — это *межпоколенная передача, трансляция культурной информации*. Философ М. А. Розов нашел удачное толкование сущности традиции, сравнив ее с «социальной эстафетой» и определив как *воспроизведение человеческого поведения или деятельности по непосредственным образцам*². Народная традиция — это не только непосредственная, но и контактная передача культурной информации: человеку не просто показывают образцы, его еще учат ими пользоваться. И, наконец, традиция как социальная эстафета невозможна без социального контроля (системы санкций и поощрений), которые препятствуют отклонению транслируемых норм от канона. Народная традиция (в отличие от традиций в сфере высокой культуры) выполняет функции неформального социального регулирования в обществе.

Из определения понятно, что не всякий устойчивый стереотип поведения может быть

назван традицией. Если люди зимой кутаются, а летом снимают с себя лишние одежды, то это не традиция, это можно назвать рефлексами, в данном случае — *условными рефлексами*, определенными академиком И. Павловым как реакции, приобретаемые организмом в процессе индивидуального развития на основе «жизненного опыта». Ситуативные приспособление к среде не требуют обучения, следования образцам и их передачи. Это справедливо как для биологических, так и для социальных рефлексов. Купеческая жена 24-летняя Катерина Измайлова, жила скучно, как пишет Н. Лесков, дальше городишка Мценска Орловской губернии не ездила, не знала ни Шекспира, ни описанной им высокородной английской леди Макбет. Измайлова ей не подражала, не перенимала ее поведения в качестве канона и ни в каком смысле не могла быть ее наследницей. Тем не менее, ее поведение во много напоминало действия и мотивацию как исторического персонажа (леди Макбет, известной из средневековых английских хроник), так и героини драмы В. Шекспира.

Однотипные проявления человеческого поведения — любовь и измены, преданность и коварство — все это возникало у разных народов, не связанных друг с другом и не подражавших друг другу, не использующих непосредственных образцов, но действовавших однотипно в похожих жизненных ситуациях. По этой же причине почти однотипно проявляются в разных странах мира законы Паркинсона, описывающие шаблоны бюрократического поведения. Однотипны в своих главнейших признаках последствия урбанизации и социальных революций. Диктаторы во всем мире и в разные времена однотипно видели в революциях лишь происки внешних врагов, приписывая революциям сугубо подражательный характер и тем самым отрицая наличие внутренних причин для социального взрыва в данной стране или регионе.

Различать традиционные явления, возникающие в результате целенаправленной передачи «социальной эстафеты», и рефлекторные, вызванные сходством условий адаптации человека, так же важно, как в медицине различать природу болезни. Есть заболевания генетические, передающиеся по наследству, но есть и профессиональные, в которых носителем болезнетворных явлений выступает не сам человек и его генотип, а среда обитания: угольные шахты с их пылью или ядерные полигоны с их радиацией. Такая сепарация явлений важна и в социально-культурной сфере. Выделяя тради-

¹ Дугин А. Евразийский путь как национальная идея. Доступно в Интернете — <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&id=1324>

² Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. // Москва.: И-т философии РАН, 2008.

ционные и адаптационные явления, мы характеризуем одно из универсальных направлений исторических перемен, а именно: **ослабление роли диахронных культурных трансляций**, поскольку исторически становится все труднее обеспечить бесперебойную работу «социальной эстафеты». Исторически уменьшается роль неформального социального контроля, который при благоприятных условиях замещается контролем формальным, правовым, хотя, как показывает мировой опыт, в том числе и российский, такое замещение не всегда происходит последовательно. Повсеместно, хоть и в разной мере, возрастает уровень индивидуализации человеческого поведения и его сопротивления навязываемым традиционным канонам. Одним из самых универсальных факторов, ослабляющих механизмы «социальной эстафеты», выступает индивидуальная территориальная мобильность, которая подвергает эрозии традиционные групповые отношения.

Огромное количество исторических обстоятельств привели к тому, что в урбанизированных районах России, в которых сконцентрировано большинство населения страны, процесс ослабления традиционности происходит интенсивнее, чем во многих других странах. Все современные сравнительные исследования с участием России убедительно показывают, что большинство российского населения характеризуется чрезвычайно высокими показателями атомизации общества, и, соответственно, низкими показателями почти всех форм традиционной групповой самоидентификации¹.

Мне уже не раз приходилось писать о крайне слабой сохранности традиционных отношений в среде большей части городского населения России². Именно избыточный уровень разрушения традиционных социальных отношений и традиционных культурных норм у большинства населения страны представляет проблему для российской модернизации: новации быстро воспринимаются, но не закрепляются, не становятся традициями, а слабые групповые связи препятствуют формированию институтов гражданского общества в России.

¹ Магун В., Магун А. Ощущение связи со страной и гордость за ее достижения: российские данные в контексте международных // Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2002 гг.) / Сост. Е. Н. Данилова, О. Оберемко, В. А. Ядов. - СПб: Издательство РХГА. 2006. С. 1-42

² Паин Э. Общество без традиций перед вызовами современности // Россия в глобальной политике. 2008, №3. С.8-26. Он же. Ценности модерна в стране и мире // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство. 2011. С. 118-191.

Проявления традиционности все еще весьма заметны у народов Северного Кавказа, но и здесь мы зачастую имеем дело не с непрерывной социальной эстафетой, а с реконструкцией традиционных норм, с такими явлениями, которые Э. Хобсбаум назвал «изобретенные традиции». Так он называл инновации, переданные в традицию³. На Северном Кавказе современным примером «изобретенной традиции» может служить салафизм. Это новшество, которое выдает себя за глубинную религиозную традицию, набирает популярность в большинстве регионов России, исторически связанных с исламом, и особенно в Дагестане. Впрочем, не только здесь.

Современный исламский фундаментализм — это вовсе не традиция. Известные мусульманские теологи (например, Фетхулла Гюлен) утверждают, что современный политически ангажированный исламский фундаментализм не традиционен, напротив, это новое изобретение, во многом искажающее основу ислама⁴. Но ведь и современный молодежный русский национализм и русский же православный фундаментализм, в наибольшей мере присущий жителям двух крупнейших городов России, тоже лишь на первый взгляд кажется проявлениям традиционализма, а на самом деле является типичным молодежным бунтарством, но выряженным в форму традиций для придания легитимности инновационному поведению. Такая маскировка протестных новаций — весьма распространенный феномен, характерный для эпохи «безвременья», когда старые нормы поведения надоели до нестерпимости, а новые еще не выкристаллизовались. В современных условиях в качестве традиций чаще всего воспринимаются не столько аутентичные трансляции прошлого опыта, сколько его интерпретации. Это то, что известный методолог исторической науки Пьер Нора назвал «воображаемым прошлым», конструктом, полученным на основе отбора исторических фактов.⁵

Применительно к большинству населения России справедливо, на мой взгляд, утверждение о том, что **влияние исторической культуры**

³ The Invention of Tradition // E.J. Hobsbawm, T.O. Ranger (eds.). Cambridge: N.Y.: Cambridge University Press, 1983.

⁴ Gulen M. Fethullah. In True Islam, Terror Does Not Exist // Terror and Suicide Attacks: An Islamic Perspective. Ergun Capan (ed.). New Jersey: The Light Inc., 2004.

⁵ Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // History and Memory in African — American Culture / Ed. G. Farbe, R. O'Meally. N.Y., Oxford, 1994. P. 289.

в большей мере определяется не столько традициями, сколько их отсутствием, не столько накопленным опытом, сколько отсутствующим. Бедность и однообразие культурного опыта в политической и правовой сфере приводят к тому, что именно здесь в большей мере действует механизм «избегания неопределенности», поэтому новации появляются, но плохо приживаются, значительную роль играют сложившиеся модели адаптации к слабо изменяющимся условиям внешней среды: географической, экономической и социально-политической.

Адаптация к среде и адаптация среды: о границах экономического детерминизма. Сохранность и воспроизводство фундаментальных черт российских условий жизни, прежде всего, экономики, основанной на торговле ресурсами и имперском порядке, воспроизводят и поведенческие стереотипы. Почему сатира Салтыкова—Щедрина воспринимается как наблюдения нашего современника? Да потому, что как торговала Россия сырьем при Петре I, так и торгует, только вместо леса и пеньки продает нефть и газ; как сажали государи воевод и губернаторов «на кормление», так и сажают. Вот и воспроизводятся нравы города Глупова.

Экономические факторы многое объясняют в устойчивости некоторых особенностей политических систем, исторически бытовавших в России. В то же время абсолютизация этих факторов способна породить еще один тип мифологии о вечном и непрерывном беге России по замкнутому историческому кругу. В этом отношении поучительна концепция российского социолога Симона Кордонского.

По его представлению, Россия — не рыночное, а *ресурсное* государство, в котором главная функция власти (как бы она не называлась: царская, советская, «российская демократическая») состоит, прежде всего, в централизованном распределении ресурсов и контроле за ними. Именно в этом Кордонский видит источник цикличности в истории России, предлагая своеобразный маятник развития: от репрессий к депрессии и обратно¹.

Государство стремится к концентрации ресурсов в своих руках. Такая концентрация повышает неэффективность экономики. Ее пытаются победить еще большей централизацией и репрессиями, но тем самым усугубляют проблему. После этого наступает кризис ресурсного государства и новый цикл развития — децентра-

лизация распределения, ведущая к депрессии, которая, по мнению Кордонского, связана с тем, что государство слабеет. При этом ресурсы приватизируются, но эффективность производства не растет, поскольку происходит все то же распределение ресурсов, только на более низких, локальных уровнях. Государственные репрессии стихают, но возрастает уровень преступности, которую Кордонский рассматривает как еще более страшный тип репрессий — против конкурентов, против сограждан. Итак, депрессия — это хаос, ведущий к новой централизации и новым же государственным репрессиям в целях восстановления государственного контроля над распределением ресурсов.

Ресурсное государство в условиях России воспроизводит, по С. Кордонскому, и имперский порядок. В чем отличие империи от другого типа организации жизни в странах с исторически сложившимися ареалами расселения разных этнических групп — федерации? Прежде всего в том, что империи управляются с помощью наместников, сатрапов, а основа федерации — самоуправление. Так вот, в рамках рассматриваемой концепции получается, что в ресурсном государстве территориальное управление неизбежно проходит циклы централизации — управление как вертикаль сатрапов, которые постепенно приватизируют территорию, превращаются в помещиков и фактически растаскивают страну на уделы. После этого воспроизводится очередной цикл усиления централизации, восстанавливается имперский характер².

В этих схемах С. Кордонского есть солидная доля истины, но и в ней присутствует жесткий экономический детерминизм, который неизбежно упрощает реальные процессы, порой доводя их до карикатуры на реальность.

Мы рассматривали два типа детерминизма — культурный и экономический. Любопытно, что эти концепты существуют, как бы ни замечая друг друга. Если культурный детерминизм, абсолютизируя явления культурной трансляции и преемственности, не обращает внимания на процессы адаптации человеческого поведения к условиям среды, то экономический — полностью исключает фактор определенной автономности сознания, свободы воли и стремления к выбору. Между тем, роль политической воли в сочетании с другими обстоятельствами проявляется уже в том, что не-

¹ Кордонский С. Ресурсное государство: реконструкция прошлого// <http://www.liberal.ru/articles/cat/1290>

² Кордонский С. Россия. Поместная Федерация. Административно-территориальное деление России в «реальности» и «на самом деле». М.: Издательство «Европа», 2010.

которые бывшие части Российской империи перестали быть ресурсными и стали рыночными, выйдя из-под власти самодержавия. Вначале это сделали Польша и Финляндия, затем государство Балтии. Эти страны показывают, что можно вырваться из замкнутого исторического круга, сойти с принудительной «российской колеи». Их пример указывает на то, что фактор ресурсной экономики вторичен по отношению к факторам конструируемым, политическим и, прежде всего, к конструкции политической системы. К такому же выводу можно прийти и на основе анализа российской истории.

«Реформы Александра II, — пишут А. Ахиезер, И. Клямкин и И. Яковенко, — были в ту эпоху самыми радикальными в мире»¹ Это был, по мнению этих авторов, «прыжок через тысячелетия». Отмена крепостного права, земские выборные учреждения, судебная реформа, военная реформа, создавшая впервые всесословную российскую армию и многие другие дали громадный толчок экономическому и социальному развитию. Беспрецедентные темпы урбанизации, проявившиеся после реформ, привели к быстрой (избыточно быстрой) ломке крестьянских традиций. Однако все это не затронуло основ самодержавного строя. Это проявилось, прежде всего, в категорическом отказе царя от введения конституции, даже в форме ограниченной конституционной монархии. Царь не намерен был делиться властью и имел институциональные возможности сохранения абсолютизма. Отказ от введения конституции — важнейшей стороны реформ, знаменующих переход от средневековья к новому времени, был источником появления последующих радикальных несистемных настроений в обществе, вплоть до развития терроризма. И в дальнейшем в развитии России вовсе не специфика ее ресурсной экономики и не особенности культурного естества россиян обуславливали цикличность реформ и контрреформ в стране. В основе таких колебаний лежало столкновение абсолютной свободы воли самодержавной власти (монарха или олигархических группировок) при невозможности мирного, легального и свободного волеизъявления тех социальных слоев, которые тяготились неограниченной властью самодержавия. Примерно так рассматривают истоки исторических колебаний между реформами и контрреформами или репрессиями и депрессиями и авторы упомянутой мной монографии об истории России. И, что особенно

¹ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало. М.: Фонд либеральная миссия, 2013, с. 261.

важно, они отмечают исторически нарастающую остроту и разрушительность этой коллизии². На мой взгляд, в перспективе это может привести к полному переходу России от одной исторической траектории развития к принципиально иной, близкой к странам с более высоким, чем в России, уровнем самоорганизации общества на основе правовой гражданской культуры. Но пока в России доминируют механизмы внешнего управления, при котором политический истеблишмент имеет огромные возможности использовать целый арсенал инструментов для самосохранения.

Управляемое самосохранение. Знаменитая фраза лорда Эктонна: «Всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» стала тривиальной, но все еще хорошо объясняющей ситуацию в ряде стран, в том числе и в России последних лет. Нарушение правовых норм в деле Ходорковского-Лебедева в начале 2000-х гг. не вызвало большого осуждения на Западе, а в России так и вовсе было поддержано большинством жителей, выступавшим за самое жесткое наказание богачей-олигархов. Даже вестернизированные слои российского общества рассматривали это дело как частный случай, всего лишь сигнал для бизнесменов быть более послушными власти и спокойно приняли этот сигнал, посчитав себя в безопасности, но при этом не учли возможности раскручивания маховика репрессивной политики. Между тем механизм эскалации правового произвола был запущен в полной мере после некоторой кратковременной активизации политической оппозиции.

Начиная с весны 2012 г., суды буквально штампуют обвинительные приговоры по де-факто политическим делам: дело Pussy Riot, уголовное преследование рядовых участников митингов на Болотной площади 6 мая 2013 г., обвинения против всех организаторов этих митингов, будь то либерал А. Навальный, коммунист С. Удальцов или националист К. Крылов.

Репрессии распространились и на интернет, который российские власти посчитали одним из основных виновников распространения западных идей «цветных революций». По закону «О защите детей от вредной информации» в список запрещенных сайтов без решения суда включаются сайты с пропагандой суицида, наркотиков и детской порнографией. Однако закон составлен таким образом, что власти на местах сами могут определять что такое «вред-

² Там же, с. 256-257.

ная информация» и привлекать за ее распространение к уголовной ответственности всех. Таким образом был включен механизм расправы с политическими оппонентами. В последнее время сформировалось несколько видов репрессивных действий властей в Интернете. Прежде всего это так называемый **«государственный троллинг»**. Спецслужбы России нанимают сотни и даже тысячи платных агентов для работы в социальных сетях (они получили название «тролли»), задача которых состоит не столько в распространении информации, удобной властям, сколько в блокировании информации оппозиционеров, посредством дискредитации, травли и дезорганизации деятельности оппозиционных блогеров. Как пишет интернет-эксперт Валерий Лебедев: «Тролли организованы в структуры по десяткам, сотням и тысячам. Над ними стоят, соответственно, десятники, сотни и тысячники, которые контролируют задание, ведут учет и выплачивают троллям, как бы это назвать, гонорары или пособия за сочинение постов и размещение их в сети <...> По имеющимся сведениям расценки составляют 85 рублей (2,5 доллара) за пост. Лимит на посты — десять штук в день. Это чтобы тролль не слишком повторялся, не засвечивался и не халтурил, ставя один и тот же пост в разных изданиях»¹. С помощью таких троллей был дискредитирован, доведен до психического срыва и выдворен из социальной сети один из самых популярных оппозиционных блогеров Рустем Адагамов².

Еще одной формой государственных репрессий стал **«спаминг»** — автоматизированная рассылка спама. Как стало известно газете «Коммерсант» прокремлевская организация «Молодая гвардия Единой России» готовится запустить систему, которая автоматизирует рассылку политического спама в социальных сетях. Площадкой должен стать сайт ka-2.ru, проходящий сейчас тестовые испытания. С этой площадки должно происходить «замусоривание спамом тех тем, которые продвигает оппозиция», — рассказал собеседник «Ъ» («Коммерсанта») в московском штабе «Молодой гвардии Единой России». Впервые с применением этой технологии столкнулся независимый кандидат в депутаты госсовета Татарстана Раушан Валиуллин во время предвыборной кампании **осенью 2012 года**³.

¹ Лебедев В. Государевы тролли. - <http://www.lebed.com/2013/art6137.htm>

² Блогер Рустем Адагамов закрыл свои аккаунты в Facebook и Twitter. Подробнее: <http://kommersant.ru/doc/2106388?NodesID=7>

³ Перепрошивка сети // «Коммерсантъ», № 7 (5038), 17.01.2013- <http://kommersant.ru/doc/2106191>

Закон никогда не был почитаем в России, ныне же он рассматривается властью исключительно как принадлежащий только ей инструмент управления. По мысли российских властей закон должны соблюдать граждане, а для властей он не создает никаких ограничений и трактуется произвольно, как власти удобно и полезно в зависимости от изменяющихся обстоятельств. Этот подход заметен, например, при применении российской прокуратурой и судами статуса «иностранный агент» применительно к российским некоммерческим организации (НКО), получающим какие-либо денежные средства от иностранных граждан и организаций. Эта правовая норма появилась лишь 13 июля 2012 года, когда Госдума приняла поправки к закону **«О некоммерческих организациях»**. Уже сами эти поправки и закон в целом подверглись серьезной критике со стороны российских и иностранных экспертов в области права⁴. Однако применение этого права Прокуратурой России вызывает еще больше нареканий. Так, российская прокуратура признала «иностранным агентом» истринскую благотворительную организацию помощи больным редкими заболеваниями, крупнейшее российское историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал», организацию защиты военнослужащих «Комитет солдатских матерей», ассоциацию адвокатов-правозащитников «Агору»; вынесла соответствующее предостережение независимой социологической службе «Левада-центр» и многим другим организациям. Между тем, даже в критикуемом законе об НКО специально оговорено, что «к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты животного и растительного мира, благотворительная деятельность». Прокуратура России произвольно трактует этот закон и называет политической любую деятельность, ко-

⁴ С критикой закона выступил Совет при президенте по правам человека, который счёл закон «совершенно избыточным и юридически бессмысленным». Комиссар Совета Европы по правам человека выразил озабоченность законом, которым был установлен статус иностранного агента. Комитет ООН против пыток призвал «внести изменения в законодательство, требующее от получающих финансирование из-за рубежа правозащитных организаций регистрироваться в качестве «иностранных агентов»». Одиннадцать российских НКО в связи с принятием закона в 2013 году обратились с жалобой в Европейский суд по правам человека.

торая *может воздействовать на общественное мнение*, а в качестве иностранного вознаграждения рассматриваются любые средства, полученные из-за рубежа, даже нобелевская премия. При таких условиях лишь небольшой рубеж отделяет российских граждан от того, чтобы любой из них мог быть объявлен *иностраннным агентом*. Достаточно хоть раз получить вознаграждение от иностранной организации (даже в виде гранта или премии) и публично выступить с критикой власти, хотя бы за несвоевременный ремонт канализационных труб, и тебя могут признать иностраннным агентом.

Нынешняя правовая политика России, особенно в отношении НКО, в большей мере, чем суды над конкретными персонами, вызвала критику российского руководства не только со стороны международных организаций, но и куда более значимых политических субъектов — глав государств и правительств стран большой восьмерки, а также и руководства Евросоюза. Однако сделанные на этот счет заявления не могут хоть как-то повлиять на ситуацию в нашей стране.

Россия, пожалуй, впервые за последние три века своего развития отказалась от стратегии догоняющей модернизации, которую она проводила, начиная со времен Петра I. Она перестала соревноваться с Западом. Российский истеблишмент, ориентированный только на самосохранение, признал свое отстающее положение в мире. И это значительно облегчило ее фактический переход к политике изоляции от Запада.

Еще несколько лет назад стратегические цели России по крайней мере формально были похожими на западные: модернизация, формирование правого государства, развитие демократии, пусть и специфической — «суверенной». Сейчас же эти цели исчезли из официального политического дискурса. Вместо них все больше говорят об «особом пути», «особой евразийской цивилизации», которая противопоставлена западной цивилизации и, прежде всего, англо-саксонской. Теоретики этой идеи, весьма близкой Кремлю, выдвигают в качестве главной задачи сохранение так называемого «цивилизационного суверенитета», который якобы выступает фундаментом суверенитета государственного. Вопрос о суверенитете активно обсуждался в связи с так называемым «делом Магнитского». Пресс-секретарь президента РФ Д. Песков подчеркивает, что Россия имеет право требовать невмешательства в свои дела извне, в силу чего так называемое «дело Магнитского» не должно обсуждаться где-то за ее пределами, и хвастливо добавляет: «Россия —

одна из немногих стран мира, которая может сказать — мы суверенное государство»¹.

Поскольку российские власти находятся в полной уверенности в своей безнаказанности, то это провоцирует их на раскручивание антизападной истерии. Со времен «холодной войны» не было столь откровенного признания Запада и, прежде всего, США *врагом России*. Так, в апреле 2013 г. Костромской центр поддержки общественных инициатив был признан прокуратурой «иностраннным агентом» только за то, что организовал встречу представителей общественности Костромы с официальным лицом, с политическим советником американского посольства. Наши исследования показали, что антизападная истерия западает в массовое сознание. В топ 10 самых популярных политических публикаций и телевизионных передач за 2012 год среди пользователей Рунета большинство посвящено внешней политике (так было только в советское время):

А.Фурсов: «Сирия дальний рубеж России» (с 4.06.2012 по 11.06.2012); он же. «Бьют по Сирии, а целятся в Россию!» (с 6.08.2012 по 13.08.2012).

В.Якименко о возможности повторения в России «Ливийского варианта» (с 22.08.2011 по 29.08.2011).

А.Дугин: «Армия сатаны атакует». О происках Запада в России (с 3.09.2012 по 10.09.2012).

А.Мамонтов. Фильм «Шпионский камень» (с 16.01.2012 по 23.01.2012), о сотрудничестве российских правозащитников с английской разведкой.

Серия статей, посвященная критике вступления России в ВТО.

Власти инициируют появление в массмедиа материалов о коварстве и враждебных по отношению к России происках Запада и поддерживают их распространение, подражая информационно-политике Белоруссии и Ирана, Кубы и Венесуэлы. Нужно признать, что такая пропаганда дает результаты: образ западных стран сильно дискредитирован в массовом сознании. Уровень антиамериканских настроений рекордно высокий: по данным Фонда «Общественное мнение» 61% опрошенных в 2013 году считало США врагом России².

¹ Кремль против обсуждения «дела» Магнитского за пределами РФ. Официальный сайт партии «Единая Россия» <http://er.ru/news/2013/4/15/kreml-protiv-obsuzhdeniya-dela-magnitskogo-zapredelami-rf/>

² Россия и Запад в общественном сознании. <http://www.svoboda.org/content/transcript/24631636.html>. См. также: Общественное мнение-2012. Ежегодник. Левада-центр, 2012, с.198 и с. 200.

Бедное разнообразие некреативного общества. Власть может быть репрессивной настолько, насколько ей это позволяет общество. Во все времена в России существовали группы людей, сопротивляющиеся массовому конформизму. Из числа таких неконформистов формировались те слои российской элиты, которые возглавляли и проводили реформы в России на разных этапах ее развития. Исторически удельный вес неконформистов теоретически должен возрастать под влиянием многих факторов, в том числе и под действием расширяющегося информационного и культурного взаимодействия стран глобального мира. Также по теоретическим расчетам должно возрастать в России разнообразие социальных групп, а вместе с ней и разнообразие реакций людей на однотипные импульсы, исходящие как от актуальной среды обитания, так и со стороны культурных традиций. Казалось бы, все это должно увеличивать социальный потенциал общества, повышать его относительный вес в политической системе. Однако в реальности мы сталкиваемся с весьма бедным разнообразием политических идентификаций внутри российского общества.

На основе анализа массовых интернет-сообществ и элитарных групп в блогосфере наша исследовательская команда пыталась определить политико-идеологический портрет современной России¹. Вырисовались четыре узнаваемых «лица»: либеральное, левое, националистическое и провластное. Это те идеологические течения, которые проявились в России еще в начале XX в. и сохранились в исторической памяти, несмотря на более чем семидесятилетнюю монополию в СССР одной партии — коммунистов. Этому выводу не противоречит и другое предположение: в современной России проявились пока простейшие формы политической самоидентификации, характерные для любой страны мира на ранних этапах ее демократической культуры. Так или иначе, восставшее или только зародившееся идеологическое разделение российского общества весьма примитивно и аморфно. Правда, так оно выглядит лишь в массовом интернете («В Контакте»), в котором идеологическая направленность групп узнаваема уже по названию, вроде «Я русский», «Наша Родина — Советский Союз», «Коммуна» и т.п. В сетях же Facebook

¹ Методика этого исследования под моим научным руководством, спонсируемого фондом «Либеральная миссия», описана в коллективной статье: Паин Э.А., Мохов С.В., Поляков Е.И., Простаков С.А., Федюнин С.Ю. Этнополитические процессы в зеркале Рунета// Политическая наука 2013, № 1.С. 133-160.

и Twitter, в которых преобладают более образованные и идеологически изолированные пользователи, уровень разнообразия идеологических течений существенно выше.

Свое исследование мы начали с массового интернета, что позволило сосредоточиться на тех социальных феноменах, которые обычные опросы общественного мнения оставляют незамеченными. Анализ Рунета позволяет выделить не только сиюминутные оценки и настроения респондентов, но и устойчивые идеологические объединения, обладающие специфическим самосознанием и особым языком. Именно с составления словаря такого сообщества начиналось наше исследование, в ходе которого удалось выделить наиболее популярные и устойчивые тематики обсуждений в различных интернет-сообществах, а также ключевые, специфические для каждого из них аутентичные слова и семантико-смысловые конструкции их дискурсов.

Наибольшую группу в Рунете формально составляют сторонники действующей власти. Однако после детального изучения мы дали ей другое название — «материковая масса советских людей». Это те люди, которые всегда в большинстве и всегда составляют опору власти, даже если политический режим радикально изменяется. Сегодня они поддерживают партию «Единая Россия» и близкие ей партии, типа ЛДПР В. Жириновского, а также религиозные (православные) группировки. Но многие из этих людей в 1990-е годы поддерживали партию «Наш дом — Россия», созданную Б. Ельциным», а в свое время — и либералов Е. Гайдара и А. Чубайса. Конформизм — вот свойство, которое, прежде всего, отличает данное сообщество, использующее для самоописания в качестве главного признака словесную конструкцию «мы — большинство», или «мы как все». Единая инертная масса имперского, советского общества, являющаяся объектом манипуляций, диверсифицируется постепенно, крайне медленно и болезненно, но расслаивается. Это не так заметно в самой массовой социальной сети «В Контакте», а вот анализ Facebook и Twitter показал, что здесь уже во всех идеологических течениях появляются множество мелких элитарных ячеек, которые сильно усложняют, дробят идеолого-политические течения, хотя все же продолжают называть себя обобщенно «левыми» или «националистами»

Прежде всего **изменения коснулись группы «левых»**. Именно в ней проявились совершенно новые для России течения, отчасти дока-

зывают справедливость вывода Фрэнсиса Фокуямы о том, что левые (пока больше на Западе) ныне сменили основной объект любви и защиты. Их больше не интересует рабочий класс, обуржуазившийся и не нуждающийся в их поддержке. Они поддерживают сегодня колониальные народы, культурные меньшинства, ЛГБТ-группы и т.д. Мы видим и в России это гигантское различие между людьми, которые называют себя марксистами, левыми. Все они выступают вроде бы за идею эгалитаризма, социальной справедливости, но друг на друга ультра-ксенофобы из партии Г. Зюганова и защитники меньшинств «антифа», левые Pussy Riot и советские коммунисты, патриархальные бабушки, которые борются с теми, кого называют «кошунницами», совсем не похожи. Впрочем, «новые левые» и в Рунете численно составляют ничтожное меньшинство по сравнению со сторонниками коммунистов (КПРФ)

Очень *серьезные перемены наблюдаются в группе националистов*. «Русские националисты» рождались как группа, защищающая империю и самодержавие. Их политические представители, появившиеся в начале прошлого века («Черная сотня», «Союз русского народа»), были ультра-монархическими и имперскими. Ныне же мы видим нарастание в среде русских националистов антиимперских настроений, проявляющихся в лозунге «Долой Кавказ!» С этого начинаются расхождения русских националистов с властью, ставящей в качестве одной из главнейших своих задач сохранение империи. Антивластные настроения, которые усиливаются и разрастаются, проявляются не только в Петербурге и в Москве, но и на периферии. Причем в некоторых районах России, например, в Ставропольском крае, русский национализм выступает в качестве основной оппозиции власти.

Меньше перемен произошло в группе либералов. Кстати, и меньше различий заметно между массовой и элитарными группами. Можно выделить три основные особенности этой группы.

Первая: либеральное интернет-сообщество — самая атомизированная, разобщенная группа среди других. Это проявляется уже на уровне самоидентификации в силу отсутствия единого термина для самоопределения. Так, слово «либерал» по отношению к самим либералам употребляется довольно редко. Из специфических самоопределений можно назвать либо сугубо этические («мы — рукопожатные», а они «нерукопожатные»), либо такие негативные по своей природе самоназвания, как «анти-

селигер». Очень популярный, между прочим, термин.

Вторая особенность этого интернет-общества состоит в крайнем пессимизме в отношении реализации либерального политического сценария, как некоего европейского пути для России. Господствуют представления о том, что либералы — это меньшинство, которое существует в некоем враждебном социальном окружении среди народа с «рабским сознанием», поэтому это меньшинство обречено на поражение.

Из этого вытекает и третья особенность — эта группа, которая на протяжении всей российской истории поставляла обществу реформаторов, оказалась самой некреативной, она вообще не предлагает общей для страны повестки дня — единой программы действий. В лучшем случае делаются предложения только для «своих».

Исследование показало, что разделение общества на идеологические группы можно считать свершившимся фактом. Отчасти это позитивный сдвиг по сравнению с эпохой доминирования аморфной массы советских людей. Теперь тотальная мобилизация общества в мирных условиях исключена. Значительно меньше возможности манипуляции людьми. Однако у каждой медали есть и обратная сторона. Международные сравнительные исследования интернет-сообществ показывают, что российское — самое раздробленное, его идеологические «кусты» слабо связаны друг с другом, умение разговаривать и договариваться так и не появилось. При всех различиях просматривается несколько признаков, общих для всех течений. Во-первых, негативная консолидация во всех группах превалирует. Так, для самоидентификации интернет-сообщества чаще используют негативные определения («мы — не они»), и объединяются только перед лицом общих врагов. Во-вторых, ни одна из идеологических групп, включая провластную, не выражает удовлетворенности текущим положением дел и нынешнюю власть оценивает в лучшем случае как меньшее из зол. В-третьих, во всех группах преобладает скепсис в отношении позитивных перемен. Мало кто верит, что у нас может стать лучше, и уж тем более, что скоро станет лучше. Сравнение массовой интернет-аудитории с элитарной показывает, что чем выше уровень интеллектуализма, тем больше проявляется критическое отношение к современным условиям, но при этом у всех групп впечатление бесперспективности. Одни не хотят перемен,

боятся их, другие хотят, но не верят в возможность благоприятных перемен. Для большинства групп **настоящее безобразно, будущее бесперспективно. И это сущность того безвременья, о котором мы сегодня говорим.**

Что нас ждет после конца «безвременья»? Эпоха безвременья постепенно уходит. Это еще не очень заметно — как наступление утра зимой: пять часов утра в декабре мало отличаются от трех часов ночи, однако язык все-таки говорит нам, что одно — утро, а другое — ночь. И вот сейчас по ряду признаков уже можно угадывать приближение хмурого утра.

Фундаментом безвременья была политическая стабильность, пусть и застойная. В таких условиях большинство идеологических группировок оставались пассивными и могли позволить себе абстрактно размышлять на тему, а нужны ли им программы действий? Но это была шаткая конструкция, и стоило какой-то из ее частей проявить активность, как равновесие нарушилось. После серии митингов в 2011–2012 гг. включилась власть. Ее новую стратегию Владислав Сурков, бывший главный идеолог Кремля, назвал «долгожданной жесткостью», а политическая оппозиция (практически всех ее оттенков) — репрессиями¹. Так или иначе, возникает цепная реакция — действие рождает противодействие. То, что Сурков назвал «однозначной победой» власти, может быть всего лишь естественным запаздыванием ответа оппозиционных сил на действия властей. В начале прошлого века этот ответ растянулся на 12 лет (между 1905 и 1917 годом), сегодня сроки способны сжиматься, а варианты «отдачи» — быть еще более непредсказуемыми. Оппозицию буквально провоцируют к росту напряжения: в 2010 году, когда футбольные фанаты вышли на Манежную площадь, Путин с ними встретился. Через год после целой серии многократно больших по численности митингов власть отказалась от диалога. Оппозиция, дескать, не конструктивная. Действительно, куда ей до футбольных фанатов. Но ведь и провластные силы не получили успокоения. Напротив, именно они стали основными потребителями потока антизападной истерии. Мобилизовать с ее помощью население нельзя, не получается, а вот страхи и фобии возрастают, а это плохая опора для стабильности. К тому же все это происходит в условиях экономического спада.

Чтобы оценить, какой будет идеологическая палитра России в ближайшем будущем, стоит обратить внимание на способность к самоорганизации и объединению сторонников каждой из представленных групп. Когда все находится в становлении, эта способность очень важна. И в этом аспекте расстановка сил иная. Наибольшую способность и готовность к самоорганизации проявили левые и националисты. Заметно отстают провластные (их организуют сверху). А наименьший интерес к самоорганизации у либералов. Соответственно, у них же самые безрадостные перспективы. Кроме того, в этом исследовании мы выделили тематические блоки дискуссий каждой из четырех групп — новости, самоорганизация, идеология, развлечения и так далее.

Идеология это то, чем интересуются в основном левые. Они рассуждают, что такое марксизм новый, что такое марксизм старый, что такое отчужденность, справедливость, интересы. На втором месте по этому пункту оказались русские националисты. Меньше всех идеологией интересуются российские либералы. У них лидирует блок «иное» — это та каша с гвоздями, которой даже названия не найти: личные фотографии, обсуждение книг, споры о киногероях и котиках... Собственно политический контент сведен к минимуму. Интерес к приватной жизни понятен, но обратите внимание: мы рассматривали политические интернет-сообщества. Справедливо заметить, что и на Западе сегодня либеральная идеология сравнительно размыта. Но почему? Потому что там основная либеральная идея — о главенстве прав человека — стала общим местом. Ею воспользовались почти все существующие партии. Либералам осталось бороться за частности. Однако у нас иная ситуация. Права человека в России ценностью не считаются. Более того, именно сейчас они подвергаются целенаправленной травле, постулируется мысль, что Запад использует идею прав человека для вмешательства во внутренние дела России. Казалось бы, в этих условиях именно либералы должны сплотиться под знаменем защиты прав человека, но, увы, и в этом лагере идут дискуссии (пусть и в иносказательной форме) о пользе соблюдения таких прав. Случается, что либералы (даже такие заметные, как Владимир Милов) предлагают с пониманием отнестись к призывам «Хватить кормить Кавказ!» и «считаться с устойчивыми стереотипами против «выходцев с Кавказа»». Уж какие тут права человека!

¹ Выступление Владислава Суркова в Лондонской школе экономики 1 мая 2013 г. // <http://ria.ru/politics/20130501/9335579012.html>

Идея гражданской нации, полтора века назад высказанная Э. Ренаном, в либеральном сообществе даже не упоминается. Непонятными для идеологов российского либерализма остались и идея Э. Геллнера о нации как основе экономической и политической модернизации и мысль Данкворта Растоу о том, что национальное единство — главное предварительное условие для демократии. Народ может стать источником власти, однако сначала нужно договориться, кто же такой народ. Россия решила обойти ответ на этот шекотливый вопрос, в результате у нас ведутся споры между либералами-космополитами и этническими националистами — заранее тупиковые споры. И, наконец, главный грех современного русского либерализма — это склонность его сторонников к идее исторической предопределенности. В двух ее разновидностях. Во-первых, в пессимистической. В России, мол, сложилась такая авторитарная политическая культура, рабское сознание. «Плохой народ» не способен отказаться от «исторической памяти» и поддержать либеральный курс. Во-вторых, предопределенность сквозит и в натужно оптимистических выступлениях. Этот мотив преобладает на митингах, когда собравшихся убеждают, что исторический прогресс сам собой приведет Россию к торжеству свободы и демократии. Непонятно лишь, о каком масштабе истории идет речь — о веках, тысячелетиях? Если говорить о текущем историческом моменте, то он показывает, что победа из рук либералов ускользает. Положим, они многое сделали для того, чтобы внушить большинству населения святую ненависть к «партии жуликов и воров». Но вот публикуется список министров-миллионеров, охарактеризованных как сторонники экономического либерализма, и тут же в интернете появляется пост: «Хорошо устроились либерасты: сами воюют, а на Путина сваливают. Доверия к либералам нет».

Неструктурированные, расколотые, донациональные общества в течение долгого времени оказываются во власти либо диктатур, либо толпы, и трудно оценить, какое из зол большее. В 1979 г. после свержения монархии в Иране к власти пришла исламская теократия. В 2011-2012 гг. после революций так называемой «арабской весны» в ряде арабских стран были свергнуты застойные диктатуры, но власть захватили идеологи исламского фундаментализма. В современной России в случае ослабления авторитарных тенденций и ускоренного роста нестабильности не исключено,

что претендентами на политическое лидерство станут совершенно новые силы — идеологические мутанты, возникшие из сочетания ксенофобного национализма и левого социального популизма. Их появление вызвано запросом снизу. Наше исследование показало, что единственная идея, общая для массовой аудитории каждой из четырех групп, — это ксенофобия. Исламофобия, кавказофобия, мигрантофобия распространены даже среди либералов, а в других течениях они еще сильнее. Растет популярность идеи социальной справедливости. Согласно последним соцопросам, россияне все большее значение придают условиям жизни, комфорту и защищенности — по сравнению с тем же увеличением зарплаты. А власти, конечно, гораздо легче прибавить зарплату и индексировать пенсии, чем разбираться с ЖКХ. Назревает недовольство. Подстраиваясь под эту реальную повестку дня, националисты и левые мутируют. Самые активные ячейки слева и справа подхватывают лозунги друг друга, сливаясь в своеобразный национал-социализм российского разлива. В одном из информационных листовок (партии «Воля», отнюдь не самой популярной, но весьма показательной) собраны все ударные лозунги: критика власти — «наша страна умирает. Ее убивают как раз те, кто должен «по должности» о ней заботиться — чиновники»; национализм: «народное движение «За Ив́анов!» — это значит в защиту коренного населения России против колонизации страны»; левая риторика против иностранной буржуазии: «заводы и предприятия за годы перестройки были отданы на откуп Западу, грабительство названо «приватизацией»». Подобные лозунги в современной России вполне перспективны. История в таких ситуациях, как сегодняшняя российская, предлагала два варианта сплочения граждан на общей платформе. Либо испанский сценарий — пакт Монклоа: когда разные политические силы после смерти генералиссимуса Ф. Франко объединились в неприятии диктатуры и выработали «дорожную карту» демократического транзита; либо сценарий эволюции Веймарской республики — от авторитаризма к диктатуре. Во втором случае, как мы помним, объединение происходило не за счет диалога и учета мнений оппонентов, а за счет уничтожения или выдавливания всех противников режима. Я не говорю, что в России невозможен первый сценарий. Однако опасность второго налицо: он гораздо проще и, если ничего не предпринимать, в силу исторической инерции может осуществиться именно он.

Выводы. Итак, на наш взгляд, все рассматриваемые вариации концепции исторического фатализма выглядят как иллюзорные, мнимые, неадекватные реальности. Они плохо объясняют причины устойчивости авторитарных элементов политической системы и в то же время сильно тормозят социально-политическое развитие стран. Такие конструкторы проявляются в результате упрощенных представлений о механизмах исторической устойчивости культурных и социальных явлений и почти всегда связаны с дефектами восприятия перемен, которые порой кажутся проявлением прошлого.

Роль традиций — межпоколенной культурной преемственности и наследования — явно преувеличена при объяснении устойчивости в России элементов авторитаризма.

Большую роль в таком объяснении следовало бы отводить воспроизводству традиционных элементов экономического уклада «ресурсного государства» и архаичных институтов территориальной организации общества, сохраняющих заметные признаки империи. Все это, в свою очередь, обуславливает воспроизводство адекватных таким условиям форм массового социального поведения и сознания.

И все же наибольшую и все возрастающую роль в сохранении «российской колеи» и в создании в обществе иллюзии ее безальтернативности играют непосредственные и целенаправленные усилия политического истеблишмента по своему самосохранению. Эти усилия оказываются ре-

зультативными в условиях не просто пассивного, но и оцепеневшего общества и пока не проявившейся духовной элиты.

Сегодня на политическом поле активно играет только власть. Общество же парализовано самой ситуацией безвременья, при котором настоящее кажется безобразным, но и будущее бесперспективным. Длительное сохранение такой ситуации чрезвычайно опасно, прежде всего, в связи с возможностью появления на политическом поле новых радикальных несистемных политических сил, эксплуатирующих массовые стереотипы.

Используемые правящими силами инструменты самосохранения лишь кратковременно дают им желаемый результат — стабилизируют их политическую монополию. В перспективе же они ведут к накоплению **тревожности, недоверия, недовольства** у собственного электората. В условиях кризиса это обрекает обывателя на то, чтобы стать добычей радикальных популистских сил.

Так или иначе, политическая ситуация в России становится крайне неравновесной, и в таких условиях оценивать ее в терминах концепций «исторического бега по кругу», по крайней мере, неразумно.

Перед интеллектуалами стоит политически важный и творчески увлекательный вызов: разработать дорожную карту выхода из становящейся все опаснее российской исторической колеи — авторитаризма.

Маргарита ФАБРИКАНТ

Национализм как средство воздействия на общественное мнение: случай Беларуси

Введение. Национализм как предмет исследования пользуется исключительной популярностью в социальной теории и различных направлениях эмпирических социологических исследований, а также привлекает к себе внимание политических аналитиков с 1980-х годов. Этот интерес к национализму связан с его особой и неоднозначной ролью во многих ключевых событиях последних десятилетий — от «бархатных революций» конца 1980-х гг. в Центральной Европе до этнических чисток в Югославии и Руанде, от новой волны популярности национально-культурного разнообразия до конфликтов в поликультурных сообществах на фоне миграционных процессов. В непрекращающемся шквале публикаций отражено исключительное многообразие проявлений национализма в различных частях мира и в различные исторические эпохи. Как следствие, в современных исследованиях сформировано общее впечатление о двух основных свойствах национализма — изменчивости и универсальности¹. Эти свойства одновременно отрицают и дополняют друг друга. Национализм наблюдается во множестве форм — от умеренной до радикальной, сочетается в различных социально-исторических эпохах со всеми идеологиями политического спектра, обслуживает интересы различных социальных слоев и даже примыкает к различным классам социальных феноменов — от системы политических взглядов и формы государственного устройства² до секулярной религии³ и даже формы родства⁴. При всем своем многообразии различные модификации национализма легко узнаваемы, поскольку говорят на одном языке, соответствующем особому видению мира — как мира наций⁵. Это мировосприятие стало настолько привычным, что даже глобализация, вопреки прогнозам начала 1990-х,

не только не привела к культурной унификации и перераспределению влияния в пользу новых наднациональных образований, но, напротив, вызвала националистическую реакцию, например, в виде роста популярности националистических партий в Западной Европе — одном из наиболее глобализированных регионов. Более того, как отметил в своем пленарном докладе на 41-м конгрессе Международного института социологии ректор Лондонской школы экономики К. Калхун, в обозримом будущем роль национализма в формировании глобальной повестки дня будет только возрастать. В своей монографии, опубликованной полтора десятилетия назад, тот же исследователь указал одну из основных, по его мнению, причин популярности национализма — необъяснимой иррациональной эмоциональной притягательности, которая словно составляет неотъемлемую часть человеческой природы⁶.

Универсальность и изменчивость национализма предположительно делают его одним из наиболее эффективных ресурсов получения массовой поддержки или, по крайней мере, мобилизации общественного мнения. Это особенно актуально в постидеологическую эпоху, когда ранее возникшие идеологии утрачивают прежний смысл, теряют прежнюю социальную базу и с трудом восполняют ее привлечением новых сторонников. Если национализм обладает универсальной эмоциональной притягательностью и при этом совместим с любой системой взглядов, то победа любой силы за влияние в обществе будет во многом зависеть от того, насколько удачно ее представители смогут разыграть националистическую карту. При обсуждении этой возможности спектр затрагиваемых вопросов обычно сводится, во-первых, к тому, каким образом следует наиболее эффективно использовать националистический ресурс, во-вторых, насколько этически оправдана игра с националистическими настроениями, особенно в их радикальной, то есть, ксенофобической вариации⁷. При этом неявно признается тот

¹ Guibernau M. The identity of nations. — Polity, 2012.

² Tilly C. States and nationalism in Europe 1492–1992 // Theory and Society. — 1994. — Т. 23. — №. 1. — С. 131–146.

³ Smith A. D. The Sacred Dimension of Nationalism // Millennium-Journal of International Studies. — 2000. — Т. 29. — №. 3. — С. 791–814.

⁴ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism (New Edition). — Verso, 2006.

⁵ Billig M. Banal nationalism. — SAGE publications Ltd, 1995.

⁶ Calhoun C. Nationalism. Buckingham. — 1997.

⁷ Snyder J., Ballentine K. Nationalism and the Marketplace of Ideas // International Security. — 1996. — Т. 21. — № 2. — С. 5–40.

факт, что данная тактика в любом случае гарантирует мощное массовое воздействие, пусть даже оно не всегда получится в предполагаемом направлении и с большой вероятностью может выйти из-под контроля и привести к деструктивным последствиям.

Однако, на наш взгляд, правомерна иная, более широкая постановка вопроса. Действительно ли национализм является универсальным гарантированным ресурсом для воздействия на общественное мнение? Всегда ли социальное движение, ставящее национализм во главу угла, вызывает если не массовую поддержку, то, по крайней мере, массовый интерес? В конце концов, национализм приобрел массовый характер относительно недавно — к концу XIX века, — а до этого долгое время оставался частью миропонимания элит (так, в средневековой Европе слово «нация» обозначало представителей привилегированного сословия определенного государства, а не все население¹). Не исключено, что впечатление о всепроникающем характере современного национализма возникло из-за того, что предметом тематических исследований закономерно становились различные проявления национализма, в то время как случаи отсутствия и слабой выраженности этих проявлений там, где их следовало ожидать, оказывались за пределами рассмотрения. Тем не менее, изучение так называемых «негативных примеров»² — случаев отсутствия явления в тех условиях, где обычно наблюдается его присутствие — является необходимым для понимания его причин и возможных последствий.

В данной статье предпринимается попытка детального рассмотрения одного из таких случаев отсутствия на примере постсоветской Беларуси, известной тем, что, в отличие от едва ли не всех постсоциалистических стран, именно в ней националистические идеи не получили популярности, а продвигавшие их силы потерпели поражение. В первой части статьи с опорой на результаты социологических и междисциплинарных исследований проводится анализ националистического движения в Беларуси рубежа 1980-90-х годов. Во второй части рассматриваются итоги этого движения и особенности современного белорусского национализма.

¹ Миллер А. И. "Народность" и "нация" в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. — 2009. — № 1. — С. 151-165.

² Onwuegbuzie A. J., Leech N. L. Validity and qualitative research: an oxymoron? // Quality & Quantity. — 2007. — Т. 41. — № 2 — С. 233-249.

«Белорусское национальное возрождение»: слава побежденным? В относительно немногочисленных международно признанных исследованиях современной Беларуси ее постсоветскую историю принято представлять как противоборство националистического и антинационалистического движений³. При этом неявно предполагается, что, хотя степень влияния, тактики и действующие лица белорусского национализма на протяжении двух постсоветских десятилетий менялись, его сущность каким-то образом оставалась неизменной. Однако такая общая схема не позволяет ни вскрыть причины неожиданной непопулярности националистической идеологии у населения Беларуси, ни даже принять во внимание ее недавние трансформации, которые показывают, насколько современный белорусский национализм отошел от своего хорошо изученного прообраза конца 1980-х — начала 1990-х годов.

Ключом к пониманию белорусского националистического движения позднесоветского и раннего постсоветского периода, на наш взгляд, является его самоопределение как «белорусского национального возрождения». Сама по себе идея циклического развития нации с чередованием периодов подъема и упадка достаточно типична для националистической риторики⁴, однако не является для нее обязательной и поэтому заслуживает детального рассмотрения. В первом приближении фигура национального возрождения не просто вызывает некие общие положительные ассоциации, но несет в себе вполне определенное видение истории. Идея возрождения делит национальную историю на три периода. Первый — хронологически и по приписываемой ему значимости — это далекое прошлое, которое предположительно достойно возрождения. Важно, что это прошлое не столько идеализируется, сколько сакрализуется, то есть объявляется подлинным, единственно и безусловно верным. Таким образом, привычная и оттого кажущаяся нейтральной идея возрождения несет в себе далеко не бесспорное представление о том, что гипотетическая сущность нации может быть реализована только в определенном формате исторического процесса. Ему противопоставляется второй период — недавнее прошлое, которое оценивается негативно, как время неподлинности, подавления национальной сущности, — иначе не потребовалось бы

³ Bekus N. Struggle Over Identity: The Official and the Alternative "Belarusianness". — Central European University Press, 2010.

⁴ Brubaker R. Ethnicity, race, and nationalism // Annual Review of Sociology. — 2009. — Т. 35. — С. 21-42.

возрождения. Наконец, третий период — настоящее и обозримое будущее — понимается как восстановление единственно верного порядка вещей, средством для которого объявляется возврат к прошлому. Соответственно, для того, чтобы понять содержательную сторону раннего белорусского национализма, необходимо выяснить, какие эпохи в прошлом объявлялись периодами подъема и упадка.

Из этих двух вопросов легче определить то, какой период недавнего прошлого представлялся деятелям «белорусского национального возрождения» эпохой национального упадка, чем то, более удаленное прошлое, которое предлагалось взамен в качестве эталона. Две основные протестные акции этого движения, которые стали на некоторое время ежегодными и смогли привлечь массовое внимание, были посвящены двум трагедиям — катастрофе на Чернобыльской АЭС¹ и массовым расстрелам, проводившимся НКВД в конце 1930-х гг. в урочище Куропаты под Минском². Именно с публикации археологом З. Позняком результатов проведенных им раскопок в Куропатах³ началась консолидация белорусского националистического движения — по образцу аналогичных движений в прибалтийских странах и при некотором сотрудничестве с ними. То есть, ранний белорусский национализм изначально был выраженно антисоветским, что сближает его со многими другими протестными движениями того времени. Однако этот антисоветизм быстро приобрел специфические черты. Советский строй объявлялся активистами «белорусского национального возрождения» неприемлемым не потому, что признавался неэффективным, как считали сторонники экономических реформ, и не в силу приписываемой ему аморальности, как полагали диссиденты. Вместо этого конструировался образ советской власти, причем любой — как времен расстрелов в Куропатах, так и времен Чернобыльской катастрофы, — как целенаправленно антибелорусской. Так, репрессии объявлялись акцией по уничтожению белорусской национальной элиты, Чернобыльская катастрофа — «угрозой *генофонду* (курсив

¹ Arndt M. From Nuclear to "Human Security"? Prerequisites and Motives for the German Chernobyl Commitment in Belarus/Von nuklearer Sicherheit zu Human Security? Voraussetzungen und Motive des deutschen Tschernobylengagements in Belarus // Historical Social Research/ Historische Sozialforschung. — 2010. — С. 289-308.

² Mamul N. Fragmented collective memory and negative Belarusian identity // Ethnicity, Belonging and Biography: Ethnographical and Biographical Perspectives. — 2009. — Т. 16. — С. 145.

³ Зянон Пазыняк, Яўген Шмыгалёў. Куропаты — дарогасьмерці // «ЛіМ», 3 чэрвеня 1988.

мой — М.Ф.) белорусского народа»⁴. Глубинные причины этих и других катастроф в белорусской истории усматривались в предполагаемой «имперской ментальности» советского центра, которому анахронически приписывалась прямая преемственность с Российской империей и даже Московским княжеством. Таким образом, антисоветская направленность раннего белорусского национализма быстро стала неотделима от антирусской.

Зачем понадобилось такое натянутое смещение и связанное с ним конструирование достаточно примитивного образа внешнего врага? Какое отношение эта мрачная картина имеет к позитивной программе национального возрождения? Причина этой парадоксальной связи заключается в самом понимании национального развития как возрождения. Если решение актуальных проблем сводится к восстановлению универсального правильного порядка вещей, который предположительно отражает некую подлинную национальную сущность, то истоки актуального неудовлетворительного положения вещей невозможно связать с характеристиками самой нации. Соответственно, их приходится искать извне, формируя образ нации-врага независимо от того, входило ли это в первоначальные намерения националистов. Из этого следует значимый вывод: хотя национализм в различных условиях может проявляться по-разному и гибко адаптироваться к конкретным условиям и общественным запросам, на практике всегда приходится иметь дело с конкретной разновидностью национализма, которая диктует собственную, достаточно жесткую логику, порой непонятную и непредсказуемую для самих его сторонников.

Из этого закономерно вытекает следующий вопрос — о том, какая именно разновидность национализма была принята белорусскими активистами конца 1980-х — начала 1990-х и почему. Ответ на первую часть вопроса оказывается достаточно простым, если проанализировать условную положительную программу этого движения, — иными словами, то, что предлагалось возрождать. На первый взгляд, предложенный набор — национальная история и национальный язык — выглядит вполне традиционно⁵. Однако на практике оба пункта этой программы имели неочевидные практические последствия. Белорусская история,

⁴ Нарысы гісторыі Беларусі 2 ч. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, ГВШтыхаўіінш //Мінск: Беларусь. — 1994. — С. 265-323.

⁵ Smith G. (ed.). Nation-building in the post-Soviet borderlands: The politics of national identities. — Cambridge University Press, 1998.

по мнению националистических активистов, нуждалась в возрождении, поскольку в ранее существовавших ее версиях объявлялось относительно позднее возникновение белорусской нации – к началу XX века. Вместо этого ставилась задача проследить непрерывное существование белорусской нации с древнейших времен, как минимум, с раннего Средневековья. В результате была создана периодизация истории Беларуси, которая включает в себя протоэтнические (средневековые княжества VIII - XII веков) и мультиэтнические (Великое княжество Литовское XII - XVI веков, Речь Посполитая XVI - XVIII веков) государственные образования¹. Для того чтобы придать этим государствам национальный характер, потребовалось не просто анахронически распространить на них современное понимание нации, но и правдоподобно обосновать их белорусскость. Эти попытки привели к продолжающейся, хотя и менее интенсивно, конфронтации с польскими, украинскими и литовскими историками, которые в тот период реализовывали аналогичные проекты для своих наций. Оспариваемая история привела к таким парадоксальным идеям белорусских националистов, как требование к России вернуть Смоленск, который на протяжении нескольких столетий входил в состав то Великого княжества Литовского, то Великого княжества Московского, и к Литве – если не вернуть Вильнюс (столицу Великого княжества Литовского), то, по крайней мере, каким-то образом признать его историческую принадлежность Беларуси. Эти требования выглядели особенно иррационально в начале 1990-х годов на фоне острейшего экономического кризиса. Тем более интересно, что выход из него белорусское националистическое движение предполагало осуществить посредством союза как раз с теми странами, с которыми и происходил передел «престижной» средневековой истории. Вторым программным положением «белорусского национального возрождения» стало решение языкового вопроса. Суть вопроса заключалась в том, что, несмотря на существование белорусского языка, значительная часть населения, особенно городского, использовало в повседневной коммуникации русский язык. Общество белорусского языка, созданное в 1989 и зарегистрированное в 1991 году, отмечало, что «русский язык по-прежнему доминирует во всех сферах политической и общественной жизни республики: в сферах науки, культуры,

¹ *Wilsan A. Myths of national history in Belarus and Ukraine // Myths and nationhood. – 1997. – С. 182-97.*

делопроизводства, обслуживания, в эпиграфике, в средствах массовой информации»². Такая ситуация признавалась активистами «белорусского национального возрождения» неприемлемой, и для ее исправления были предложены две группы мер. Во-первых, в 1990-93 годах предпринимались попытки директивной замены белорусского языка русским в сферах, находившихся под непосредственным государственным контролем, в частности в сфере образования. Так, выдвигалось требование, чтобы уже в 1993/94 учебном году все вузовские преподаватели (включая направленных в Беларусь по распределению из других союзных республик), работающие на первых курсах, полностью перевели свои лекции и другие учебные материалы на белорусский язык. Наряду с этими и подобными приказными мерами предпринимались попытки повышения престижа белорусского языка, которые подчас принимали экзотические и достаточно рискованные формы. Так, лингвисты стремились доказать, что белорусский язык из всех индоевропейских языков ближе всего к санскриту и, более того, могли давать своим публикациям названия наподобие «Арийская основа белорусского языка»³. Однако основная часть усилий была направлена на то, чтобы доказать, что белорусский язык является самостоятельным национальным языком и существенно отличается от русского, поэтому достоин усилий по изучению и введению в повседневную практику. Для этого, в частности, предлагалось заменить ту версию белорусского языка, которая преподавалась в школах, на предположительно более аутентичную и в большей степени отличающуюся от русского языка версию, существовавшую до языковой реформы 1933 года (так называемую тарашкевицу, по имени лингвиста и переводчика Бронислава Тарашкевича). Иными словами, населению предлагалось быстрое и массовое внедрение в публичной сфере не просто языка, который ранее в ней не преобладал, но и той его версии, которая подавляющему большинству населения была незнакома. Одновременно с этим порицалась и высмеивалась разговорная смесь русского и белорусского языков (так называемая трасянка – аналог украинского суржика), распространенная, прежде всего, среди сельского и/или малообразованного населения. Это закономерно вызывало взаимное отторже-

² *Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций // Дисс. ... к. ф. н. М. – 2002.*

³ *Суднік Станіслаў, Арыўская аснова беларускай мовы // Роднае слова. – 1995. - 11(95).*

ние этой части целевой аудитории и активистов «белорусского национального возрождения». Таким образом, меры, направленные на распространение белорусского языка посредством повышения его престижа, парадоксальным образом привели к его экзотизации, из-за чего белорусский язык предстал чуждым и незнакомым для значительной части населения.

Белорусский национализм после 1990-х: итоги и изменения. Итоги кампании белорусского национализма принято оценивать как поражение, чему есть существенные основания. Так, уже в 1995 году на референдуме, в котором приняли участие 64,8% населения, 83,3% проголосовавших высказались за придание русскому языку статуса второго государственного на равных правах с белорусским, что для активистов «национального возрождения» было совершенно неприемлемо. (Такой же процент голосов с точностью до десятых долей был отдан в поддержку экономической интеграции Беларуси с Россией). Историческая часть националистической программы привела к тому же результату, что и языковая: подавляющее большинство (75,1%) высказалось в пользу замены введенных в 1991 году государственных символов, обозначавших историческую преемственность с Великим княжеством Литовским, на новые, которые представляли собой несколько адаптированные флаг и герб БССР¹.

Разумеется, неспособность раннего белорусского национализма склонить общественное мнение в свою пользу не означает, что движение за «национальное возрождение» не возымело вообще никакого влияния. Так, по данным опроса, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Республики Беларусь², хотя наиболее значимым событием белорусской истории представляется Великая Отечественная война, истоки белорусской государственности большинство опрошенных связывают не с БССР, а с теми ранними протонациональными государственными образованиями, которые были столь значимы для историков «национального возрождения». Ситуация с белорусским языком также неоднозначная: согласно данным переписи населения

2009 года, примерно 53% населения Беларуси (в переписи 1999 года этот показатель составил почти 74%) считают белорусский своим родным языком, однако только 23% (в 1999 году – 37%) указали, что обычно разговаривают на нем дома^{3,4}. Эти данные вместе с результатами качественных исследований⁵ позволяют сделать вывод о том, что белорусский язык в современной Беларуси в отличие от русского не является языком повседневной коммуникации, но играет устойчивую и неоднозначную символическую роль, связываясь в сознании населения отчасти с национальной идентичностью и отчасти, особенно в дореформенной версии, – с национализмом. Тем самым подтверждается выявленное нами противоречие языковой программы раннего белорусского национализма: завоевание белорусским языком престижного статуса исторического наследия и символа белорусской национальной идентичности не поспособствовало, а, напротив, в определенной мере воспрепятствовало его внедрению в практику повседневного общения. Таким образом, программа «национального возрождения» конца 1980-х – начала 1990-х годов была реализована лишь в небольшой и менее значимой части, а основные идеи большинством населения были отвергнуты. Оценка этих результатов зависит от изначально занимаемых позиций. Для тех, кто в целом разделяет программу «белорусского национального возрождения», ее неспособность склонить общественное мнение в свою пользу представляется историческим поражением белорусской нации, а ее несоответствие националистическому эталону является свидетельством неполноценности, незавершенности или даже неподлинности. Однако для тех, кто занимает по отношению к программе «белорусского национального возрождения» более отстраненную и рефлексивную позицию, эти же результаты представляются поражением не белорусской нации, но белорусского национализма, или определенной его версии, или даже определенной стратегии ее реализации. В связи с этим возникает вопрос, можно ли было выбрать иную версию или иную форму ее продвижения?

³ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Перепись населения 1999 г. (основные итоги). <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/main.php>

⁴ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Перепись населения – 2009. http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/main_new.php

⁵ Brown N. A. Status language planning in Belarus: An examination of written discourse in public spaces // Language policy. – 2007. – Т. 6. – №. 2. – С. 281-301.

¹ Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. Об итогах голосования на республиканском референдуме 14 мая 1995 года. <http://web.archive.org/web/20110720220048/http://www.rec.gov.by/refer/ref1995resdoc.html>

² Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 4. – С. 88-99

Националистическая программа, основанная на возрождении культурного наследия — прежде всего языка и истории, — представляется самоочевидной и безальтернативной, однако в современных исследованиях предстает лишь как один, но далеко не единственный из видов национализма. Такой национализм известен под названием этнического или этнолингвистического¹. Для этнического национализма характерна, прежде всего, вера в возникновение нации в древнейшие, доисторические (примордиальные) времена и преемственность современных наций с различными архаическими формами этничности. Соответственно задача каждой нации видится в сохранении и упрочении своего этнического фундамента — языка, обычаев, ритуалов, костюма, музыки и т.п. — и поддержании представлений об их актуальности вследствие исторической непрерывности. В этом смысле этнический национализм можно понимать как одну из форм традиционализма. Альтернативный вид — гражданский национализм — предлагает считать ядром национальной идентичности не лингвокультурное историческое наследие, а современную национальную государственность, территорию и суверенитет. В частности, в рамках гражданского национализма для признания индивидуальной национальной идентичности ни использование национального языка, ни знание национальной истории, ни соблюдение этнонациональных обычаев, ни, тем более, происхождение не играют решающей роли: необходимыми условиями является лояльность национальному государству, прежде всего, соблюдение его законов. Считается, что гражданский национализм появился в тех нациях, которые в XIX веке — в эпоху появления национализма и наций — имели собственную государственность, то есть, прежде всего, в США и странах Западной Европы, а этнический — в тех, которые либо были раздроблены на множество государственных образований, как Германия, либо находились в составе донациональных империй, как большая часть Центральной и Восточной Европы. Именно поэтому более ранние названия этнического и гражданского национализмов — восточный и западный². Наиболее признанная теория центрально- и восточноевропейского национализма исходит из неявного предположения, что в данной части Европы могла раз-

виться только его этническая разновидность³. Однако ситуация в конце XX века существенно отличалась от реалий предшествующего столетия. Поэтому не исключено, что если не от всех, то хотя бы от некоторых центрально- и восточноевропейских стран можно было ожидать развития не этнического, а гражданского национализма.

Справедлива ли эта гипотеза для Беларуси? Действительно, для недавно возникшего независимого государства первоочередной задачей является не возрождение культурного наследия прошлого, а легитимизация существующего государственного образования в настоящем. Согласно результатам ряда количественных и качественных исследований^{4,5,6}, для молодого поколения белорусов гражданская принадлежность и ее атрибуты (паспорт, государственные символы) оказываются более значимыми, чем этничность. В одном из наиболее интересных исследований белорусского национализма последних лет на этом основании предлагается вывод, что белорусскую нацию следует считать не несостоявшейся или незавершенной нацией этнического типа, а «формирующейся гражданской нацией»⁷. На наш взгляд, эта позиция в большей степени соответствует фактам, чем этнонационалистическая, однако представляется справедливой лишь отчасти. Национальная идентичность гражданского типа не тождественна гражданской идентичности и не сводится к признанию роли гражданской принадлежности. Стержнем гражданской национальной идентичности является общая цель, требующая коллективной мобилизации и координации усилий. Нация гражданского типа предполагает обращенный в будущее проект нового, более совершенного общественного устройства и объединяет сторонников этого идеала и его принципиальной осуществимости. Именно этим гражданская нация отличается от этнической. Последняя обращена не в буду-

¹ Smith A. D. National identity. — University of Nevada Press, 1991.

² Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background. — Collier Books, 1969.

³ Hroch M. Social preconditions of national revival in Europe: a comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. — Columbia University Press, 1985.

⁴ Науменко Л.И., Водолажская Т.В. Этническая и гражданская принадлежность в восприятии населения современной Беларуси. — Белорусская наука, 2006.

⁵ Титаренко Л. Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе. — РИВШ, 2006.

⁶ Fabrykant M. Understanding of Globalization in Narratives of National Identity: the Case of Belarus // Societal And Political Psychology International Review. — 2010. — № 2. — P.55 — 63.

⁷ Buhr R. L., Shadurski V., Hoffman S. Belarus: an emerging civic nation? //Nationalities Papers. — 2011. — Т. 39. — № 3. — С. 425-440.

шее, а в прошлое, апеллирует к традиционным ценностям, которые затрагивают не столько общественную, сколько частную сферу, и возлагает основную часть ответственности за поддержание традиций не столько на коллективные, сколько на индивидуальные усилия.

В свете наличия такого выбора возникает два вопроса. Во-первых, почему активистами белорусского национализма конца 1980-х – начала 1990-х годов был выбран именно этнический национализм? Во-вторых, был ли после провала этой попытки извлечен урок и если да, то в чем он заключается – в переходе к гражданскому национализму или в чем-либо ином?

На первый вопрос были предложены три различных ответа – философский, исторический и социологический. Первая версия представляет собой взгляд изнутри и была предложена философами, которые не только разделяют основные идеи этнического национализма, но и сами участвовали в движении «белорусского национального возрождения», хотя предположительно занимают по отношению к нему более сложную и рефлексивную позицию, чем другие участники¹. Эта версия объясняет этническую природу белорусского национализма глубинной сущностью белорусской нации. Национальная сущность видится данным авторам в дефицитности разной степени сложности – от долгого отсутствия собственной государственности, из-за чего белорусская национальная идея существовала преимущественно в художественной литературе (отсюда роль национального языка), до отсутствия героев, что одновременно позволяет и требует их изобретения (отсюда роль национальной истории). Эти объяснения объединяет неявное представление о существовании предзаданной неизменной природы каждой нации, а также некоторого универсального идеала нации, которому необходимо соответствовать. Оба этих положения являются далеко не бесспорными и большинством современных исследователей не разделяются.

Второе, историческое, объяснение было предложено одним из наиболее авторитетных исследователей национализма Р. Брубейкером применительно не конкретно к Беларуси, но ко всем постсоветским странам². По мнению Р. Брубейкера, советская национальная поли-

тика, основанная на декларируемой идеологии интернационализма, во многом действительно сводилась к борьбе с национализмом, который мыслился исключительно как этнический. Других видов национализма просто не предполагалось, причем не только идеологами интернационализма, но всеми, кто находился в советском информационном пространстве. Эта версия представляется достаточной для объяснения того, почему этнический национализм был принят активистами «белорусского национального возрождения» изначально. Однако обращения к советскому идеологическому наследию недостаточно для того, чтобы объяснить, почему белорусские националисты продолжали придерживаться этой программы уже после того, как стало ясно, что этнический национализм вызывает в Беларуси, в отличие от ряда других постсоветских стран, явное отторжение. Это представляется тем более неясным, что к тому времени уже стала доступна обширная западная литература о гражданском национализме.

Наиболее точным является третье и, на первый взгляд, наиболее простое социологическое объяснение, предложенное А. Савченко³. Оно заключается в том, что активистами «белорусского национального возрождения» были почти исключительно представители академической (преимущественно гуманитарной) и творческой (преимущественно литературной) элиты. Программа «национального возрождения» привлекала их, во-первых, возможностью открыто, не опасаясь цензуры, воплощать и популяризировать свои замыслы, во-вторых, из-за того, что творения национальной культуры независимого государства, а не одной из союзных республик, будут пользоваться бóльшим престижем как во внутринациональном, так и в мировом масштабе. Первые прообразы националистического движения возникли не в виде диссидентских кружков, которых в БССР фактически не было, а в виде культурно-просветительских сообществ. К концу 1980-х такие сообщества возникли во многих белорусских городах и первоначально занимались проведением фольклорных мероприятий, литературных чтений, театральных постановок, выставок и т.п., то есть были аполитичны по крайней мере внешне. Лишь впоследствии представители этих сообществ объединились и стали выдвигать политические требования, которые, как отмечалось выше, имели преимущественно антисоветскую направленность и не смогли сформировать-

¹ Pershai A. Localness and Mobility in Belarusian Nationalism: The Tactic of Tuteishaść* //Nationalities Papers. – 2008. – Т. 36. – № 1. – С. 85-103.

² Brubaker R. Nationalism refrained: Nationhood and the national question in the new Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – Т. 30.

³ Savchenko A. Belarus: a perpetual borderland. – Brill, 2009. – Т. 2.

ся в положительную программу действий. Как отмечает А. Савченко, деятели «белорусского национального возрождения» не имели управленческого опыта и, соответственно, не могли обладать так называемым менеджерским мышлением, которое позволило бы им разработать и реализовать целенаправленную стратегию воздействия на общественное мнение вместо того, что выглядело как спонтанное высказывание своих убеждений. Более того, если принять, что цель «национального возрождения» виделась ее инициаторам в свободе творчества, а не, допустим, в проведении самостоятельной экономической политики, то необходимость приспособиться к общественному мнению неизбежно должна была представляться несовместимой с поставленной целью. Следовательно, наиболее сжатое и непосредственное объяснение того, почему белорусский национализм долгое время оставался этническим, несмотря на очевидное отсутствие массовой поддержки этой программы, заключается не в метафизической сущности самой белорусской нации, а в социальном статусе белорусских националистов и, в определенной мере, в связанных с ним социально-психологических особенностях. Говоря языком классической социологии, белорусские националисты стремились изменить свою социальную роль, которая была продиктована их статусом, но не сам статус, и поэтому не нуждались в идее нового, предположительно более совершенного общественного устройства, которая является основой гражданского типа национализма.

Второй вопрос — какие уроки активисты «белорусского национального возрождения» смогли извлечь из своего поражения и, в более общем плане, чем современный белорусский национализм отличается от своего предшественника рубежа 1980-х и 1990-х — продолжает оставаться открытым. Новые формы белорусского национализма почти не представлены в современных исследованиях: во многих работах, ссылки на которые были даны выше, весь постсоветский белорусский национализм сводится к его ранней версии, подробно рассмотренной выше. Тем не менее, в последние годы у белорусского националистического движения появились новые черты, которые, наш взгляд, можно разделить на две основные группы.

Во-первых, как справедливо отмечается в одной из наиболее новых публикаций по теме белорусской национальной идентичности, в последнее время в белорусском национализме произошел достаточно выраженный сдвиг в

сторону традиционализма в его негативной версии — гомофобии, ксенофобии, мигрантофобии и антилиберализме. Эти особенности были не характерны для «белорусского национального возрождения», в рамках которого Великое княжество Литовское и прославлялось как эталон толерантности, предположительно основной национальной черты белорусов, а участники национально-освободительных восстаний XIX века — как борцы «за нашу и вашу свободу». Новый традиционализм обусловлен, на наш взгляд, не столько внутрибелорусскими особенностями, сколько общей повесткой дня в регионе и мире. Об этом свидетельствует также обращение современного белорусского национализма к геополитике, прежде всего, в форме популяризации неоевразийства¹. Этот способ мышления был также нехарактерен для конца 1980-х — начала 1990-х, когда сущность белорусской нации искалась в автономном национальном прошлом, а не в ее актуальном положении в конфигурациях глобального масштаба.

Эта новая особенность современного белорусского национализма может быть отчасти вызвана другой его характеристикой — осознанным вниманием к стратегии и тактике воздействия на общественное мнение для популяризации своих взглядов и привлечения новых сторонников. Об этом, например, свидетельствует своеобразный публицистический сборник с явно провокационным названием «Беларусь прэвыше всего». Содержание сборника в значительной степени соответствует его названию (например, фольк-музыкант, ставший в Брюсселе жертвой кражи, объясняет это событие наличием в данном городе большого числа инокультурных мигрантов), но не сводится к нему. Так, авторы книги настаивают на том, что националистическая пропаганда должна осуществляться именно на русском языке, который, в отличие от белорусского, оценивается как понятный для всех белорусов. Это явление русскоязычного белорусского национализма является столь же новым, как и представляемые работы его историков-любителей (в рамках «белорусского национального возрождения» авторами исторических трудов и даже части исторической художественной литературы были по преимуществу профессионалы). Вместе с тем, несмотря на осознание необходимости продуманного плана работы с общественным мнe-

¹ Buhr R.L., Fabrykant M., Hoffman S. Youth and Identity in the Post-Soviet Sphere: A Comparison of Lithuania and Belarus. A paper presented at the 2012 Annual World Convention of the Association for the Study of Nationalities. Columbia University, New York, 19-21 April 2.

нием, современный белорусский национализм, как справедливо отмечает Т. Фильвок¹, остается элитистским в том смысле, что посвящен абстрактным вопросам и не обращен к решению актуальных повседневных проблем населения. Еще одной общей характеристикой ранней и современной версий белорусского национализма является его принадлежность к этническому типу. Таким образом, современный белорусский национализм не демонстрирует попыток отреагировать на выявленный исследователями запрос на гражданский национализм, особенно со стороны поколения родившихся в независимой Беларуси. Поражение «белорусского национального возрождения» было проинтерпретировано не как неуспех этнического типа национализма, а как свидетельство неэффективности выбранной стратегии его пропаганды, точнее, ее отсутствия. В предлагаемой современной белорусскими националистами программе воздействия на общественное мнение основная ставка, по-видимому, делается на неотрадиционализм и ксенофобию, что может отражать не только тактические соображения, но и искренние убеждения активистов. К каким последствиям приведет движение нового белорусского национализма, покажет время...

Выводы. Пример современного белорусского национализма представляет собой, прежде всего, убедительное свидетельство того, что, вопреки распространенным представлениям националистическая идеология не об-

ладает универсальной притягательностью и не является безотказным средством воздействия на общественное мнение. Как и любая другая система идей, национализм получает массовую поддержку в том случае, если существует общественный запрос, пусть даже неартикулированный, на предлагаемые националистами решения актуальных проблем. Кроме того, для национализма, как и для других идеологий, является очевидным — эти решения должны быть преподнесены населению не спонтанно, а следуя продуманной стратегии. Наряду с глубоким пониманием общества работа с националистическими идеями требует не менее глубокого осознания особенностей самого национализма в различных его видах. Как показал проанализированный нами пример движения «белорусского национального возрождения», национализм обладает собственной внутренней логикой, подчас довольно жесткой. Непонимание противоречий, которые могут быть изначально заложены в различных версиях национализма, приводит к непредвиденному сужению пространства для маневра и вынужденным неэффективным поступкам независимо от индивидуально-психологических особенностей активистов и их первоначальных намерений. Рассмотренный пример показывает, что оперирование националистическими идеологемами, не основанное на специальном экспертном знании, может представлять опасность не только для общества в целом, как принято считать, но и для самих националистов.

¹ *Villwock T. Belarus und die Krise // Sebastian Friedrich / Patrick Schreiner (Hg.): Nation – Ausgrenzung – Krise. Kritische Perspektiven auf Europa edition assemblage. – S. 94-105.*

Сергей НИКОЛЮК

Белорусское государство как фактор формирования нации

Нации формируются в конкурентной среде, т.к. национализм, провозглашающий тезис о первичности нации в процессе формирования национального государства, никогда не бывает однородным. Список возможных оттенков национализма достаточно обширен. Ограничусь перечислением основных: государственный, гражданский, культурный и этнический.

Проблема формирования национального государства на первый взгляд чем-то схожа с проблемой курицы и яйца. Что первично, государство или нация? Обобщая европейский опыт, немецкий философ Юрген Хабермас выделял два пути строительства национальных государств: от государства к нации и от нации к государству. В каждом конкретном случае выбор определялся «родословной тех действующих лиц, которые в соответствующий момент становились в авангарде формирования государства или нации»¹. В первом случае, это был «штаб короля» (юристы, дипломаты, военные), создававшие «рациональные государственные институты». Во втором – интеллектуалы, которые своей пропагандой воображаемого единства «культурной нации» подготовили военно-дипломатическое объединение государства.

Республика Беларусь – побочный продукт «величайшей катастрофы XX века», и потому белорусский случай ближе к первому варианту Хабермаса. На постсоветском пространстве он не уникален, разумеется, если вынести за скобки страны Балтии.

В силу ряда объективных причин (сталинский геноцид против национально ориентированной интеллигенции – лишь одна из них) популяция «человека советского» к моменту обретения государственной независимости оказалась в Беларуси за пределами многочисленной, что и зафиксировал опрос ВЦИОМ в марте 1991 года. На вопрос «Кем Вы себя считаете в первую очередь: гражданином СССР или гражданином республики, в которой живете?» 69% белорусов назвали себя гражданами СССР,

а 24% – гражданами БССР². Среди эстонцев соотношение граждане СССР/граждане ЭССР оказалось принципиально иным – 3 к 97 процентам!

Тем не менее, и при таком уровне советизации общества Белорусский народный фронт (БНФ) в начале 90-х годов сумел исполнить партию первой скрипки в антикоммунистическом оркестре. Но ломать – не строить. К президентским выборам (1994 г.) и без того слабый ресурс национальной мобилизации был исчерпан. В условиях постперестроечного хаоса человек советский потянулся к сильной личности, пообещавшей наказать чиновников-казнокрадов и восстановить разорванные экономические связи.

Аналог лозунга «Мы будем питаться картофельными очистками, но мы будем свободными», под которым в Эстонии к власти пришли национально-демократические силы, в Беларуси не имел шансов на успех, да его никто и не выдвигал.

Белорусский националист Лукашенко. Как и положено авторитарному политику-популисту, глава белорусского государства предпочитает общаться с народом напрямую, не прибегая к помощи посредников. Тема государственного суверенитета, который «дорогого стоит», звучит в его публичных выступлениях по нарастающей.

19 лет бережно и с трепетом нести «перед собой на своих руках этот светлый, хрустальный сосуд, имя которому – Беларусь»³ – серьезное достижение для любого политика. Объясняется оно не веберовской харизмой, а умением создавать «рациональные государственные институты». В первую очередь, следует отметить институт перераспределения ресурсов в пользу «большинства», ядро которого составляют периферийные социальные группы. Важная деталь – основным источником перераспреде-

¹ Хабермас. Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории/ Санкт-Петербург. «Наука». 200. С. 197

² Гудков Л. Негативная идентичность/ Новое литературное обозрение – «ВЦИОМ-А». Москва. 2004. С. 142

³ Из обращения Лукашенко к народу накануне референдума 2004 г. <http://lenta.ru/articles/2004/09/09/luka/>

ляемых ресурсов является не экономически активное «меньшинство», а российский бюджет, что делает акт перераспределения не столь болезненным (для «меньшинства»).

Лукашенко не лукавит, заявляя, что он «не тот президент, который что-то свое кому-то отдаст, не говоря уже о самом высоком — суверенитете». Управляя государством, как князя Киевской Руси своими вотчинами, он, безусловно, заинтересован в сохранении суверенитета Беларуси. И в этом смысле он нуждается не просто в подданных, а в подданных — патриотах. Отсюда постоянные напоминания об обязанности каждого белоруса иметь чувство ответственности «прежде всего за свое государство».

Однако как показывают опросы НИСЭПИ (табл. 1), своим это государство считает только каждый третий белорус. Но это в среднем. Среди респондентов, не доверяющих главе государства (41% в июне), доля выбравших первый вариант ответа составила 5%, что близко к статистической погрешности! Понятно, что у доверяющих Лукашенко белорусов (49%) иное восприятие государства: для 61% оно свое.

Таким образом, лозунг «Государство для народа» воплотить на практике его автору не удалось. Удивляться этому не приходится: наличие оппозиционной части белорусского общества официально в Беларуси не признается. Соответственно, выстроенные в республике «рациональные государственные институты» в минимальной степени учитывают ее интересы.

В декабре 2010 г. под давлением массовой акции протеста Лукашенко был вынужден дважды публично признать наличие «меньшинства» «как неотъемлемой части нашего общества». В статье «"Веселые" президентские выборы в Беларуси»¹, написанной по горячим следам, было высказано предположение, что, сказав «А», Лукашенко произнесет и следующую букву алфавита, т.е. назначит на эту роль представителя интересов «меньшинства» структуру-муляж (вариант признания существующих

оппозиционных структур в статье не рассматривался).

Предположение, однако, не оправдалось. Задача по согласованию интересов различных групп общества оказалась неподъемной. Она разрушала миф о едином белорусском народе, положенном в основу государственной идеологии.

Таблица № 1 позволяет сравнить успехи, достигнутые при реализации государственных национальных проектов, в границах Союзного государства. Принципиальных отличий, на первый взгляд, нет, но они начинают проявляться в процессе анализа социально-демографических характеристик респондентов, воспринимающих государство как свое. Для краткости ограничусь крайними возрастными группами.

В Беларуси государство своим считают преимущественно пенсионеры: 60 лет и старше — 57%, молодежь в возрасте от 18 до 30 лет — 23%. В России обратная зависимость: до 25 лет — 41%, 60 лет и старше — 24%.

Для объяснения выявленного различия нам понадобится теория *past dependency* (зависимость от предшествующего развития или колея), разработанная институциональными экономистами.

Современное российское государство рождалось в процессе противостояния «либералов» (кавычки тут уместны) и коммунистов. Победили «либералы», они и стали архитекторами «Новой России», к которой так и не смогли адаптироваться люди старшего поколения. Поэтому сторонники КПРФ оказались в оппозиции. По проложенной в 1991 г. колее Россия продолжает двигаться и сегодня. Первоначальное противостояние при этом сохраняется, хотя и не в столь острой форме.

В Беларуси на первых президентских выборах в 1994 г. победил кандидат «большинства», ядро которого составляют пенсионеры. В этом, как оказалось, есть и свой плюс: уровень дискредитации западной модели развития в бело-

Таблица 1

С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ УТВЕРЖДЕНИЙ О БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ, ПОСТРОЕННОМ ПРИ ПРИЗЕДЕНТЕ ЛУКАШЕНКО ВЫ СОГЛАСНЫ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	июль*, 2007	июнь, 2013
Это мое государство, оно защищает мои интересы	29	33
Это лишь отчасти мое государство, оно недостаточно защищает интересы таких как я	52	45
Это не мое государство, оно не защищает мои интересы, и я не доверяю ему	14	16
Затрудняюсь ответить/нет ответа	6	6

*Данные ВЦИОМ, вопрос задавался относительно российского государства и президента В. Путина.

¹ *Николюк С.* Вестник общественного мнения № 4 (106), 2010 октябрь–декабрь.

русском обществе существенно ниже, чем в российском, что позволяет кандидатам от национально-демократической оппозиции стабильно получать на президентских выборах свои 25%. Такова белорусская колея. Изменить ее не смог и экономический кризис 2011 года.

2 июля в Минске прошла церемония открытия площади Государственного флага. «Для миллионов наших сограждан, – заявил Лукашенко на церемонии открытия площади, – государственные символы БССР олицетворяют достижения, которых Беларусь добилась в советский период. Именно поэтому на референдуме в 1995 году белорусы выбрали нынешние флаг, герб и гимн, отражающие неразрывную связь исторического и современного этапов становления страны»¹.

Напомню российским читателям, что в майском референдуме 1995 г., согласно официальным данным ЦИК, приняло участие 64,8% избирателей. За одобрение вопроса «Поддерживаете ли Вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь?» проголосовали 75,1% от числа принявших участие в голосовании или 48,6% от списочного состава.

Этим данным можно доверять, т.к. состав ЦИК на тот момент формировался Верховным Советом. Итоги ноябрьского референдума 1996 г. подводил уже иной состав ЦИК. Он был назначен лично Лукашенко, вопреки действующей на тот момент Конституции. Результат не заставил себя долго ждать. Явка поднялась до 84%, зафиксировав новую норму электоральной активности белорусов, которая с этого момента регулярно воспроизводится. Под статью явке оказались и результаты голосования. Так за избрание руководителей местных органов власти непосредственно населением проголосовало 28,1% избирателей (от числа принявших участие в голосовании), а за финансирование всех ветвей власти только из государственного бюджета – 32,1%.

Таблица 2

КАКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ БОЛЬШЕ СООТВЕТСТВУЮТ ИСТОРИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ – СУЩЕСТВОВАВШИЕ С 1991 ПО 1995 ГОД (С ГЕРБОМ «ПАГОНЯ») ИЛИ НЫНЕШНИЕ (НАПОМИНАЮЩИЕ СИМВОЛЫ БССР)? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	июнь 2013	Возраст		Отношение к Лукашенко	
		18-30	60+	доверяют	не доверяют
Такие символы, как до 1995 г.	34	39	24	22	50
Такие символы, как сейчас	51	46	64	66	35
30/НО	15	15	12	12	15

¹ <http://news.tut.by/society/355776.html>

Оба вопроса были включены в бюллетени по инициативе Верховного Совета. Но «единая белорусская нация», если согласиться с официальными результатами голосования, дружно отказалась избирать местные органы власти. Столь же решительно она одобрила право главы государства распоряжаться государственными деньгами бесконтрольно!

Разрушение символов – это знак неприятия прежних иерархий. Поэтому одной из целей конституционного референдума 1995 г. была отмена «националистической» символики, при которой права президента были существенно ограничены. Новая (старая) символика означала возврат власти моносубъекта, по которой «советские белорусы» истосковались за годы постперестроечного хаоса.

Из таблицы № 2 следует, что за прошедшие после майского референдума 18 лет отношение белорусов к государственной символике принципиально не изменилось. Удивляться этому не приходится. Государственный национализм, внедряемый сверху, наталкивается на национализм культурный и гражданский, что и позволяет сохранять статус-кво на всем пространстве социально-политического поля.

В результате в географическом центре Европы уже два десятилетия существует государство, население которого никак не может определиться со стандартным набором государственных символов. Официальную символику принимает большинство, но оно не убедительное, и обеспечивается главным образом за счет старшей возрастной когорты. Мнения молодых разделилось почти поровну (это к вопросу о единстве нации).

Как и следовало того ожидать, вопрос об отношении к государственной символике оказался политизированным. Отсюда двукратная разница в ответах сторонников и противников Лукашенко.

Мы – белорусы, но русскоязычные. Следует признать, что определенных успехов в реализации своего национального проекта белорусское государство, безусловно, достигло. Цена успеха – углубление раскола в обществе. Однако с вершины властной «вертикали» раскол не замечают или не желают замечать. Приведу высказывание Лукашенко, позаимствованное из его выступления на торжественном собрании, посвященном Дню Независимости, 1 июля 2013 г.: «Прежде всего мы обеспечили единство нации, внутренний мир и покой. Именно о наше единство разбиваются все внешние попытки разжечь пожар мятежа или разрушительной революции в Беларуси. И именно единство нации составляет фундамент нашего экономического развития»¹.

Единство нации или российские дотации составляют фундамент экономического развития Беларуси – вопрос дискуссионный, но за двадцать лет в активную жизнь вошло новое поколение, практически не затронутое советской системой, зато в полной мере испытавшее на себе воздействие белорусской модели, в которой государственная идеология занимает далеко не последнее место. В таблице № 3 и в последующих таблицах приводятся ответы респондентов на полностью совпадающие вопросы с временным лагом в 20 лет.

По вопросу, что следует считать нацией, консенсус среди специалистов так и не достигнут, но все соглашаются, что решающим фактором является самоидентификация человека. Прогресс в этом вопросе налицо (табл. 3). Просуммируем ответы двух первых строк и сравним: июнь 1993 г. – 5%, июнь 2013 г. – 21%. Рост в 4 раза! И этот рост в большей степени обеспечили люди пенсионного возраста и сторонники Лукашенко, что закономерно с учетом тех усилий, которое государство прилагает для

формирования государственной идентичности, а белорусское государство – это государство пенсионеров!

Рост национального сознания подтверждает и ответы на вопрос: «К каким народам по своему национальному характеру, культуре и традициям ближе белорусы?» За двадцать лет доля респондентов, выбравших вариант ответа «Белорусы ни на кого не похожи» увеличилась с 15 до 29%, т.е. практически удвоилась. Это стало возможным за счет пусть и незначительного, но статистически значимого снижения ощущения культурной близости с русскими, поляками и украинцами и двукратного сокращения ответов в графе «затруднились ответить/нет ответа».

С точки зрения сторонников культурного национального проекта, нация выстраивается на основе общности культуры и языка. Как тут не вспомнить основателя Белорусского народного фронта Зенона Позняка: «Згубім мову – згубім Беларусь». В начале 90-х в Беларуси, как и других бывших союзных республиках, сторонники культурных и гражданских национальных проектов выступали единым фронтом (разделение произошло позднее). Поэтому борьба за возрождение белорусского языка означала и борьбу за демократию.

Но как это следует из таблицы № 4, культурный национальный проект после развала СССР не имел в Беларуси шансов на успех. Только 14% респондентов в 1993 году полностью разделяли опасения Позняка. За двадцать лет доля белорусов, осознающая угрозу русификации, возросла незначительно (+5 пунктов). И что интересно, проблема исчезновения белорусской нации пенсионеров волнует в большей степени, чем поколение, выросшее в независимом белорусском государстве. Языковый вопрос потерял и былую политизированность.

Таблица 3.

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАСКОЛЬКО РАЗВИТО НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ БЕЛОРУСОВ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	июнь 1993	июнь 2013	Возраст		Отношение к Лукашенко	
			18-30	60+	доверяют	не доверяют
Очень сильно развито	1	3	5	5	4	2
Сильно	5	18	16	26	26	12
Средне	48	38	39	38	40	33
Слабо	32	26	23	20	19	35
Очень слабо	10	12	15	8	7	16
Затруднились ответить/нет ответа	4	3	2	3	4	2

¹ <http://belapan.by/archive/2013/07/01/634837/>

Данные, приведенные в таблицах №№ 4 и 5, на первый взгляд противоречат друг другу: опасения по поводу исчезновения белорусской нации, пусть и незначительно, но возросли, в то время как значение языка как обязательного условия принадлежности к нации, если судить по крайним вариантам ответов (да/нет), снизилось. Для объяснения возникшего парадокса необходимо учитывать, что существуют декларативные и операциональные коды поведения респондентов, которые следует различать при интерпретации результатов опросов общественного мнения. Проблема исчезновения белорусской нации для большинства респондентов – это абстракция в чистом виде. Чем более абстрактен вопрос, тем больше степень декларативности ответов. Вопрос о знании языка как фактора принадлежности к нации, что называется «ближе к телу». Для большинства респондентов проблема их личной национальной принадлежности не вызывает затруднения. Они белорусы, а кто же еще! Но они русифицированные белорусы.

Роль национальной идентичности в общем наборе личных идентичностей за годы независимости возросла, а сфера использования бело-

русского языка благодаря целенаправленным усилиям государства снизилась. Поэтому зафиксированные в таблице № 5 изменения можно расценивать как массовые действия по преодолению когнитивного диссонанса. И наиболее активно в совершении подобных действий молодое поколение, т.к. его социализация проходила в условиях русификации, закреплённой референдумом 1995 года.

Доля противников возрождения белорусского языка за государственный счет за два десятилетия удвоилась (см. таблицу 6), и в первую очередь за счет респондентов, затруднившихся с ответом. Отличие в ответах крайних возрастных когорт в данном случае оказалось значительным, что вполне логично с учетом ответов на вопрос таблицы № 5.

Согласно июльскому опросу НИСЭПИ, доля белорусов в населении республики составляет 80%, а русских – 13%, но только 4% пользуются белорусским языком в повседневном общении. Не исключено, что точка невозврата для белорусского языка уже пройдена. По крайней мере, без помощи со стороны государства его возрождение представляется маловероятным. Современное же белорусское государство

Таблица 4

КАК ВЫ СЧИТАЕТ, ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛИ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ ТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ЧТО ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ БЕЛОРУССОВ РАЗГОВАРИВАЕТ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ?» (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	июнь 1993	июнь 2013	Возраст		Отношение к Лукашенко	
			18-30	60+	доверяют	не доверяют
Да, это приведет к постепенному исчезновению белорусской нации	14	19	16	26	19	21
Это затруднит развитие белорусской нации, но не более	22	29	25	26	28	32
Формируется новая белорусская нация, имеющая мало общего с прежней, но не похожая на другие	20	22	28	20	22	23
Нет, это никак не повлияет на развитие белорусской нации	35	25	27	20	27	20
Затруднились ответить/нет ответа	9	5	4	8	4	4

Таблица 5

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЗНАНИЕ ЯЗЫКА ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЕМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТОЙ ИЛИ ИНОЙ НАЦИИ?» (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	июнь 1993	июнь 2013	Возраст		Отношение к Лукашенко	
			18-30	60+	доверяют	не доверяют
Да	34	26	21	32	27	27
Скорее да, чем нет	21	39	39	38	36	43
Скорее нет, чем да	15	20	20	18	22	17
Нет	22	13	18	8	13	12
Затруднились ответить/нет ответа	7	2	2	4	2	1

в возрождении национального языка не заинтересовано, т.к. продолжает двигаться в колее, заложенной в годы противостояния национально-демократическим силам, для которых белорусский язык (матчина мова) стал одним из символов в борьбе за построение демократической Беларуси.

Современные авторитарные режимы для своего выживания также как и режимы демократические нуждаются в нациях, но не в гражданских, а в государственных. Т.е. в нациях, в которых индивиды подчиняют собственные интересы задачам укрепления могущества государства.

Июньский опрос позволяет подвести итог почти двадцатилетнего периода строительства государственной нации в Беларуси. «Меньшинство», особенно его молодая часть, активно дистанцируются от государства. «Большинство» авторитарное государство поддерживает, но его единственный ресурс — электоральный. Никаких иных действий, если потребуется в условиях кризиса, поддержать свое государство «большинство» совершить не в состоянии.

Белорусское общество — общество незавершенной модернизации, но в конце концов

модернизация — это не состояние, а процесс, и белорусы в этом процессе участвуют. Модернизация, с какой бы скоростью она не проходила, влечет за собой социальные трансформации, способствующие ослаблению одних и усилению других идентичностей, к числу последних, несомненно, относится и принадлежность к нации.

Государственный проект формирования белорусской нации, несмотря на мощную ресурсную поддержку, сегодня явно буксует. Но из этого не следует, что его гражданский и культурный конкуренты стали активно пополнять лагерь своих сторонников. Поэтому процессы строительства в Беларуси современного национального государства и гражданской (политической) нации, объединяющей граждан вокруг общепризнанных ценностей, интересов и институтов, еще далеки от своего завершения. Белорусское общество остается атомизированным и разобщенным. Отсутствие гражданской нации является основной причиной сохранения персоналистского авторитарного режима. Ведь если нации нет, то альтернатива проста: либо — хаос, либо — диктатор. Последнее при всех издержках предпочтительнее.

Таблица 6

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ВОЗРОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА ТРЕБУЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ?» (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	июнь 1993	июнь 2013	Возраст		Отношение к Лукашенко	
			18-30	60+	доверяют	не доверяют
Да	70	66	62	71	65	70
Нет	12	25	29	18	26	23
Затруднились ответить/нет ответа	18	9	9	11	9	7

Никита САВИН

Дискурсивные основания политического участия в России

Сегодняшнее политическое поведение россиян выглядит противоречивым и вызывает оживленную дискуссию в академическом сообществе. Предметом дискуссии является политическая пассивность значительной части россиян. На протяжении последнего десятилетия социологические опросы фиксировали устойчивое недовольство граждан актуальной ситуацией в стране. По данным Левада-центра, в период с 2000 по 2013 гг. в среднем 40,6% граждан выбирали вариант «события ведут нас в тупик» вместо «дела идут в правильном направлении» (при стандартном отклонении в 7,6%)¹. Несмотря на значительный уровень недовольства, граждане не используют имеющиеся возможности для политической активности, такие как создание и работа в инициативных группах, общественных организациях и т.п. Напротив, современному обществу присущи коммуникативная доместикация (доминирование непубличного характера коммуникационной активности над публичным)², социетальная и политическая инволюция (деполитизация)³ и состояние аномии (распада системы ценностей)⁴.

В политической науке интерпретации обозначенного выше противоречия ведутся преимущественно в рамках институциональной парадигмы и трёх подходов: социологического, рационального и исторического. Все три подхода аксиоматизируют механизм трансформации мотива в действие. В рамках социологического подхода эта парадигма обусловлена социальными нормами, в рамках рационального — калькуляцией издержек и бенефитов, в рамках исторического — эффектом колеи. Объяснить символический подтекст этих механизмов по-

зволяет дискурсивный подход, при котором ставится вопрос: как идеи и значения конституируют политическое действие⁵? Использование данного подхода позволяет выявить символические основания не только политического действия, но и его отсутствия.

Эмпирическая база исследования. Эмпирической базой исследования являются 15 глубинных интервью, проведенных в городе Архангельске в мае 2013 года. Респондентами были выбраны российские «обыватели» — категория граждан, соответствующая признакам, определенным экспертами Левада-центра Л. Гудковым, Б. Дубиным и А. Левинсоном⁶.

В первую очередь, у отечественного «обывателя» отсутствует промежуточный между коллективными (империя, героическое прошлое, власть) и личными (семья) ценностями уровень, что проявляется в отсутствии гражданской солидарности⁷. Для выявления этой черты «обывателя» респонденту задавались вопросы: «Можете ли Вы доверять большинству людей?», «На что из перечисленного Вы можете оказывать влияние?», «Вы принимали участие в деятельности общественных организаций или инициативных групп за последние полгода?».

Вторая черта российского «обывателя» — недоверие к государственным институтам и высокий уровень патернализма⁸. Вопросы, задаваемые на стадии отбора респондентов, звучали следующим образом: 1. Доверяете ли Вы следующим государственным органам? (Варианты ответа содержали названия федеральных и региональных органов исполнительной и законодательной власти); 2. Что из перечисленного, на Ваш взгляд, является функцией государства? (Варианты ответов: охрана общественного порядка, регулирование экономической деятель-

¹ Левада-центр. Индекс оценок положения дел в стране. URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (Дата обращения: 02.06.2013)

² *Каширских О. Н.* Публичная сфера и легитимность персоналистской системы власти в России // Вестник общественного мнения. — 2012. — № 2 (112). — С. 67.

³ *Burawoy M.* Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // East European Politics and Societies. 2001. Vol. 15. № 2. З. 269-290.

⁴ *Медведев С., Томашов И.* Политическая аноμία в современной России. URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/53650662> (Дата обращения: 02.06.2013)

⁵ *Schmidt V.* Discursive Institutionalism: the Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science. 2008. № 11. P. 305.

⁶ *Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А.* Фоторобот российского обывателя. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gudkov_Dubin.pdf (Дата обращения: 02.06.2013)

⁷ *Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А.* Фоторобот российского обывателя. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gudkov_Dubin.pdf (Дата обращения: 02.06.2013)

⁸ Там же.

ности, создание рабочих мест, выплата достойных зарплат, социальная помощь населению, руководство общественной жизнью). Искомый респондент должен был выбрать все предлагаемые варианты.

Третьим признаком «обывателя» является его социально-экономическое положение¹. Доход респондента не должен превышать средний по региону (в Архангельской области – 22 тысячи рублей)².

Выбор города Архангельска для проведения интервью обусловлен отсутствием значимых региональных специфик, способных исказить универсальные паттерны семантического прочтения гражданами политической действительности. Архангельская область – дотационный регион, не выделяющийся по основным социально-экономическим параметрам Госкомстата из совокупности других регионов России³. В Архангельской области отсутствуют значимые социетальные расколы по признаку конфессии, этнической принадлежности, город-село и т.п.

На основании предварительного анкетирования было отобрано 15 респондентов, удовлетворявших «обывательским» требованиям. Данные о респондентах приведены в таблице:

Вопросы в ходе интервью носили как закрытый, так и открытый характер. С респон-

дентами обсуждались три темы:

1. Доверие к государственным институтам.
2. Отношение респондента к окружающим людям.
3. Политическое участие граждан.

Техникой анализа собранных нарративов является теория дискурса Лакло и Муфф. В рамках этой теории отсутствует разделение на языковые и социальные практики. Действия агентов и их слова рассматриваются как знаки, за которыми стоят смысловые конструкции⁴. Исследовательской задачей в рамках теории дискурса Лакло и Муфф становится определение гегемонного дискурса – совокупности смысловых конструкций, легитимирующих существующий социальный порядок и отношения господства. В отличие от критического дискурс-анализа и дискурсивной психологии, теория дискурса Лакло и Муфф не требует дополнительной интерпретационной парадигмы для результатов анализа нарративов⁵.

Реконструкция обывателя: семантические основания деполитизации. В ходе интервью были выявлены дискурсивные основания критериев, используемых для выявления обывателей, – коммуникативная domestикация, недоверие к государственным институтам при высоком уровне патернализма, значимость уровня до-

№ респондента	Краткое описание			
	пол	возраст, лет	доход, тыс. руб.	профессия
1	М	44	21	охранник
2	М	47	13	продавец
3	М	53	8	дворник
4	Ж	27	21	тренер в ДЮСШ
5	М	57	15	мусорщик
6	Ж	48	24	продавец
7	Ж	59	18	продавец
8	Ж	54	13	модельер
9	Ж	59	20	бюджетник
10	Ж	65	18	пенсионерка
11	Ж	47	12	продавец
12	Ж	38	20	бухгалтер
13	Ж	56	14	подрабатывающая пенсионерка
14	Ж	33	19	менеджер
15	Ж	36	22	бухгалтер

¹ Там же.

² Итоги социально-экономического развития Архангельской области (без учета Ненецкого автономного округа) за 1 квартал 2013 года. URL: <http://www.dvinaland.ru/economy/> (Дата обращения: 02.06.2013)

³ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm (Дата обращения: 02.06.2013)

⁴ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. Verso: London, New York, 1985. P. 113

⁵ Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2 изд., испр. – Х: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – С. 53-107.

ходов и чувствительность обывателей к имущественному неравенству.

Девальвация Другого¹

Коммуникативные сети обывателей эксклюзивны и включают преимущественно родственников и коллег по работе. Семья выступает в качестве инструмента взаимной защиты. Нарушение своих прав государством респонденты оценивали как реальную возможность, некоторые рассказывали реальные случаи из жизни, советовались, куда можно обратиться в описанных ситуациях. Основным инструментом защиты прав, по мнению обывателей, является знакомства.

Отрывок из интервью с Респондентом 1.

Ответ: Я думаю, что там много беспредела. Я, например, боюсь попасть в милицию, даже если я ни в чем виноват. Я не уверен, что меня не могут упечь, подсунуть мне наркоту или чего там... если они захотят это сделать. Тем более в свете последних событий, как они издеваются там или издевались. Я думаю, все это продолжается. Поэтому я... я боюсь этого, я не верю ни в милицию, ни во что. И стараюсь как-то подальше от этого.

...

Вопрос: А вот если вдруг с вами случится нечто подобное [нарушение прав – НС], кто, на ваш взгляд, мог бы вас защитить?

Ответ: Только если найдутся какие-либо знакомые. Мне кажется только это. Через кого-то, через где-то. Чтобы кто-то за меня постоял. По-справедливому, наверное, это не может быть...

Опора на собственные коммуникативные сети и отсутствие защиты со стороны государства оценивается обывателями как нормативно неприемлемая ситуация. Такой тип поведения нельзя назвать лукавым, обыватели не стремятся найти лазейки в существующей нормативной системе для оправдания выхода за пределы «правил игры»². Сами внешние правила игры воспринимаются ими как несправедливые. Нормативное измерение присутствует, но обыватели не ждут, что внешний мир будет вести себя сообразно этическим нормам. Отсюда – рациональным поведением агентов становится социальный абсентеизм, понимаемый как

сознательное уклонение от деперсонифицированных социальных связей. При общении с незнакомыми людьми обыватели главным образом упирают на их инклюзивную идентичность, предполагающую апелляцию к общему для всех этическому неприятию – «все же мы люди», «ну по-человечески можно понять».

Нормативно неприемлемым респонденты считали, например, участие в фальсификациях на выборах. В то же время участвующие в фальсификациях морально не осуждаются обывателями, осуждается сама система выборов, которая вынуждает людей действовать в обход нормативной системы. Все респонденты отказали в доверии выборам.

Респондент 8: Ну, фикция, выборы – фикция, всё равно вот, они как это, Путин с Медведевым, Путин с Медведевым, Медведев сейчас премьер-министр, он вообще никакой! Он, по-моему, даже не понимает, чем он занимается...

Отрывок из интервью с Респондентом 11.

Вопрос: Но по данным выборов, их [сторонников В. Путина – НС] большинство, у Путина на выборах около 60%...

Ответ: Не верю!

Вопрос: То есть, Вы думаете, что выборы были подтасованы?

Ответ: Да, да, я думаю, да. Потому что, судя, как мы живем... не уверена, мне кажется да. Да, и я в этом уверена как-то вот. Но опять же, показывали и по интернету, подтасовки были. И опять же вот да, по центральному телевидению, ну невозможно чтобы так все ровно и гладко проходило. И вот такие моменты, они почему-то где-то чего-то очень мало освещались. Но тоже вот большой знак вопроса, не знаю...

Нормативная неприемлемость социальной реальности носит у обывателей холистский характер и отражается в речи респондентов употреблением обобщённых выражений и оборотов: «кругом», «езде» и т.п. Например, развернутые ответы Респондента 1 зачастую заканчивались фразой «потому что везде коррупция». Неприемлемость социальной реальности носит имплицитный характер. Респонденты не могли чётко артикулировать то, чем они недовольны, ответы зачастую носили эмоциональный характер, содержали значительное число риторических вопросов и восклицаний.

Имплицитная нормативная неприемлемость внешнего ложится в основу девальвации Другого. Отвечая на вопросы об отношении к

¹ Термин заимствован в: Каширских О. Н. Публичная сфера... С. 72.

² Левада Ю. Человек лукавый: двоимыслие по-русски. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/229/938/1219/03levada-19-27.pdf> (Дата обращения: 02.06.2013)

другим людям, респонденты демонстрировали на первый взгляд противоречивую логику: все собеседники считали невозможным для себя принимать участие в организациях и группах для решения вопросов общей значимости, несмотря на декларативное доверие к большинству людей за пределами круга родственников и близких знакомых. Объяснение данного противоречия заключается в том, что в сознании обывателей практически не рефлексировалась разность групп. Базовой недифференцируемой идентичностью обывателей является «народ», «простые люди». Декларируемое доверие к большинству людей не означает доверия к Другим, но означает доверие лишь к себе.

Медиа практически не играют конститутивной роли при формировании идентичности *народ* и когнитивных структур агентов. Медиа преимущественно вынесены за пределы *народа*, они дают лишь информационные поводы, которые затем обсуждаются в пределах ближайшего круга. Вынесение оценки, формирование отношений, а вместе с тем – конституирование агентов происходит в пределах доместицированных сетей. Сформированное в сети отношение не рефлексировалось как партикулярное и экстраполируется затем на *народ*.

Особенное недоверие обыватели высказывают в отношении федеральных телеканалов. В ходе интервью респонденты часто ссылались на федеральные телеканалы без специального вопроса, при этом негативно их маркируя. Со многими респондентами негативное отношение к федеральным телеканалам становилось доминирующей темой в ходе интервью. Отсылка к нечестности медиа шла постоянно, сопровождалась риторическими восклицаниями, тема активно вовлекала в общение. Федеральные телеканалы перестали быть медиа в том смысле, что они не являются фоновым институтом для столкновения партикулярных точек зрения. Напротив, сами федеральные телеканалы становятся предметом рефлексии.

Респондент 6: То есть они [власть - НС] осознают, что на грани, мне кажется где-то в глубине да, что они уже на грани... Но вот эта показуха, конечно, честно говоря, уже надоела по телевизору. Ну, это все, все ну вот кто более менее вот что-то соображали, они все понимают, что это показушничество натуральное...

Респондент 11: То есть, то же самое освещается, но у него [о ведущем на телеканале РЕН-ТВ - НС] какие-то вот такие острые

моменты, он, во всяком случае, произносит. По Первому каналу этого нет. Ну и вот выборы, мы тоже сравнивали. По Первому каналу, второй канал, РЕН-ТВ, я даже не помню, даже вот второй канал отличался от Первого. А вранье на вранье по Первому, мы просто были в шоке!

Частично функции медиа выполняет интернет. В ходе интервью выражение недоверия к федеральным телеканалам зачастую сопровождалось их противопоставлением интернету, как источнику объективной информации. Респонденты, не пользующиеся интернетом самостоятельно, ссылались на друзей и родственников – активных пользователей. Респонденты, использующие интернет самостоятельно, придавали большое значение комментариям, доверяли им как мнению других людей.

В отсутствие полноценной медиации недовольство обывателей не эксплицируется. Обыватели сохраняют своё недовольство в имплицитной форме, пассивно адаптируясь к изменению внешних условий¹. Структурные условия формирования агентов не обеспечивают их возможностями принимать участие в социально-преобразовательной деятельности.

Противоречивым остается характер идентичности *народ*. Несмотря на неспособность идентифицировать Другого, обыватели оказываются способны сконструировать воображаемое сообщество, носящее эксклюзивный характер. При этом антипод *народа* – государство не имеет однозначной негативной маркировки. Антиномии отношения россиян к власти и к государству хорошо известны и неоднократно описаны в литературе². Главным источником противоречий на сегодняшний день становится сочетание государственного патернализма с феноменом институционального недоверия. Полисемия, возникающая в результате такого сочетания, предотвращает политизацию отношений *власти и народа*.

Государство: Свой или/и Другой?

Обыватели ожидают от государства высоких социальных гарантий, выполнения регулирующих функций. Все респонденты считали, что государство обязано заботиться о пенсионерах, детях, в разной степени опосредовать социальные отношения.

¹ См.: Гудков Л. Инерция пассивной адаптации // Pro et contra. – 2011. – Январь-апрель. – С. 20-42.

² См., например: Гудков Л. Российский авторитаризм: институциональный и общественный контекст. URR: <http://www.liberal.ru/articles/cat/1313> (Дата обращения: 02.06.2013)

Респондент 12: Я считаю, что политика и люди, которые политики, они, прежде всего, [должны — НС] работать для общества, улучшать отношения в обществе, какую-то, ну, в принципе, может я не права, они должны отвечать абсолютно за все, начиная от социальной сферы какой-то и заканчивая развлечениями народа и досугами, всем остальным, вот не знаю почему, я думаю.

Дуалистичность государства (сочетание патернализма с институциональным недоверием) проявляется в сознании обывателей отсутствием дифференциации подсистем общества. Респондент, работающая 15 лет в частном секторе, считала, что в её профессиональной болезни виновато государство, которое должно компенсировать недуг в виде большой пенсии:

Респондент 7: Вот вы разберите, почему такая зарплата низкая. Вот целый день человек стоит на ногах работает. Ну, я опять же по своей это, знаешь чего. Вот мне обидно, что я лишусь ног в своё время, я от государства это заработаю, потому что я на него работала. Вот так же.

При этом респондент позитивно относится к предпринимательской деятельности и хорошо отзывается о своих работодателях.

Высокие ожидания от государства не оказываются производными от правовых норм, гарантирующих населению социальные и другие права. В своей критике государства респонденты ни разу не сослались на Конституцию, иные правовые акты. Ожидания от государства заложены в нормативном поле агентов, противопоставленном всему экзогенному. Конституция рассматривается как компонент сегодняшнего аморального государства. Респонденты, достигшие совершеннолетия в советское время, при обсуждении функций государства выбирали в качестве нормативного референта советское государство. Респонденты моложе, высказывая те же тезисы, ссылались на примеры европейских стран — Германии, Швеции, Норвегии.

Отношение респондентов к государству нельзя однозначно определить как патерналистское. Ожидая от государства значительного участия в жизни людей, респонденты трактовали его как инструмент производства коллективных благ. Противопоставляемое нормативному (под этим понимается образ того, каким должно быть государство) сегодняшнее государство в сознании респондентов выступает как сово-

купность сетевых структур, действующих исключительно в своих интересах.

Респондент 12: Потому что я считаю, что у нас процентов наверное 80 людей, которые идут в политику, идут туда для бизнеса. Они никак не идут туда для того, чтобы заботиться непосредственно... И мне кажется, тем, чем они занимаются, это... не все, я не могу сказать обо всех, но большинство, наверное, они лоббируют свои интересы, интересы тех людей, которые их привели во власть.

Респондент 14: Они [«простые люди» — НС] знают, что вот это вот кучка, у которых власть, у которых деньги, они найдут рычаги, для того чтобы все это дело подавить

Властные сетевые структуры, в отличие от народа, обладают двумя ресурсами — властью и деньгами. Власть воспринимается обывателями именно как ресурс, говоря о власти, респонденты преимущественно говорят «у власти», «к власти», «власть-имущие», реже — «во власть». Человек у власти сразу выносится в категорию Они, он перестаёт быть «простым человеком», а значит — не разделяет этическую установку об аморальности внешних правил игры. При этом источником негативной маркировки является не власть сама по себе, а богатство. Богатство, а тем более демонстрация роскоши, считаются аморальными в условиях наличия других общих для всех социальных проблем.

Респондент 1: Ну, во первых, большинство богатых — это воры... Иногда богатство такое, что... вот не нужно столько денег. Правда, не нужно. Если у тебя так много, почему ты не можешь поделиться со стариками с нашими...

Негативное отношение к богатству обусловлено не только нормативной неприемлемостью имущественного неравенства. Обыватели ощущают стирание границ между подсистемами общества, маркетизацию общества и государства. Зачастую именно превращение денег в унифицированный регулятор общественных отношений респонденты приводили в качестве примера несправедливости.

Респондент 8: Ну так что, а так вот дальше мы дойдем до того, что можно и кого-то обмануть, убить, зато — главное — мы деньги зарабатываем! Кого-то и в тюрьму можно запрятать,

главное — деньги заработать! Поэтому тебе и говорю, я не пойду [на митинги - НС], я не верю, если сейчас соберется, и они, которые там сидят на своих сладких местах, имея такие зарплаты, имея плюс к тому, что у них и бизнес свой, и они могут его потерять, неужели они позволяют?

Остро ощущаемое переплетение власти и богатства приводит к их неразрывной связи в сознании обывателей.

Отрывок из интервью с Респондентом 8:

Ответ: Даже вот в эту власть, когда я говорю, ну ты же идёшь во власть, в администрацию, ну, не в администрацию города, а в мэрию, ты же понимаешь, что ты должен там работать, чтобы твоим гражданам, твоего города, было хорошо, а не зарабатывать деньги. И мне говорят, что я — дура.

Вопрос: Почему?

Ответ: Ну, потому что сейчас какие горожане?! Это зарабатывание денег!

Респондент 14: Как я оцениваю в целом ситуацию в стране... В целом я оцениваю ситуацию таким образом, что в нашей стране в данный момент господство денег — у кого есть деньги, тот и правит, у кого их нет, тот просто сидит и выживает.

Деятельность в своих интересах в ущерб общему благу обыватели обозначают словом «коррупция». Все респонденты назвали причиной своего недовольства государством коррупцию. Вопросы о коррупции вызывали эмоциональную реакцию, сама коррупция однозначно осуждалась респондентами. На вопросы о бытовой коррупции, включающие пример со взяткой гаишнику и подарком госслужащему для решения своего вопроса в обход установленных процедур, респонденты не были единодушны. При примере с государственным служащим респонденты сразу начинали объяснять, что описанная ситуация не имеет ничего общего с коррупцией. В случае с гаишником респонденты затруднялись сразу дать оценку. Гаишник воспринимался как «простой человек», разделяющий этическую установку об аморальности внешних правил игры. В то же время гаишник рассматривался как представитель государства, действующий в своих интересах в ущерб коллективному благу — порядку на дорогах.

Дуализм отношений к силовым структурам, в том числе, к ГАИ, проявлялся не только в вопросах о коррупции. Как уже было обозначено выше, обыватели опасаются нарушения прав со

стороны полиции. В разговорах о власти армия и полиция зачастую выносились в категорию Они и противопоставлялись народу. В то же время сами полицейские и военнослужащие морально не осуждались за кооптацию с властью ввиду аморальности условий.

Отрывок из интервью с Респондентом 1:

Вопрос: Как вы думаете, почему большинство людей голосует за Путина?

Ответ: Большинство, это вы имеете в виду — армия, КГБ и толстосумы?

Вопрос: Ну вот были результаты выборов последние, на которых Путин набрал больше 50%.

Ответ: Ну вот я и считаю, что голосуют только те, кому хорошо живется. Армию купили, это понятно, милицию купили — то же самое. Богатых людей у нас очень много, им на самом деле хорошо живется, конечно, они будут голосовать за Путина. Поэтому я думаю, что так.

Вопрос: Ну вот смотрите, армия и милиция, КГБ — это от силы два миллиона человек. В стране 148 миллионов. Почему все остальные голосуют, на ваш взгляд?

Ответ: Ну богатых же много. Я думаю, что только эти люди голосуют. Ну или кому, ну может не за кого больше голосовать, я думаю. Я имею в виду простой народ.

На примере с силовыми структурами видна имплицитность идентичности народ. С одной стороны, народ конституируется через противопоставление властным сетевым структурам, люди могут вообразить себя как сообщество, осознают общие интересы как универсальные (забота о пенсионерах и детях), идентифицируют (хоть и в имплицитной форме) Другого. С другой стороны, установка на экзогенное недоверие не даёт возможности «простым людям» ощутить себя группой, способной на политическое действие. Сами обыватели рефлексировали свою недостаточную организованность, негативно маркируя всеобщую пассивность, в том числе, свою собственную. На абстрактном уровне респонденты одобряли гражданскую кооперацию для решения проблем. Отвечая на вопросы об общем одобрении/неодобрении, респонденты уверенно отвечали «да!», «конечно!», часто сопровождали ответ комментариями, не дожидаясь открытого вопроса. Зачастую респонденты выражали готовность тут же принять участие (пассивное) в деятельности общественной группы в случае непосредственного к ним обращения.

Непосредственное обращение становится необходимым условием при деформации пу-

бличности. Как уже было сказано, федеральные телеканалы не выполняют функции медиа (и, соответственно, функцию генерирования публичности). Несмотря на однозначное осознание и осуждение предвзятости федеральных телеканалов, обыватели не демонстрируют спроса на публичность. Знак политика оказывается семантически ближе к государству, отсюда — под политической борьбой обыватели понимают преимущественно административные методы достижения своих целей, а не публичную борьбу.

Отрывок из интервью с Респондентом 4:

Вопрос: Что нужно делать, чтобы не быть политически пассивным?

Ответ: Свои недовольства какие-то высказывать, там, жалобы писать, можно сказать, какие-то прецеденты рассказывать.

Несмотря на семантическую близость политики к государству, обыватели вовсе не поддерживают только лишь административные методы управления. Само значение слова «государство» расширяется и включает в себя ряд сем, составляющих значение публичности. Не будучи эксплицированным в виде отдельного знака, публичное сливается с государственным.

В сознании обывателей государство начинается там, где кончается частное. Вопросы о гражданской активности и самоорганизации респонденты зачастую воспринимали как вопросы о готовности выступить против власти.

Отождествление государственного и публичного вместе с осознанием своей пассивности приводит к тому, что респонденты сетуют на отсутствие представительства в государстве.

Респондент 2: Все равно какая-то информация идет и от народа, значит что-то и они должны услышать, верх, правительство, и уже из этих, из этого принимать решения. Естественно, все, что сказал народ, все сделать невозможно и нельзя делать этого.

В условиях незначимости медиа и структур гражданского общества важными для обывателей становятся лишь непосредственные контакты с представителями государства.

Респондент 10: Он [Путин - НС] в Северодвинск приехал, собрал бы в театре-то, день бы один бы, рассказал бы всё людям, как что жить, смотрите, у нас вот Тралфлот погиб, и все заводы у нас не работают, а ведь у всех семьи, всем

детей надо поднимать, кормить, так как люди не будут воровать-то и убивать-то?!

Респондент 8: Если можно обойтись без этих митингов, если меня услышат, я бы, знаешь, с удовольствием бы пошла бы и поговорила бы и сказала нашему Павленку [мэр г. Архангельска - НС], что нужно как-то изменить.

Особая значимость прямых контактов обусловила интерес обывателей к прямой линии с В. Путиным. Большинство респондентов смотрели прямую линию, но предметом рефлексии становились не ответы президента, а степень аутентичности мероприятия. Все смотревшие прямую линию выражали возмущение увиденным.

Отрывок из интервью с Респондентом 8:

Вопрос: Линии прямые проводятся, как недавняя, пятнадцаточасовая...

Ответ: Никита! Ну ты же видел, как всё срежиссировано! Ты же видишь, какая ерунда!

В условиях деформации публичности и отождествления государственного и общественно-актуальными становятся вопросы о значении ключевых знаков демократического участия и возможных форм канализирования недовольства, перспектив существующих механизмов политической инклюзии.

Демократия: определенность неопределенности

На примере слова «демократия» проявляется полисемия ключевых знаков политического участия. При просьбе пояснить значение слова все респонденты испытывали затруднение. Никто из респондентов не смог дать ответ на вопрос, что он понимает под демократией. При этом все респонденты рефлексировали это непонимание.

Отрывок из интервью с Респондентом 5:

Вопрос: Как вы относитесь к демократии?

Ответ: А ты знаешь, я, честно говоря, не понимаю, что это такое...

Отрывок из интервью с Респондентом 6:

Вопрос: Как вы считаете, в 90-е была демократия?

Ответ: Я не знаю даже, что сейчас считать демократией...

На абстрактном уровне все респонденты говорили о своём положительном отношении

к демократии. Под демократией «в общем» они понимали, главным образом, стандарты политического устройства европейских стран. В таком значении демократия понимается обывателями как стабильность, обусловленная защитой со стороны государства.

Несмотря на артикулированное непонимание демократии, все респонденты сошлись во мнении, что в современной России есть значительные проблемы с демократией. Недостаток демократии ставился в вину власти, которая ограничивает её в своих корыстных интересах.

Отрывок из интервью с Респондентом 14:

Вопрос: Вы считаете, что у нас в стране сейчас демократия?

Ответ: Да нет. У нас демократия такая, я бы сказала условная.

Вопрос: Что такое условная демократия?

Ответ: Что такое условная демократия? В моем понимании. У нас демократия до поры до времени. То есть, то, что вот та демократия, которая... не прищемит хвост нашей верхушке — она допускается. Но если эта демократия какая-то пошла уже чуть дальше, где будет зерно такое, что из него может что-то вырасти, её сразу найдут возможность зажать, убрать, заткнуть. Рычаги есть.

Вопреки распространённому тезису респонденты не отождествляли демократию и отсутствие порядка. Напротив, в сознании респондентов демократия в большей степени ассоциируется с порядком. Определение сегодняшнего российского режима как недемократического обусловлено этой семантической близостью.

Отрывок из интервью с Респондентом 5:

Вопрос: А то, что сейчас в нашей стране, это демократия?

Ответ: Нет, я не сказал бы, что это демократия. Это своедозволенность, кричат — демократия, а делают, что хотят. Нет никакой дисциплины. Честно говоря, в стране нет дисциплины. Надо пожестче, руку пожестче бы надо, к нашему народу. И ко мне тоже, отчасти...

В то же время приведенный смысл остается лишь ассоциацией, не закреплённой за означаемым. Обыватели высказывали его только после долгих раздумий в ответ на просьбу выдать какой-либо иной ответ, кроме непонимания. Значение демократии как порядка оказывается вытесненным из дискурса обывателей в область

дискурсивности¹. За означаемым же закреплёно значение неопределённости.

Знак демократия является узловой точкой дискурса обывателей. Многие респонденты имплицитно понимали под демократией постсоветскую эпоху с её аморальностью экзогенного. Определяя демократию как неопределённость, респонденты демонстрируют чувствительность к отсутствию определённости знаков на социальном уровне. Не понимая новую эпоху, обыватели более старшего возраста соотносят её с советским прошлым. Они не могут эксплицитно идентифицировать эпоху для последующего сравнения. Отсюда — негативная коннотация значения неопределённости.

Сравнивая эпохи, респонденты апеллируют лишь к своей личной жизни, сводят позитивные изменения к свободе, понимаемой ими негативно как возможность «говорить всё, что нам угодно и нас за это не посадят» (Респондент 6), ездить в Турцию и в Египет (Респондент 1). В этой связи не рефлексировалась разность 1990-х и 2000-х, педалируемая федеральными телеканалами. 1990-е и 2000-е воспринимаются как часть одной эпохи, обыватели фиксируют улучшение качества жизни в 2000-е, но ощущение отсутствия определённости знаков на социальном уровне остаётся для них основным критерием при формировании отношения.

В условиях деформации публичности обыватели не имеют возможностей понимать позитивную свободу. Структурные условия формирования агентов задают ограничения на значение демократии: из области дискурсивности означающего выхолащиваются коммуникативные составляющие. Даже потенциально в сегодняшних условиях обыватели не имеют возможностей понять демократию как публичное взаимодействие на основе разности. Демократия воспринимается лишь инструментально, как механизм реализации своих частных интересов².

В сегодняшних структурных условиях политическое отсутствует. Жизнь обывателей, их отношения с властью принимает дополитические формы. Дополитичность состояния отражается также на артикулируемых обывателями причинах их недовольства. Несмотря на высказанные

¹ Область дискурсивности — «резервуар для «добавочных значений», возникающих в артикуляционной практике, то есть значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания единства значения», «все возможные, исключенные значения», «все возможные исключенные конструкции значения». Источник: Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М.В. Указ. соч. С. 57-58.

² Каширских О. Н. Публичная сфера...

опасения нарушения своих прав со стороны полиции и возмущение по поводу предвзятости федеральных телеканалов, те же респонденты причинами своего недовольства называли проблемы с ЖКХ, проблемы с трудоустройством в пределах города. Недовольство обывателей носит неполитический характер, в то же время будучи обусловленным рефлекслируемым разрывом между реальным и нормативным, недовольство специфически формирует предпочтения обывателей.

Специфика спроса в политике заключается в его эндогенном характере: выходя на «рынок», граждане не имеют уже сформированных предпочтений, они формируются после определенных действий политиков, то есть зависят от предложения¹. Спрос обывателей в этом смысле не является политическим, но это спрос на политическое. Имплицитность недовольства, кризис репрезентации и неспособность осознать себя в качестве политического субъекта формируют спрос на популизм, понимаемый как политическая логика генерирования социальной реальности. В дополитическом состоянии институционализации каких-либо отношений должна предшествовать эксплицитная артикуляция этико-политического консенсуса. Популизм по Лакло – политический способ конституирования единства группы. Причём единство носит символический характер, не стирает различия, но, напротив, становится основанием для их генерирования².

Предпочтения обывателей носят популистский характер, но не авторитарный. Представитель выполняет конститутивную по отношению к группе роль, отсюда – его метасоциальное положение. В политическом акте творения социального представитель смягчает разделение на господствующих и управляемых, эксплицируя символические основания для различий. Кажущаяся на первый взгляд авторитарность этих предпочтений обусловлена описанной Бурдьё базовой антиномией политического: «индивиды не могут (причем тем больше, чем больше они обделены) конституироваться или быть конституированными в группу, т.е. в силу, способную заставить слушать себя, говорить и быть услышанной иначе, как уступая свои права в пользу официального представителя»³.

¹ Манен Б. Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е. Н. Рощина. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 278-279.

² Laclau E. On Populist Reason. Verso: London, New York, 2005. P. 140.

³ Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Шматко Н. А. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 233

Отсюда же – персонализация предпочтений обывателей. Все респонденты имели весьма смутное представление о деятельности партий (в частности, путали Справедливую Россию и Единую Россию, спрашивали, какую партию представляет тот или иной лидер – Зюганов, Жириновский, Миронов).

Популистский характер предпочтений отражается в отношении респондентов к Путину. В ходе интервью многие респонденты выражали разочарование Путиным. Первоначально респонденты воспринимали его как внешнего по отношению к административной и политической системе человека, ожидали от него экспликации социетальных знаков (главным образом в форме реставрации советских знаков). Некоторые респонденты рефлексировали популистские ожидания обывателей от Путина.

Респондент 4: Потому что на данный момент убрать вот лидера, таких вот, Медведев не знаю, но таких как Путин, в которого большинство народа все равно верит, они может не верят в политику, еще во что-то, но на данный момент считается лидером. То есть у нас на фоне его как бы, скажи мне, на фоне мирового всего этого сообщества, Россия поднялась, и большинство, которое не вникает ни во что вообще, в суть вот этой политики, они верят. И если на данный убрать вообще Путина, то будет беспредел...

Путин не является популистским лидером, в сознании обывателей он оказывается вынесенным за пределы народа, в Опи, со всеми вытекающими негативными коннотациями, связанными главным образом с богатством.

Респондент 8: Ну, честно говоря, я не верю Путину, я считаю, что там другая планета. Они живут уже все хорошо, понимаешь, о народе-то не заботятся.

...

Мне честно говоря этот более симпатичен был, Путин сначала, потому что он, советская закалка, люди которые привыкли работать, они несут ответственность за свои сделанные дела, понимаешь, это было симпатично. А теперь я наоборот думаю, они сидят там группа: «Володя! Мне нужно это предприятие! Ладно, хорошо, подождите, через годик сделаем». Понимаешь, как-то рука руку моет.

Популистский характер предпочтений и первоначальные ожидания от Путина лежат в основе неприятия обывателями «рокировки» Путина и Медведева.

Отрывок из интервью с Респондентом 10:

Ответ: Они выбирают друг друга, Путин этого, этот Путина

Вопрос: А вас возмутило то, что они так меняются местами?

Ответ: Конечно, конечно, и не только меня возмутило, всех.

Вопрос: А почему?

Ответ: Так почему они только себя-то выбирают. Что они вдвоём только правят?!

Обывательский дискурс на сегодняшний день обеспечивает символическое воспроизводство властных отношений посредством деполитизации недовольства. Последняя обеспечивается за счёт этической установки об аморальности внешних правил игры. В таких условиях агенты не только оказываются не способны идентифицировать Другого, но и не

могут осознать свою идентичность как партикулярную. В отсутствие контингенции партикулярностей невозможна политизация каких-либо социальных отношений.

Девальвация Другого сопровождается отождествлением государственного и публичного. Не видя Других, за пределами себя обыватель сразу видит государство. Отсюда — уверенность обывателей в безрезультатности любой борьбы против государства и бессмысленности коллективной кооперации.

В заданных условиях обыватели не имеют возможности политизировать свои предпочтения. Предпочтения обывателей носят неполитический характер. Но они проявляют спрос на политическое, носящий популистский характер. Спрос на популизм обуславливает персонализацию предпочтений, благоприятствующую авторитарному стилю правления.

ВЫБОРЫ МЭРА МОСКВЫ

Данные репрезентативного опроса москвичей 27-30 августа 2013 г. (N=1600)

ЗА КОГО ИЗ ЭТИХ КАНДИДАТОВ ВЫ ГОТОВЫ ПРОГОЛОСОВАТЬ НА ВЫБОРАХ МЭРА МОСКВЫ: Группы по полу, возрасту, образованию (% по столбцу)

	Всего	Муж.	Жен.	18-24	25-39	40-54	55 и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего
Михаил ДЕГТЯРЕВ (ЛДПР)	2	3	1	6	2	1	1	2	1	3	2
Николай ЛЕВИЧЕВ ("Справедливая Россия")	4	5	3	3	3	5	4	5	2	2	4
Иван МЕЛЬНИКОВ (КПРФ)	7	7	7	1	2	8	12	7	6	3	13
Сергей МИТРОХИН ("Яблоко")	4	4	5	4	2	8	3	5	5	4	3
Алексей НАВАЛЬНЫЙ (РПР-ПАРНАС)	10	12	9	20	12	9	8	13	7	6	13
Сергей СОБЯНИН	38	33	42	30	36	39	41	39	34	40	44
Не буду голосовать	13	14	12	11	14	14	12	9	21	11	12
Затрудняюсь ответить	22	23	21	26	30	16	19	21	23	32	10

Образ Кореи в общественном мнении россиян¹

Данное исследование направлено на изучение представлений россиян о Республике Корея, степени их информированности об этой стране, восприятию ситуации на Корейском полуострове, а также их заинтересованности в развитии русско-корейских отношений в области культуры, экономики, туризма и бизнеса.

Для достижения поставленных целей были сформулированы следующие задачи исследования:

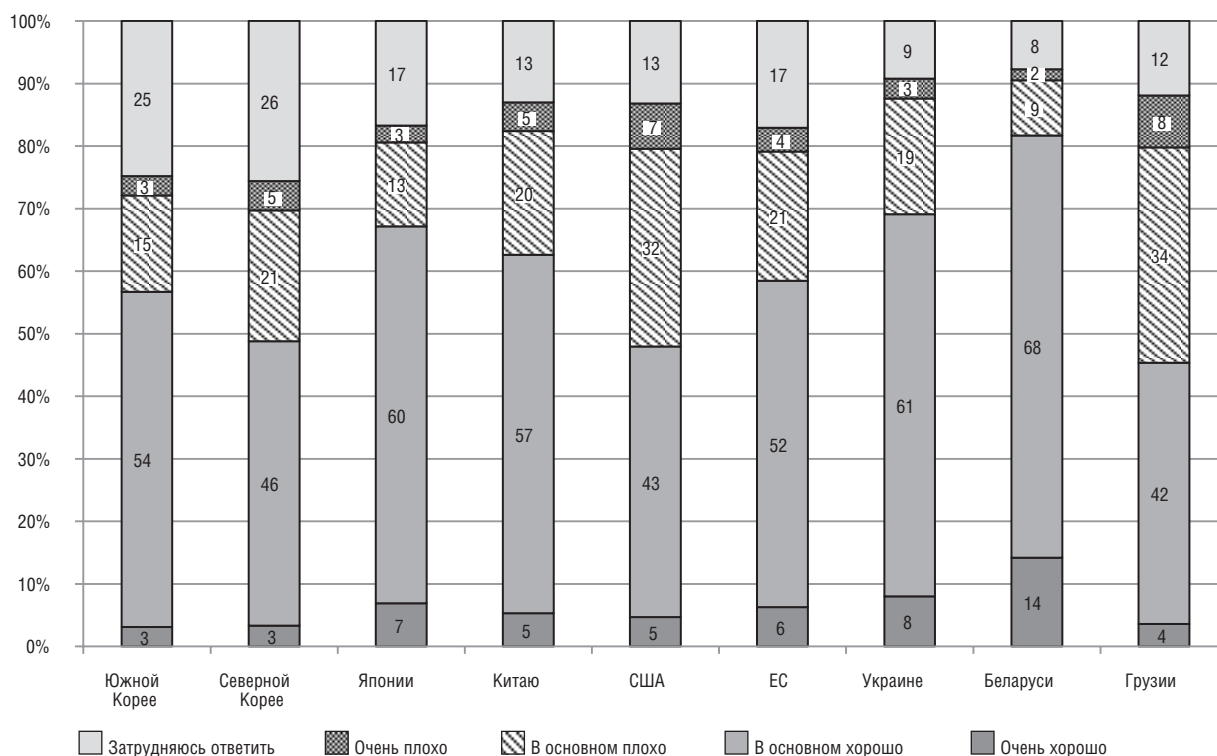
- изучить сложившийся у россиян образ Республики Корея в сравнении с другими азиатскими странами;
- выяснить, насколько россияне знакомы с культурой и традициями Кореи;
- оценить интерес к стране и перспективам

сотрудничества в культурной, политической и экономической областях.

Результаты этого исследования могут быть использованы для того, чтобы определить, в каких направлениях следует развивать просветительскую деятельность и расширять сотрудничество между странами.

Отношение к Корее. Большинство россиян (57%) в целом позитивно относятся к Республике Корея, негативное отношение высказали лишь 18% опрошенных (причем активное неприятие проявили представители маргинальных групп – 3%). Отношение к Китаю и Японии несколько лучше, чем к Южной Корее (позитивно высказались 62% и 67% росси-

График 1
КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ..?

¹ С 22 по 25 марта 2013 года Левада-Центр провел опрос по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше, проживающих в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных. Статистическая погрешность данных в таком исследовании не превышает 3,4%.

ян). Такая разница объясняется более высокой осведомленностью россиян об этих странах, большей четкостью и артикулированностью массовых установок. (Четверть респондентов затруднились ответить на вопрос о своем отно-

шении к Южной и Северной Корее, в то время как на вопрос об отношении к Китаю и Японии не смогли определенно ответить лишь 17% и 13%. Самые серьезные затруднения при ответе на вопрос о Южной Корее испытали россияне с низким потребительским статусом — те, кому денег хватает лишь на еду, и те, чей семейный доход меньше 15 тыс. руб.). Соотношение позитивных и негативных мнений о Корее составило 3:2, о Китае — 2:5, о Северной Корее — 1:9 (негативное отношение к последней проявлено заметно сильнее — его высказали 26%). Следует подчеркнуть, что в сравнении с европейскими странами или с США отношение к странам азиатского региона в целом носит менее выраженный характер. В общественном мнении они кажутся менее значимыми партнерами России, чем страны, бывшие частью СССР, союзники, друзья или соперники России (США, Грузия, Украина, Белоруссия и др.), отношение к которым гораздо более эмоциональное, идеологизированное и ценностно окрашенное, амбивалентное, если не сказать — ревнивое.

Информированность о Корее. Россияне очень мало знают о Южной Корее и проявляют весьма слабый интерес к этой стране. Всего 1% заявили, что они обладают сколько-нибудь достаточными сведениями о жизни, истории и культуре этой страны. 14% опрошенных признались, что знают мало, «но хотели бы знать больше». Для 85% россиян Южная Корея практически неинтересна, и уровень знаний у них об этой стране низкий. Чуть больший интерес к Южной Корее проявляют респонденты с высшим образованием (19%, когда в среднем по стране 14%). Россияне с образованием ниже среднего и низким семейным доходом чаще других заявляют, что их совершенно не интересует Южная Корея.

График 2
КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ БОЛЕЕ ВСЕГО СООТВЕТСТВУЕТ ВАШЕМУ УРОВНЮ ЗНАНИЙ О ЮЖНОЙ КОРЕЕ И ИНТЕРЕСУ К ЭТОЙ СТРАНЕ?

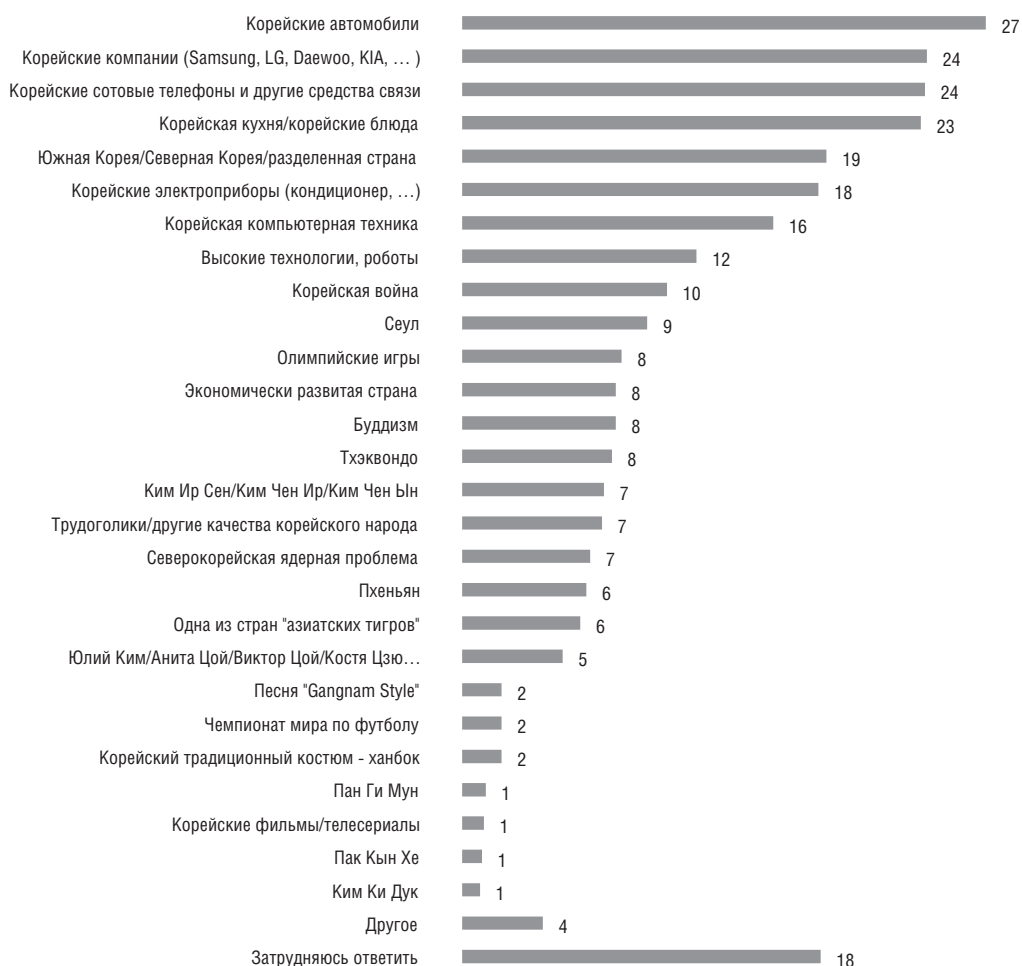
Структура и источники представлений о Южной Корее. Восприятие любой информации из Кореи детерминировано главным образом ее успешной модернизацией и выходом прежде экономически отсталой страны на мировую арену в 70-е годы. Две трети респондентов на вопрос о том, с чем связаны в их представлении слова «Корея» и «корейцы», ответили, что это корейские компании, высокие технологии, робототехника, компьютеры. Также упоминались впечатляющие результаты процесса модернизации страны («экономически развитая страна», «активно развивающаяся страна — азиатский тигр» и т.п.). В сравнении с этими ответами все прочие варианты давались гораздо реже: 8% были связаны с национальной культурой и историей, 9-10% — с корейской войной и существованием одного народа, но двух государств с различным строем, 7% — с фактами и событиями спортивной жизни («олимпийские игры», тхэквондо», Чемпионат мира по футболу), в 1% ответов упоминаются корейские политические и государственные деятели. Некоторое количество вспомнили об известных в России этнических корейцах: Юлии Киме, Викторе Цое, Аните Цой, Косте Цзю.

Самые прочные ассоциации с образом Кореи у россиян связаны с корейскими автомобилями (27%) и другой корейской техникой, весьма популярной в России благодаря оптимальному соотношению цены и качества. 24% населения России знают о корейских сотовых телефонах, 16% — о корейской компьютерной технике, 18% — о других бытовых приборах. Можно отметить достаточно активную узнаваемость корейских брендов: 24% населения России связывают свое представление о Корее с деятельностью таких национальных компаний, как Samsung, LG, Daewoo, KIA, Hyundai и др.

Таким образом, основные представления о Корее у россиян связаны с бытовой стороной их жизни — предметами, которыми они повседневно пользуются, рекламу которых постоянно видят. Закономерно, что подобные ответы более склонны давать респонденты, чей семейный доход свыше 40 тыс. руб., а также жители столицы. Другая популярная ассоциация — корейская кухня (23%) — также отсылает к повседневному потребительскому опыту.

Пятая часть опрошенных (19%) упомянула о существовании двух Корей, однако другие ассоциации, связанные с геополитикой, встречаются значительно реже: Корейская война — 10%, северокорейская ядерная проблема — 7%. Такое отношение обусловлено слабым осве-

График 3

ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО СВЯЗЫВАЕТСЯ В ВАШЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ СО СЛОВАМИ «КОРЕЯ», «КОРЕЙЦЫ»?

щением в российских СМИ всего, что происходит в этом регионе, с отсутствием надежной и адекватной информации, сдержанным отношением к северокорейскому режиму и явным нежеланием российских властей акцентировать внимание аудитории на тех или иных сторонах жизни в этой стране, что могло бы пробудить у российского обывателя ненужные мысли и сопоставления. Во всяком случае, нет и того негативизма в освещении событий в Южной Корее, который был доминирующим в информационных сообщениях об этой стране в советское время.

Впрочем, нужно учитывать, что опрос проводился в марте 2013 года непосредственно перед обострением ситуации на Корейском полуострове.

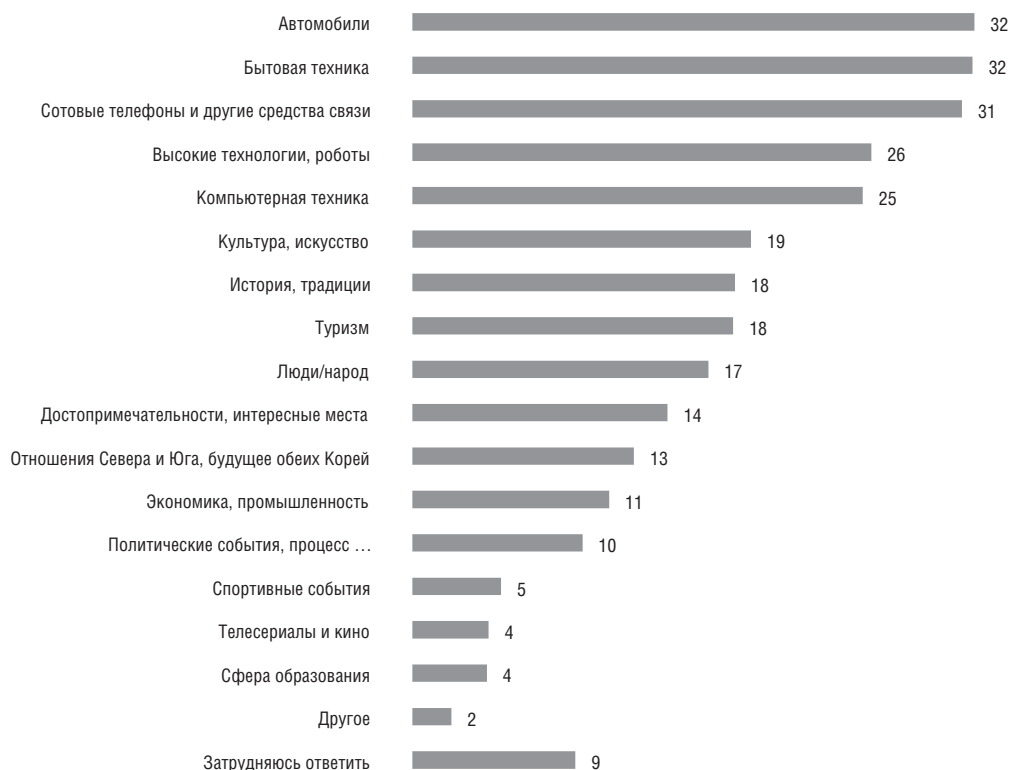
Как и в случае с ассоциациями, среди ответов на вопрос о том, что связанное с Южной Кореей вызывает наибольший интерес, лидирует корейская техника. Причем ею интересуются в основном москвичи, что можно объяснить

высоким уровнем их покупательной способности, а также наиболее широким ассортиментом корейских товаров в Москве. Внимание жителей столицы привлекают корейские автомобили, телефоны, а также компьютерная и бытовая техника. На другом конце страны, в Дальневосточном федеральном округе, картина совсем иная – 64% населения округа наибольший интерес проявили к туризму в Южной Корее, что объясняется географической близостью регионов.

Почти каждый пятый опрошиваемый проявил интерес к культуре и искусству (19%), а также истории и традициям (18%). Однако сложно утверждать, что речь идет о целенаправленном интересе именно к этой стране, а не об общем стремлении к расширению кругозора. Другими словами, россиянам было бы любопытно что-нибудь узнать, но не больше, чем о любой другой стране, о которой они мало знают.

Достаточно большую роль в формировании общественного мнения о Южной Корее игра-

График 4

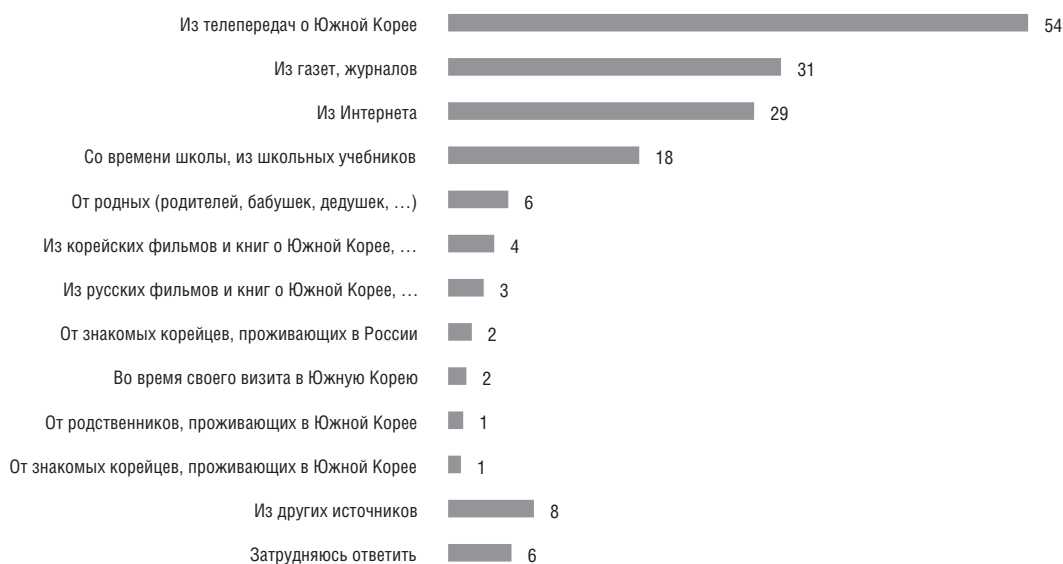
ЧТО СВЯЗАННОЕ С ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ ВАС БОЛЕЕ ВСЕГО ИНТЕРЕСУЕТ?

ют СМИ. 54% россиян отмечают, что получили знания о Южной Корее из телепередач, причем среди молодежи от 18 до 24 лет данный вариант ответа выбрал 41%, а среди тех, кому больше 55 лет, — 59% опрошенных. Стоит отметить, что жители Дальнего Востока получают информацию об этой стране из телевизионных передач существенно чаще (83% опрошиваемых), чем в других регионах. Из Интернета о Южной Корее

узнает, прежде всего, молодежь (47% респондентов).

За пределами пространства массовой информации и коммуникации знания о Корее для многих россиян являются остаточными со школьных времен. И поскольку Корея не изучается в России в рамках школьных курсов зарубежной истории и литературы, можно предположить, что эти знания носят поверхностный

График 5

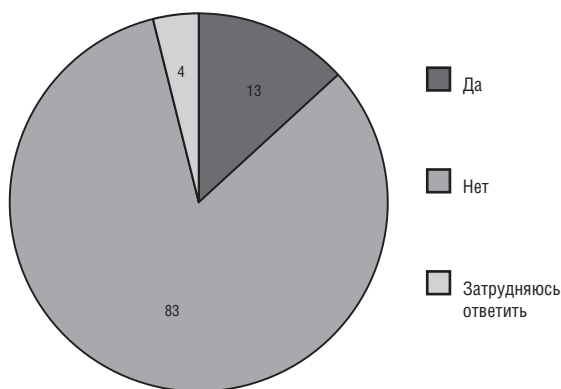
НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ СКАЗАТЬ, ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ ПОЛУЧИЛИ ВАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЮЖНОЙ КОРЕЕ И ЕЕ НАСЕЛЕНИИ?

и преимущественно географический характер. Если КНДР еще часто упоминается как пример современного тоталитарного государства, то о Республике Корея в российских школах говорят редко. Количество россиян, получивших представления об этой стране из личного опыта или непосредственной коммуникации с теми, у кого такой опыт есть, чрезвычайно мало и находится на уровне статистической погрешности.

Жители России достаточно редко встречаются с корейцами, поэтому фактор личного знакомства и получения информации «из первых рук» в ходе непосредственного общения следует считать малозначимым. По данным опроса общественного мнения, в среднем по России только 13% россиян встречали граждан Южной Кореи. Чуть больше этот показатель в Москве: 25% жителей столицы контактировали с представителями Южной Кореи. Кстати, жители Дальневосточного федерального округа встречали корейцев несколько чаще, чем в среднем по России, но реже, чем москвичи — 19% респондентов.

Лишь совсем небольшое количество россиян бывало в Южной Корее — порядка 2% (это меньше стандартных допусков точности измерения). На Дальнем Востоке результаты опроса несколько отличаются, но не меняют в принципе полученной картины посещений этой страны: здесь доля выезжавших в РК составила 6%.

График 6
ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ КОГДА-ЛИБО ВСТРЕЧАТЬСЯ С ЛЮДЬМИ ИЗ ЮЖНОЙ КОРЕИ?

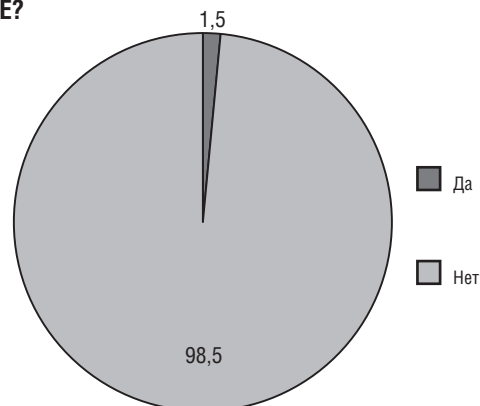

Если говорить об опыте использования товаров, произведенных в Корее, то на первом месте у россиян стоит бытовая техника — ею пользовались 40%. Также достаточно большое число респондентов приобретали сотовые телефоны и другие средства связи (34%).

Сравнительно меньшая популярность товаров повседневного спроса объясняется тем,

что доля корейских компаний на рынке одежды или косметики значительно меньше, чем на рынке электроники и разнообразной техники.

График 7
БЫВАЛИ ЛИ ВЫ КОГДА-НИБУДЬ САМИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ?

Можно выделить два региона России, жители которых чаще других пользуются корейскими товарами, Москва и Дальний Восток. Если в среднем по Российской Федерации 10% населения имели в собственности корейские автомобили, то в Москве этот показатель выше почти вдвое — 19%. Одежду, произведенную в Корее, носили 24% москвичей, 28% жителей Дальнего Востока, а в остальных регионах России лишь 13% граждан. Это можно объяснить тем, что потребительские возможности москвичей значительно выше, чем в среднем по стране, а жители Дальнего Востока имеют возможность покупать корейские товары дешевле, чем другие россияне. В других регионах России респонденты чаще всего отвечали, что не пользовались товарами, изготовленными в Корее. В целом так ответили 29% опрошенных, среди которых особо выделились две группы населения — с низким семейным доходом (44%) и сельские жители (38%).

Необходимо отметить, что россияне удовлетворены качеством корейской продукции и положительно относятся к товарам, произведенным в Республике Корея, но количество опрошенных, специально ищущих корейские товары, незначительно — всего 2%. В то же время 26% россиян часто их покупают, а в Дальневосточном федеральном округе такая модель потребительского поведения характерна для 44% населения, что объяснимо региональной спецификой. Значительная часть респондентов (36%) не выделяет специально корейские товары в ряду продукции других стран и покупают их, руководствуясь своими чисто потребительскими соображениями.

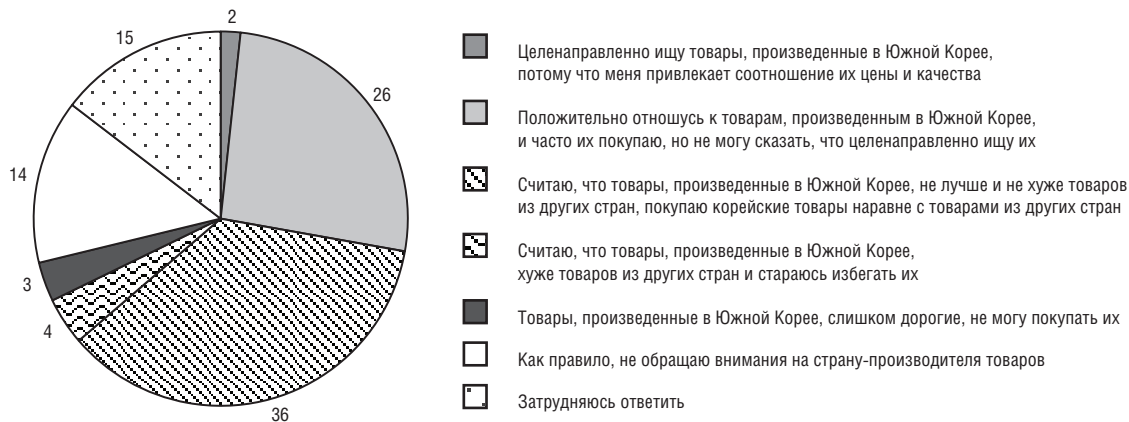
График 8

КАКИМИ ТОВАРАМИ, ПРОИЗВЕДЕННЫМИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ, ВАМ ЛИЧНО ДОВОДИЛОСЬ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ?

График 9

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТОВАРАМ, ПРОИЗВЕДЕННЫМ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ?

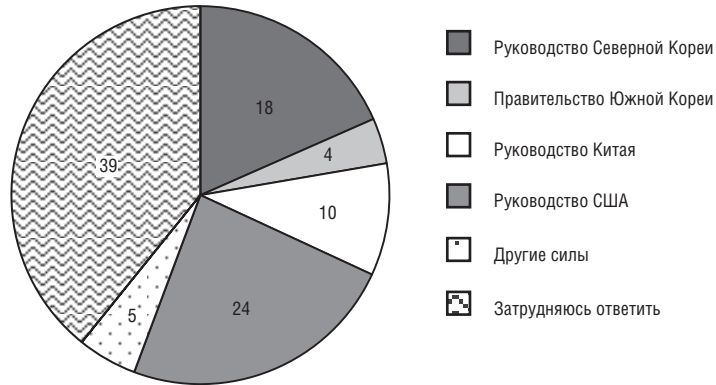
Проблема отношений с Северной Кореей. В нынешнем обострении отношений с Северной Кореей россияне менее всего склонны винить правительство Южной Кореи — этот вариант выбрали всего 4% опрошенных. 18% назвали виновником руководство Северной Кореи, причем чаще такой ответ давали жители Москвы (26%) и респонденты с высшим образованием (22%; для сравнения: из не имеющих среднего образования — 15%). Однако почти четверть опрошенных (24%) считают, что в нынешнем обострении виноваты США, а среди сельского населения этот вариант выбрали 29%. Такой высокий показатель объясняется опять же не столько осведомленностью о кон-

кретной проблеме, сколько негативными установками по отношению к США. Значительная часть опрошенных (39%) затруднилась ответить на этот вопрос.

Угрозы применения Северной Кореей ядерного оружия у 24% опрошенных вызывают беспокойство по поводу нарастания напряжения в регионе, причем этот показатель почти не изменяется по группам респондентов. В свою очередь, опасения, что политика северокорейского правительства может стать поводом для большой войны (26% в среднем по России), распределены неравномерно: меньше всего в такой вариант развития событий верят москвичи (18%), а больше всего его боятся россияне с самым низким потребительским статусом

График 10

КТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ЯВЛЯЕТСЯ ВИНОВНИКОМ НЫНЕШНЕГО ОБОСТРЕНИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ?

(42%). У более образованных и обеспеченных москвичей действия руководства Северной Кореи в 2 раза чаще, чем в среднем по стране, вызывают раздражение (26% против 13%). Недоумение и непонимание в основном испытывают наименее образованные респонденты (14%) и пенсионеры (15%).

На вопрос о вероятности наступления войны на Корейском полуострове большинство

россиян постарались не давать крайних оценок: 31% назвали войну не очень вероятной, а 25% — скорее вероятной. Эти пропорции сохраняются во всех группах, кроме респондентов с самым низким потребительским статусом. 19% из них назвали войну весьма вероятной, 18% — не очень вероятной. Здесь, как и в предыдущем вопросе, такие ответы в данной группе объясняются тем, что самые бедные больше всего

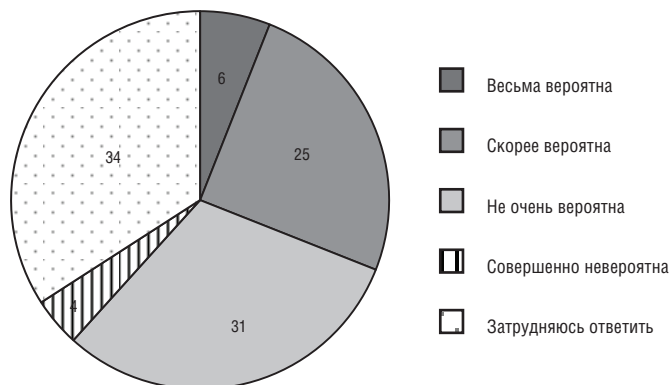
График 11

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЮТ У ВАС ПРИЗЫВЫ РУКОВОДСТВА СЕВЕРНОЙ КОРЕИ ГОТОВИТЬСЯ К ПОБЕДОНОСНЫМ ВОЙНАМ И УГРОЗЫ ПРИМЕНИТЬ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ ПРОТИВ ЮЖНОЙ КОРЕИ И США?

График 12

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАСКОЛЬКО СЕЙЧАС ВЕРОЯТНА ВОЙНА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ МЕЖДУ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ?

боятся войны. В ходе всероссийского опроса Левада-Центра 23-27 мая на вопрос «Бойтесь ли Вы, и в какой мере, мировой войны?» вариант «Испытываю постоянный страх» прозвучал в 27% ответов в среднем по России и в 34% — в группе с низким потребительским статусом.

Россияне в своем абсолютном большинстве (81%) дистанцируются от обеих сторон корейского конфликта. Южной Корее сочувствуют 7%, Северной — всего 1%. В группах различия вновь не существенны, за исключением группы с низким потребительским статусом, где 54% считают, что Россия не должна вмешиваться (против 33% в среднем по стране). Такое распределение массовых мнений характерно для всех опросов, где затрагивается проблематика участия России в международных делах, особенно в ситуациях, в которых высока вероятность международных конфликтов. Общественное мнение в России, с трудом избавляющееся от комплексов имперского или великодержавного прошлого, давно склоняется к изоляционизму, предпочитает политику невмешательства и явно неодобрительно относится к перспективе вовлечения России в те или иные споры, грозящие перерасти в военные столкновения. Это относится к арабско-израильскому конфликту, проблеме сирийской гражданской войны и прочим силовым коллизиям на Ближнем Востоке или в Северной Африке.

Этнонациональные стереотипы восприятия россиянами жителей других стран. Распределение мнений и ответов на вопрос о качествах корейцев, китайцев и японцев подтверждает вывод об отсутствии выраженного отношения у россиян к жителям Восточной Азии. Как прави-

ло, подобные вопросы позволяют выявить более глубокие латентные установки и предрассудки, иногда скрывающиеся респондентами под влиянием норм приличия или политкорректности. Это дает возможность оценить не только интенсивность симпатий и антипатий, но и степень или потенциал неявной ксенофобии, что бывает крайне важным в некоторых ситуациях.

В настоящем исследовании анализ комплексов этнических характеристик позволяет делать вывод о низком уровне этнической нетерпимости россиян или отсутствии фобий и неприязни по отношению к корейцам. Респонденты склонны чаще упоминать характеристики, имеющие положительную коннотацию, и реже — отрицательную. Для большей наглядности все этнические определения и характеристики сгруппированы в три блока, описывающих дихотомии: 1) «модерные — традиционные»; 2) «сильные — слабые»; 3) «свои — чужие» (табл. 1). Чаще всего при ответе на вопрос о качествах корейцев россияне использовали характеристики, описывающие современное поведение (трудолюбивые, энергичные, рациональные), в то время как остальные характеристики упоминались не более чем третью опрошенных. Такие оценки свидетельствуют о том, что Корея воспринимается нашими соотечественниками как активно развивающийся регион. Впрочем, стоит отметить, что перечисленные качества несколько чаще встречаются в оценках китайцев и японцев, и реже — в оценках корейцев из Северной Кореи. Одновременно с этим часто южных корейцев характеризовали как «религиозных» и «почтительных со старшими», описывая их поведение как традиционное. В этом случае оценки, данные жите-

График 13

КАКУЮ ПОЗИЦИЮ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СЛЕДУЕТ ЗАНЯТЬ РУКОВОДСТВУ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ НЫНЕШНЕГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ?

лям четырех стран, незначительно отличались друг от друга.

В дихотомии «сильные – слабые» в ряду «сильных» характеристик выделяется только «чувство собственного достоинства» (23%) у японцев. Частота остальных колеблется около 10% в пределах статистической погрешности. «Слабые» черты (терпеливые, униженные, забитые, миролюбивые) присваивались корейцам, японцам и китайцам сравнительно чаще и при этом больше различались между этими народами. Так жители Южной Кореи кажутся россиянам менее терпеливыми по сравнению с китайцами, но более миролюбивыми, чем корейцы из Северной Кореи. Стоит отметить, что население КНДР россияне склонны считать более забитым и униженным, чем жителей трех других стран.

Оценки корейцев, китайцев и японцев как «своих» и «чужих» выражены незначительно.

Таблица 1

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ КАЧЕСТВ НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ ..?

	корейцев из Южной Кореи	корейцев из Северной Кореи	китайцев	японцев
трудолюбивые	48	44	59	52
энергичные	35	29	38	41
рациональные	24	19	22	32
культурные, воспитанные	17	13	14	31
ленивые	3	4	3	2
безответственные	2	3	3	2
непрактичные	3	4	3	2
религиозные	19	19	19	23
почтительные со старшими	24	23	26	31
свободолюбивые, независимые	13	10	9	12
с чувством собственного достоинства	14	11	11	23
заносчивые	5	7	6	6
жестokie	6	10	7	9
властолюбивые	6	8	5	8
навязывающие свои обычаи другим	4	5	5	5
терпеливые	22	25	29	24
забитые, униженные	4	10	4	2
миролюбивые	16	10	13	14
гостеприимные	16	12	17	20
открытые, простые	13	12	11	10
надежные, верные	6	8	7	9
готовые прийти на помощь	7	6	6	6
завистливые	4	5	5	3
скрытные	14	20	18	16
лицемерные, хитрые	8	10	17	8
эгоисты	4	4	3	4
скупые	4	4	5	3

Однако здесь можно заметить относительно низкие показатели по характеристикам с положительной коннотацией «надежные, верные» и «готовые прийти на помощь», и наоборот относительно высокие – с отрицательной коннотацией («скрытные», «лицемерные, хитрые»). Это свидетельствует о том, что для россиян и корейцы, и китайцы, и японцы скорее чужие (корейцы из РК и японцы – чуть в меньшей степени).

В целом можно сказать, что, неявно сравнивая себя с гражданами Южной Кореи, россияне высоко ценят их человеческие качества, определившие успех модернизации этой страны (отчасти перенося их и на жителей Северной Кореи). В этом плане наши соотечественники ставят корейцев выше самих себя, но вместе с тем относятся к ним достаточно отчужденно.

Это означает, что оценка их успехов не задевает болезненных точек собственной идентичности (неудачи российской модернизации)

и не воспринимается как угроза для России (что является обычной реакцией в отношении ближайших соседей России или развитых европейских стран).

Чтобы попарно сравнить отношение россиян к Южной Корее и другим странам, респондентам задавались проективные вопросы о том, за какую бы команду они стали болеть в футбольном матче между национальными сборными. Необходимо отметить, что полученные результаты нельзя однозначно интерпретировать как ответ на вопрос, хуже или лучше относятся опрошенные к конкретной стране по сравнению с Кореей. Во-первых, большинство опрошенных не смогли определиться с выбором, так как значительная часть россиян вообще не интересуется футболом, что, однако, не означает отсутствия отношения к разным странам. Во-вторых, разбирающиеся в футболе респонденты могли отвечать, исходя из собственных предпочтений в игре, не связанных с восприятием тех стран, которые эти сборные представляют.

Болеть за другую (не Южную Корею) страну опрошенные предпочли в половине матчей. И если в случае Германии и Англии такой выбор скорее всего обусловлен всё же классом и популярностью национальных сборных этих стран, то предпочтение Казахстана и Японии, вероятно, говорит о том, что россияне относятся к этим странам лучше, чем к Корее (предпо-

ложение Казахстана как соседа и бывшей союзной республики закономерно). Решение болеть за команду Южной Кореи в матчах с командами КНДР, Китая и Турции указывает скорее на лучшее отношение к первой, а вот в противостоянии с США это скорее не столько решение болеть за Корею, сколько решение болеть против Штатов.

Сотрудничество с Кореей. Вопрос о том, следует ли развивать сотрудничество с Южной Кореей, оказался не вполне показателен. Утвердительно на него ответило большинство опрошенных, причем 73% поддержало идею взаимодействия в решении вопросов безопасности, 80% высказались за сотрудничество в экономической сфере, 74% – в сфере культуры и 65% – в освоении природных ресурсов. Такое распределение ответов указывает на открытость россиян к сотрудничеству с корейцами, наличие доверия и отсутствие страха или подозрительности, но не свидетельствует о том, что наши соотечественники много знают об успехах Кореи в этих областях и желают обменяться опытом с зарубежными партнерами. Скорее, такие ответы укладываются в логику «за все хорошее против всего плохого»: сотрудничество с другими странами – это хорошо, его стоит развивать. Сравнительно высокая готовность россиян к развитию экономического сотрудниче-

График 14

ЕСЛИ СОСТОИТСЯ МАТЧ ПО ФУТБОЛУ МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМИ СБОРНЫМИ ... И ЮЖНОЙ КОРЕИ, ЗА КОМАНДУ КАКОЙ СТРАНЫ ВЫ БУДЕТЕ БОЛЕТЬ?

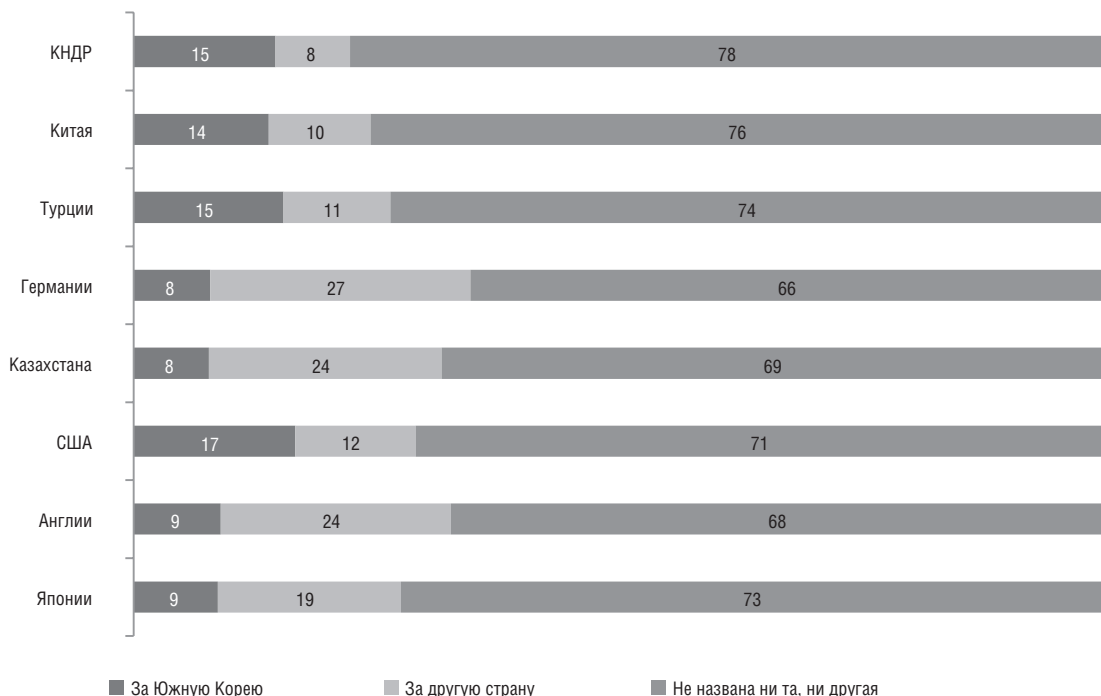
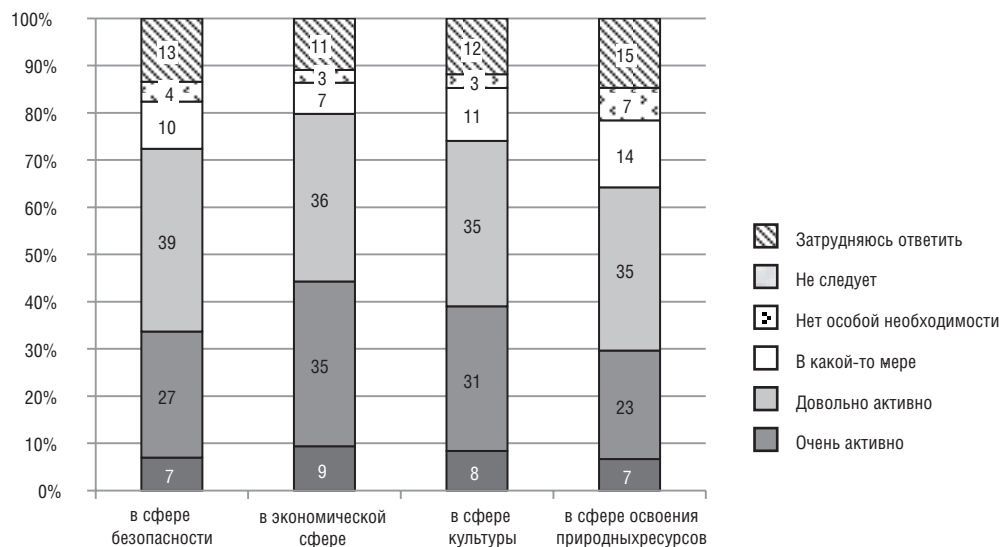

График 15

СЛЕДУЕТ ЛИ РАЗВИВАТЬ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ В УКАЗАННЫХ СФЕРАХ, И ЕСЛИ ДА, ТО В КАКОЙ МЕРЕ?

ства с корейцами может объясняться имиджем Кореи как экономически развитой, высокотехнологичной страны, а слабое желание сотрудничать в сфере освоения природных ресурсов – представлением респондентов о России как более богатой природными ресурсами и не нуждающейся в помощи в их освоении.

Заключение. В целом, россияне относятся к Корее хорошо, однако такое отношение опирается не столько на позитивный опыт взаимодействия России и Кореи, сколько на отсутствие негативного. Скорее, это отношение можно назвать нейтральным с отсутствием негативных ожиданий. К Японии и Китаю относятся

несколько лучше, потому что больше знают об этих странах. Отсутствие массовой информированности россиян о Корее и корейцах – опорная точка для понимания значительной части полученных в этом исследовании данных: ответы респондентов описывают не столько четко сформулированное отношение опрошенных к этой стране и ее жителям, сколько их во многом стереотипные представления. Это проявляется, например, в вопросе о качествах народа. Отсутствие знаний о предмете также склоняет респондентов воздерживаться от крайних формулировок в оценках. Можно сделать вывод, что общественному мнению россиян о Корее еще только предстоит сформироваться.

Ольга КАРАЕВА

«Между даром и товаром»: проблематика развития донорства органов в общественном мнении россиян

Введение. Значительный прорыв в медицинской науке, произошедший в последние десятилетия, открыл уникальные возможности для человечества по преодолению некогда неизлечимых заболеваний. Нарастающий прогресс заставил общество задуматься об ограничениях, налагаемых на внедрение медицинских технологий в широкое использование. С общественным сопротивлением столкнулись клонирование, развитие генной инженерии и биотехнологий. Одним из таких достижений науки является трансплантология, позволяющая осуществлять пересадку жизненно важных человеческих органов. Рассмотрению проблематики, связанной с развитием донорства и пересадки органов в дискурсе социальных наук и общественного мнения россиян и будет посвящена данная статья¹.

Постановка проблемы. Трансплантология за последние 50 лет смогла пройти путь от «демонстрации хирургического чуда» до проведения плановых операций по спасению жизни сотней тысяч больных. Потенциально широкие возможности этой области медицины быстро достигли предела из-за ограниченного числа доступных органов для выполнения пересадок.

¹ Материал основан на результатах проекта Левада-Центра «Донорство органов: проблемы и перспективы развития в России», 2013. При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Институтом общественного проектирования по итогам VI Конкурса «Проблемы развития современного российского общества», проведенного в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 03 мая 2012 года № 216–рп.

Так, по статистике американского реестра по донорству и трансплантации (OPTN) каждые 10 минут лист ожидания пополняется новым пациентом, и ежедневно умирает 18 человек, не дождавшихся органа для пересадки². Пока ни одной стране мира не удалось выйти на «нулевой» лист ожидания, полностью удовлетворив потребность в пересадке органов.

Несоответствие имеющегося спроса на данный вид медицинской помощи и количества доступных донорских органов поставило перед обществом вопрос о необходимости выработки социальных механизмов получения донорских органов и увеличения донорской активности среди населения.

Повторимся: главным препятствием развития трансплантологии является нехватка органов. С точки зрения экономистов, которые по роду своей деятельности постоянно имеют дело с дефицитными ресурсами, оптимальным решением этой проблемы должно стать введение свободной купли-продажи человеческих органов. Нобелевский лауреат Герри Беккер даже предложил модель расчета равновесной цены, по которой рыночная цена почки составила 15 000\$, печени — 32 000\$³.

Введение рыночной логики в сферу донорства органов вызвало волну критики не только

² Organ Procurement and Transplantation Network, URL: <http://optn.transplant.hrsa.gov/>

³ Becker G., Elias J. Introducing Incentives in the Market for Live and Cadaveric Organ Donations/ International Symposium on Living Donor Organ Transplantation in Essen, Germany, June 6, 2002.

со стороны специалистов по биоэтике и социологов, но и широкой общественности. В результате проблемы развития донорства и пересадки органов из сугубо медицинских перешли в разряд морально-этических и правовых.

Проблематика маркетизации донорства органов сопряжена с коммодификацией человеческой жизни, то есть наделением ее некими характеристиками товара. Однако в обществе всегда существовали сакральные ценности, которые были исключены из денежных отношений.

Противопоставление сакральных социальных благ миру «экономического расчета» американским социологом и экономистом Вивианой Зелизер¹ было определено понятием «враждебные миры». Примером такого «блокирующего обмена»² выступали те ценности и блага, которые невозможно напрямую выставить на полку магазина и осуществить продажу — человеческая свобода, справедливость, брак, любовь, право голоса, гражданство и другие.

Привлечение рыночной логики в сферы, не предназначенные для торговли или продажи, несет в себе опасность обесценивания их социальной и культурной значимости. К таким ценностям относят многие социальные отношения, например, дружба, любовь и др. Попытка приобрести дружбу за деньги свидетельствует о том, что покупатель (равно как и продавец) не имеет реального представления о том, что значит дружба³. Прикрепление рыночных ценников к такого рода благам неприемлемо, поскольку не имеет денежных эквивалентов их стоимости как таковых.

Данная проблематика затрагивалась и в ставшей классической работе немецкого философа и социолога Георга Зиммеля «Философия денег»⁴. Автором подчеркивалась роль денег как универсальной меры обмениваемых благ современного общества. Вместе с тем, идея применения денежного подхода к оценке человеческой жизни не находила поддержки автора.

Экономисты, рассуждая о рынке и его функционировании в отношении благ, которые не имеют своего прямого эквивалента в де-

нежной стоимости, не учитывают моральных аспектов жизни общества, в то время как социологи предпринимают попытки сохранить ценность подобных благ в условиях экономизации социального.

Социологи опасаются, что распространение рыночных принципов в сфере неотчуждаемых человеческих благ может привести к нарушению социального порядка. Беспокойство ученых связано с превращением человека в товар, при котором становится возможной эксплуатация тела человека⁵. Введение денежных механизмов может приводить к тому, что обладание капиталом будет ставить в подчиненное положение тех, у кого меньший запас ресурсов. В результате торговля органами человека может привести к тому, что «тело нищих» обретает большую ценность в случае их смерти. Иными словами, ценность жизни малообеспеченных слоев становится ниже, чем ценность их органов, которые могут быть использованы для продления жизни богатых и привилегированных.

Аргументом в пользу опасений относительно обесценивания человеческой жизни послужило исследование британского социолога Ричарда Титмуса⁶. При сопоставлении британской модели безвозмездного донорства крови и американской модели, предполагающей выплату денежного вознаграждения, автор сделал вывод о негативном влиянии рыночных механизмов на альтруистические системы донорства крови. Выплата денежного вознаграждения привела к росту донорской активности со стороны малообеспеченных слоев населения, обладающих плохим здоровьем, в результате чего их кровь отбраковывалась. Система донорства, основанная на обращении добровольцев, в итоге давала больший процент пригодной крови и, соответственно, оказывалась более эффективной. Кровь, полученная от добровольных доноров, обладала более высокими показателями качества, так как ее сдавали те, кто не нуждается в денежном вознаграждении (то есть люди более высокого материального положения, а значит, с большей вероятностью обладающие лучшим здоровьем). В результате количественный показатель добровольной системы сдачи крови оказывался также выше, чем у платной системы. Этот тезис стал отправной точкой в кри-

¹ Zelizer V. The Purchase of Intimacy. *Law and Social Inquiry*. 2000, 25 (3), pp. 817–848.

² *Waltzer M. Spheres of Justice*, 1983, привод. по: *Healy K. Last Best Gifts: Altruism and the Market for Human Blood and Organs*. The University of Chicago Press, London and Chicago, 2006.

³ *Healy K. Last Best Gifts: Altruism and the Market for Human Blood and Organs*. The University of Chicago Press, London and Chicago, 2006

⁴ *Зиммель Г. Философия денег // Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ. под ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 1999.*

⁵ *Castro De L.D. Commodification and Exploitation: Arguments in Favour of Compensated Organ Donation // Journal of Medical Ethics*, Vol. 29, No. 3 (Jun., 2003), pp. 142–146.

⁶ *Titmuss R. The Gift Relationship. From Human Blood to Social Policy*. London: London School of Economics Books, 1970.

тическом настрое к введению коммерческих принципов в донорскую практику.

Ричард Титмус пришел к выводу о том, что кровь как составная часть человеческого тела — это социальный факт, который в современном обществе имеет символическое, экономическое и политическое значение. Кроме того, кровь поддерживает не только личное здоровье граждан, но и здоровье остальных членов общества (public health)¹.

По мнению Титмуса, кровь (как и донорские органы) должна быть исключительно альтруистическим даром, передаваемым незнакомому человеку без ожидания получения чего-либо взамен. Эта идея, взятая у Эмиля Дюркгейма, основана на представлении об органической солидарности общества, проявляющейся в обмене символическими подарками. Согласно Р. Титмусу, идея установления рынка в тех областях, где обмен является социально укорененным в альтруистических ценностях, приводит к «истощению» и разрушению этих ценностей и должна быть запрещена там, где действует «право на дар» (right to give)².

Исключенность из рыночного обмена жизненно важных благ, касающихся тела и донорских органов, перемещает логику функционирования трансплантологии в русло сугубо альтруистических систем, основанных на добровольном пожертвовании, то есть рассмотрении практики отдачи органа в качестве безвозмездного дара.

Согласно классическим работам Марселя Мосса, логика дарообмена является культурно укорененной в моральных и религиозных нормах³. Дарообмен не является случайным или односторонним, он порождается установлением социальных связей и существует в рамках двух комплементарных обязательств — обязанности совершать дар и обязанности отвечать дарителю встречным даром. Социологи и антропологи отмечают первоочередное значение символического смысла дарообмена и его реципрокности — сам дарообмен подпитывается социально нагруженными смыслами, опирающегося на принципы социального порядка, при котором денежные отношения и обмен

являются порядками двух разных миров. Ценность подарка отображает в себе значимость социальных соотношений (weight of social relationship)⁴. Через дар устанавливается идентификация той социальной роли дарителя и получателя, которые они претендуют играть в обществе — отца и сына или начальника и подчиненного и пр. Соблюдение баланса между ценностью полученного дара и ответного дара дарителю обеспечивается за счет занимаемых социальных позиций, риск от потери которых выше, чем обвинения в излишней роскоши или дешевизны подарка. Иными словами, подарок больше или меньше по ценности по сравнению с полученным даром ставит под угрозу устойчивость социальных связей.

Таким образом, взаимозависимость, порождаемая обязательствами между участниками дарообмена, могла бы стать одним из механизмов альтруистического обмена органами между донорами и реципиентами, обеспечив с одной стороны, социальное равенство и справедливость в получении органа, и с другой, сохранила бы значимость и ценность таких жизненно важных благ как человеческое тело.

От критики к аналитике: переосмысление роли культуры и социальных институтов. Неспособность действующих донорских систем, основанных на альтруизме, удовлетворить проблему дефицита спроса на человеческие органы, перенаправили вектор экономосоциологов на изучение тех условий, которые позволяют снизить социальную напряженность при введении элементов рыночного взаимодействия в сферу жизненно важных благ⁵.

Как показали исследования самих социологов, в сфере социально значимых благ существуют примеры успешного преодоления «враждебности миров». Рассмотрение Вивианой Зелизер рынка страхования жизни подтверждает тезис о том, что изначальное сопротивление коммерческим операциям в отношении жизни человека было нивелировано путем разрушения человеческих предрассудков в отношении коммерциализации смерти и формирования иного представления об этом феномене.

Задавшись целью определить, почему один из наиболее перспективных рынков страхова-

¹ Steiner P. Gifts of Blood and Organs: The Market and "Fictitious" Commodities // *Revue française de sociologie*, Vol. 44, Supplement: An Annual English Selection (2003), p. 148.

² Titmuss R. The Gift Relationship. From Human Blood to Social Policy, 1970, цит. по: Steiner P. Gifts of Blood and Organs: The Market and "Fictitious" Commodities // *Revue française de sociologie*, Vol. 44, Supplement: An Annual English Selection (2003), p. 149

³ Mauss M. The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies // Norton Library, 1967, p. 9.

⁴ Sherry F. J. Gift Giving in Anthropological Perspective // *Journal of Consumer Research*, Vol. 10, No. 2 (Sep., 1983), p. 158.

⁵ Бердышева Е.С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // *Экономическая социология (электронный журнал)*, 2012, Т.13 (1).

ния оказался провальным в США в XIX веке, а спустя несколько десятилетий получил там весьма широкое распространение, Вивиана Зеллизер показала, что изначальное непринятие идеи «сделки со смертью» было преодолено за счет создания культурных смыслов и перепозиционирования страхования как способа перевести «пустое горе и слезы» в статус социального бессмертия — «страхование жизни обрело символическую ценность, совершенно отличную от его утилитарной функции, и стало новой формой ритуала, сопровождающего смерть и устанавливающего правила обращения оставшейся родни с умершим¹».

Значимую роль при введении и той, и другой системы принадлежит именно культурной и институциональной составляющей.

Добиться эффективности донорской системы при наложении ограничений на свободный рыночный обмен органами человека в условиях альтруистических систем также представляется возможным. Акцент на изучении организационных структур в функционировании системы донорства органов был сделан американским социологом К.Хили². Он подчеркнул важность культурной и институциональной составляющей, поскольку даже при существовании одинаково устроенных систем донорства уровень активности доноров в разных странах может различаться более чем в 5 раз. Одного альтруизма недостаточно для того, чтобы получить эффективно функционирующую систему поставки органов. Для того чтобы человек смог стать донором органов необходимо создание определенных институциональных условий.

Развивая идею Карла Поланьи, Киран Хили рассматривает проявление альтруизма как институционализованный процесс, при анализе которого необходимо сфокусироваться на культурных и институциональных механизмах, формирующих мотивацию индивида к безвозмездному донорству и создающих возможности для ее реализации³.

Именно организации и институты делают возможным для доноров пожертвование их органов и обеспечивают моральную поддержку этой системы путем постоянного генерирования смыслов, создающих значимость произво-

димого дарения. Это влечет за собой огромную логистическую и культурную работу⁴.

Для развития подобной организационной сети необходимо культивирование соответствующих институтов, создающих условия для стимулирования донорства. Поскольку для того чтобы вещь стала даром или товаром, необходимо ее маркировать в терминах культуры как вещь определенного рода⁵, определение того, что будет в этом отношении более приемлемым — товаризация этой сферы или развитие альтруистического донорства — во многом лежит в области культурных представлений.

Таким образом, в отношении денежной компенсации за человеческие органы современному обществу необходимо провести границу культурной допустимости, четко определив области мира вещей и мира человека.

Мировые модели донорства органов. В мире существуют различные модели построения донорских систем. Они разделяются между собой по двум признакам: характеру донорства (вознаграждаемому или альтруистическому) и способу получения разрешения на донорство органов. Модель коммерческого донорства принята только в Иране. Здесь любой желающий за вознаграждение в \$1200 может стать донором почки, что позволяет достичь практически нулевых листов ожидания по почечной пересадке. Во всех остальных странах действует безвозмездная форма участия в донорстве органов.

Среди альтруистических моделей донорства выделяют «презумпцию согласия», «презумпцию испрошенного согласия» и «презумпцию несогласия». Различия этих систем сводятся к тому, что в первом принципе предполагается априорное согласие всех на посмертное донорство и только наличие выраженного при жизни отказа может служить основанием для невыполнения забора органов. Во втором случае дополнительно спрашивается разрешение родственников. В третьем — стоит обратный первому критерий: априорное несогласие всех на использование их органов после смерти, и только наличие выраженного согласия позволяет производить изъятие органов.

¹ Зеллизер В. Человеческие ценности и рынок: страхование и смерть в Америке XIX века // Экономическая социология (электронный журнал), 2010, Т.11(2), С.57.

² Healy K. Last Best Gifts: Altruism and the Market for Human Blood and Organs. The University of Chicago Press, London and Chicago, 2006, p.48

³ Там же, p. 21.

⁴ Перевод по Healy K. Last Best Gifts: Altruism and the Market for Human Blood and Organs. The University of Chicago Press, London and Chicago, 2006, p.113: "To reiterate: organizations produce donations by providing opportunities to give and sustain them by generating accounts of what giving means. Doing so entails a great deal of logistical and cultural work".

⁵ Кольгофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей. Сбор. статей под ред. В. Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006. с.134.

Каждая донорская модель позволяет достичь различных результатов по количеству доноров органов. Проблема дефицита органов для пересадки на сегодняшний день крайне остро стоит практически во всех странах мира, однако их соотношение с численностью населения значительно варьируется от страны к стране.

Так, лидером по количеству донорских пересадок органов на миллион жителей является Испания (86,4). В целом по Европе этот показатель составляет 39,3 – в разы больше, чем в России (9,0)¹.

В российской правовой практике регулирование данной области медицины началось относительно недавно. В настоящее время в РФ при разработке федерального закона «Об охране здоровья» (2012)² была взята за основу модель «презюмции согласия», то есть априорного донорства, допускающего лишь отказ родственников на использование органов (если при жизни человек не выразил своего решения). Сами механизмы выражения волеизъявления созданы не были. В результате закон представляет достаточно широкие рамки для использования органов после смерти пациентов. Тем не менее, показатели по количеству доноров в России остаются в 3-4 раза ниже даже по сравнению со странами, где система донорства основана на более жестких критериях забора органов, и в настоящее время удовлетворяется только 10% имеющейся потребности³.

Развитие донорства органов становится заложником общественного мнения о перспективах моральной допустимости рыночных или альтруистических принципов выстраивания донорской системы. В этом отношении успешность формирования донорской практики зависит от определения социокультурных представлений, сложившихся в отношении донорства и пересадки органов.

Каково отношение россиян к проблемам донорства человеческих органов? Ответить на этот вопрос нам помогут результаты массового опроса, проведенного Левада-центром весной 2013 года (опрошен 1601 человек).

Проблематика донорства органов в общественном мнении россиян. Тематика донорства и пересадки органов является достаточно слож-

ной и плохо известной большинству россиян. Стоит отметить необычайно высокую долю респондентов, затруднившихся ответить на вопросы этого блока анкеты. Если в среднем на общеполитические вопросы отвечало 60% респондентов, то на вопросы рассматриваемой нами темы – лишь 15%.

В ответах на вопросы о донорстве органов также отсутствует какая-либо дифференциация – различий между основными социально-демографическими группами по большинству вопросов этой темы не наблюдается.

Подобные результаты позволяют делать вывод не столько о единстве общественного мнения по вопросам донорства, сколько, напротив, о недостаточно рефлексивной позиции по этим вопросам.

Если же переходить непосредственно к рассмотрению степени информированности и представлениям россиян о донорстве органов, то стоит отметить, что значительная доля опрошенных (69%) считает эту проблему важной.

Граждане нашей страны не испытывают иллюзий относительно уровня развитости донорства – половина опрошенных относит Россию к отстающим странам (47%), четверть считает, что Россия находится на уровне большинства развитых стран и только 4% думает, что она входит в число лидеров в этой области.

Представление о дефиците донорских органов также во многом соответствует действительности – около 70% говорят об их нехватке для всех нуждающихся и только 10% считают, что особых проблем с поставкой органов нет.

Вопросы, связанные с моделями донорства, выявили противоречия в суждениях россиян относительно общих установок и личного участия в донорстве. Каждый четвертый россиянин считает, что «завещание» своих органов после смерти – это долг каждого человека. Сторонников противоположной позиции вдвое больше – с обязанностью «завещать» свои органы после смерти не согласны более половины россиян (51%). Вместе с тем, столько же опрошенных считает, что донорство органов – это вовсе не противоестественный процесс. И только треть придерживается позиции, что все должны жить столько, сколько отпущено, и не прибегать к продлению жизни путем пересадки (31%) (табл. 1).

Итак, мнения опрошенных неоднозначны. С одной стороны, осознания такой обязанности как завещание своих органов после смерти у большинства россиян нет. С другой стороны, особых противоречий в самом способе такого

¹ Расчеты по 28 странам Европы по International Figures On Donation And Transplantation – 2011 // Newsletter, Vol.17(1), September 2012.

² ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" - N 323, URL: <http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html>.

³ Интервью с Готье С.В. //Российское агентство медико-социальной информации, от 31.07.2013. URL:<http://ria-ami.ru/news/108753>.

Таблица 1.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ СУЖДЕНИЯМИ...» (%)

	Определенно согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Определенно не согласен	Затруднились ответить
A. Согласие на завещание своих органов после смерти – это долг каждого человека	6	20	32	19	13
B. Донорство органов - это противоестественный процесс: все должны жить столько, сколько отпущено	12	19	35	16	18
C. Пересадка почки от здорового человека, хотя и спасает жизнь больному, но при этом наносит непоправимый вред здоровью донора	27	45	12	3	12
D. Люди, которым пересадили орган, не могут жить полноценной жизнью	13	35	30	6	16

лечения, как минимум половина жителей нашей страны, в этом не видит. Что же отдаляет наших соотечественников от личного участия в подобных дарах?

Более глубокий анализ сложившихся в обществе представлений о донорстве органов свидетельствует о весьма поверхностных и настороженных взглядах на эту проблему. Большинство опрошенных убеждено, что донорство при жизни (почки или печени) наносит невосполнимый ущерб здоровью донора (72%), а люди с пересаженными органами не могут жить полноценной жизнью, с этим суждением согласна почти половина россиян (48%).

Опрошенные высказали опасения относительно возможных злоупотреблений при пересадке органов в России. Четверть соотечественников считает, что «черная» торговля органами распространена довольно широко; каждый второй думает, что незаконная торговля все же имеется, и только 4% отрицают ее наличие в России.

Эти предубеждения являются достаточно устойчивыми среди всех социально-демографических групп. Вне зависимости от возраста, уровня образования, материального положения одинакова доля людей, рассматривающих донора и реципиента как будущих инвалидов, равно как и доля тех, кто верит в распространенность нелегальной торговли органами в нашей стране.

Значительную роль в формировании такого представления о деятельности трансплантологов играют средства массовых коммуникаций. Результаты проведенного опроса свидетельствуют о преобладании негативной информа-

ции по теме донорства и пересадки органов, транслируемой в СМИ. Доля респондентов, сталкивающихся с преимущественно позитивной информацией (о новых достижениях в этой области медицины), оказалась втрое меньше, чем тех, кто знаком с негативными материалами (например, о незаконных действиях) – 9 против 27 процентов.

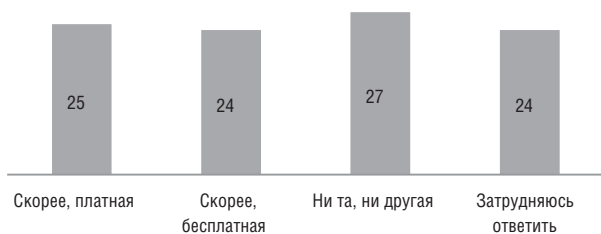
Превращение человеческого тела в товар: установки россиян в отношении платных форм донорства органов. Культурные установки россиян в пользу или против коммодификации донорства органов могут служить косвенным показателем сложившихся морально-этических представлений относительно проникновения денежных элементов в сферу жизненно важных благ и степени сакрализации тела человека в нашем обществе.

Итак, что ближе россиянам в вопросах донорства своих органов: альтруизм или деньги?

«Органы как товар». В России в настоящее время законодательно закреплена альтруистическая модель донорства, запрещающая какие-либо коммерческие отношения или принуждение к донорству. При этом ни одна из систем – ни платного, ни безвозмездного донорства – не находит однозначной поддержки населения. Выбор россиян распределился на четыре равные части – сторонников коммерческой, альтруистической системы, несогласных ни с той, ни с другой моделью и затруднившихся с ответом (рис. 1). Различия в предпочтениях среди выделенных групп с разным уровнем материального положения не проявились.

Рисунок 1

КАКАЯ СИСТЕМА ДОНОРСТВА ДОЛЖНА БЫТЬ ВВЕДЕНА В РОССИИ - ПРЕДПОЛАГАЮЩАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПЛАТНОГО ДОНОРСТВА ИЛИ РАЗРЕШАЮЩАЯ ТОЛЬКО БЕСПЛАТНУЮ ПЕРЕДАЧУ ОРГАНА?

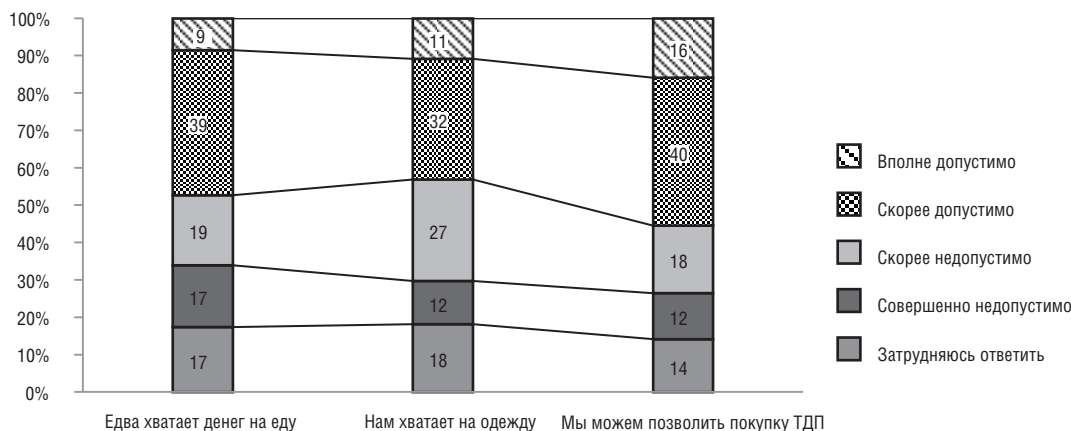

По российскому законодательству пересадка органа от живого донора возможна только на добровольной безвозмездной основе и только среди генетических родственников. Данное ограничение позволяет сократить круг возможных злоупотреблений по использованию органов живых доноров.

Вместе с тем, россияне стали благосклоннее относиться к допустимости коммерческих оснований в условиях действующей альтруистической модели. «За» возможность денежных выплат для неродственных доноров в рамках прижизненного донорства выступает почти половина населения (48%), тогда как тех, кто считает такие практики недопустимыми, оказалось чуть более трети (36%) (рис. 2). Более обеспеченная группа с большим энтузиазмом одобряет такие возможности (56%), однако и среди группы с низким потребительским статусом доля согласных с коммерческой системой достигает практически половины. Иными словами, вопрос денежного обеспечения семьи не является определяющим фактором, при котором россияне разделяют категорическую позицию за или против возможности платного прижизненного донорства.

Рисунок 2

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОПУСТИМО ЛИ ПРИЖИЗНЕННОЕ ДОНОРСТВО ОРГАНОВ ВНЕ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА КОММЕРЧЕСКОЙ ОСНОВЕ, ЗА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ?

На фоне низкого социального сопротивления коммерциализации этой сферы возможность своего личного участия в платном донорстве органов не исключает каждый пятый россиянин (табл. 2). Описать сторонников такого рыночно-ориентированного типа поведения значимо отличными детерминантами от остальных групп не удастся — ни возрастных, ни гендерных, ни материальных, ни различий по уровню образования в детерминантах нет.

Особую настороженность вызывает готовность россиян на соответствующую покупку органа — более половины (56%) были бы готовы приобрести орган в случае необходимости. Более решительно в этом отношении выступают группы с высоким доходом — 64% против 37% из наименее обеспеченной группы (табл.3). В таком соотношении косвенно проявляется скрытая эксплуатация бедных слоев населения богатыми, о котором предупреждают представители экономсоциологической школы.

Перспективы формирования такого гипотетического рынка органов сопряжены с нарушением социального порядка в обществе, обусловленным неравенством доступа к данному виду помощи с одной стороны, и с другой, фактическим принуждением бедных «продавать» свои органы более богатым, поскольку спрос всегда будет порождать предложение. Стоит заметить, что доля желающих купить орган при такой необходимости втрое превышает долю готовых свой орган продать. В этом отношении существует риск развития коррупционных практик и теневого рынка органов с более привлекательными условиями покупки/продажи органов.

Анализ совокупности мнений россиян о донорстве органов как товаре показал, что наше общество не имеет существенных предубежде-

Таблица 2

ЕСЛИ БЫ БЫЛА ВОЗМОЖНОСТЬ ЛЕГАЛЬНО ПРОДАТЬ/КУПИТЬ ОРГАН ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ОСТРОЙ ФИНАНСОВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ, ПРОДАЛИ СВОЙ ОРГАН, НАПРИМЕР, ПОЧКУ? (%)

	Едва хватает денег еду	Нам хватает на одежду	Мы можем позволить покупку ТДП
Определенно да	4	3	4
Скорее да	10	12	15
Скорее нет	32	28	28
Определенно нет	32	31	33
Отказ от ответа	8	9	6
Затрудняюсь ответить	14	17	14

Таблица 3

ЕСЛИ БЫ БЫЛА ВОЗМОЖНОСТЬ ЛЕГАЛЬНО ПРОДАТЬ/КУПИТЬ ОРГАН, ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ОСТРОЙ НЕОБХОДИМОСТИ В ПЕРЕСАДКЕ ОРГАНА ВАМ ИЛИ ВАШИМ БЛИЗКИМ КУПИЛИ БЫ ВЫ ОРГАН? (%)

	Едва хватает денег еду	Нам хватает на одежду	Мы можем позволить покупку ТДП
Определенно да	14	18	21
Скорее да	29	39	43
Скорее нет	16	13	9
Определенно нет	16	8	5
Отказ от ответа	6	6	6
Затрудняюсь ответить	19	16	16

ний против него и в целом поддерживает коммерческую основу донорства при относительно невысокой готовности самостоятельно принять в нем участие.

«Органы как дар». Большинство зарубежных донорских систем имеет в своей основе именно альтруистическое пожертвование органов для спасения людей (gift of the life). В российском контексте в отношении прижизненного донорства четко прослеживается зависимость готовности людей решиться на подобный поступок от степени кровной и эмоциональной близости с реципиентом. Так, подавляющее большинство россиян (79%) были бы готовы отдать свой орган, если бы это касалось спасения жизни своих детей (табл. 4). Для супруга пожертвовать свой орган смогли бы уже только 60% россиян. В отношении других

кровных родственников эта доля близка к 50%, а если это касается близкого друга, то только четверть готова была бы отдать свои органы. Вопрос о помощи близким друзьям вызвал наибольшее затруднение среди респондентов: каждый второй не смог определиться с выбором ответа. Готовность стать донором органов вне зависимости от кровных и эмоциональных связей для абсолютно незнакомых людей, нуждающихся в пересадке, мала, но, тем не менее, составляет почти 10% выборочной совокупности.

Стоит отметить, что позиции в отношении гипотетической донации органа для ребенка или супруга также гомогенны среди всех групп населения, хотя даже в отношении супруга, мужчины несколько чаще стали бы донорами для своих жен, нежели женщины – среди них 65% и 56% согласных, соответственно. Различия начинаются проявляться на примере всех

Таблица 4

ВЫ БЫ СОГЛАСИЛИСЬ СТАТЬ ДОНОРОМ ОРГАНА, ЕСЛИ ЭТО БЫЛО БЫ НУЖНО ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ...» (%)

	Скорее, да	Скорее, нет	Затрудняюсь ответить
Ваших детей	79	9	12
Супруга/супруги	60	21	18
Кровного родственника	52	26	23
Близкого друга	24	46	49
Незнакомому человека	8	64	28

остальных родственников и эмоциональных отношений, касающихся донорства для кровного родственника, близкого друга и незнакомого человека. Готовность стать родственным донором молодого поколения (18-24 лет) выше, чем среди групп старших возрастов (55+). Объяснить это можно, высказав два предположения. Во-первых, молодые люди менее серьезно относятся к своему здоровью и не понимают сложность последствий послеоперационного периода. Во-вторых, респонденты старших возрастных групп объективно оценивают состояние своего здоровья и могут выражать неготовность из соображений меньшей пригодности отдаваемых ими органов для спасения других.

Другим дифференцирующим признаком, как было выявлено и в европейских исследованиях, стало разное материальное положение – большее желание пожертвовать свой орган демонстрируют группы с высоким потребительским статусом, нежели те, кто едва сводит концы с концами. Склонность первых на 15% выше.

Ответ на вопрос о встречаемых ожиданиях респондента дает достаточно позитивную картину – почти половина россиян предполагают, что в случае необходимости их родственники или близкие люди станут для них донором органов. Высокая доля затруднившихся с ответом – каждый четвертый не смог дать содержательный ответ на этот и вопрос, и 22% считали, что надеяться на донорский орган от родственника они не смогут. В целом, те, кто выразил готовность быть донором даже при слабой эмоциональной или родственной близости с реципиентом, имеют больше ожиданий на получение органа от живого донора со стороны родственников.

Завещать свои органы после смерти (декларативно) согласились бы около 40% наших сограждан (43%). Однако если бы респондента попросили зафиксировать свое согласие на такое решение в официальном документе, то готовых стать посмертными донорами становится уже вдвое меньше – только 22% россиян (табл. 5). В целом, принять решение о регистрации своего волеизъявления, как это регламентирует российский закон, готов лишь каждый третий гражданин нашей страны (37%). При этом различий в ответах на этот вопрос у представителей разных социально-демографических групп (в том числе по материальному положению) нет.

15% опрошенных дали отрицательный ответ на вопрос об официальном согласии на

завещание своих органов. Среди основных причин такого отказа не оказалось ни одной приоритетной. Опасения того, что информация о сделанном решении будет использована в недобросовестных целях и поставит под угрозу жизнь опрошенных, сочетаются с наличием религиозных противоречий или просто не мотивированным отказом на становление донором органов (табл. 6). В связи с этим можно предположить, что в сознании самого населения нет рефлексии в отношении этого вопроса, и есть простое нежелание даже думать на эту тему.

Таблица 5

ЕСЛИ БЫ К ВАМ СЕЙЧАС ОБРАТИЛИСЬ С ПРОСЬБОЙ ОФИЦИАЛЬНО ВЫРАЗИТЬ СВОЕ СОГЛАСИЕ ИЛИ НЕСОГЛАСИЕ НА ЗАВЕЩАНИЕ СВОИХ ОРГАНОВ, ТО ВЫ БЫ БЫЛИ ЛИ ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ ТАКОЕ РЕШЕНИЕ? ЕСЛИ ДА, ТО ЧТО БЫ ВЫ ВЫБРАЛИ? (%)

Нет, не готов(а) принять такое решение	51
Да, готов(а) и выразил(а) бы согласие на завещание своих органов	22
Да, готов(а) и выразил(а) бы несогласие на завещание своих органов	15
Затрудняюсь ответить	13

Таблица 6

Почему Вы бы не дали согласие на использование Ваших органов для пересадки после смерти?» (%)

Это противоречит моим религиозным убеждениям	19
Я опасюсь, что врачи не будут пытаться спасти мне жизнь, если они будут знать, что я завещал свои органы	17
Я опасюсь, что информация о моем решении завещать органы будет использована недобросовестных целях и поставит под угрозу мою жизнь	23
Я мало что знаю о пересадке органов	11
Я в принципе не хочу быть донором органов	23
Другое	3
Затрудняюсь ответить	5

В отношении продажи или дарения своих органов для пересадки сложилась довольно странная ситуация – степень готовности у россиян в обоих случаях одинаковая и не превышает 15%. Иными словами, можно сказать, что среди населения установки относительно донорства до настоящего времени не сформированы. Россияне проявляют низкую даже декларативную готовность по отношению к жертвованию своих органов как безвозмездно, так и за денежные выплаты.

Сопоставительный анализ с данными по 27 европейским странам¹ по (декларируемой) готовности дать согласие на посмертное донорство свидетельствует о том, что в среднем по европейским странам чуть более половины населения не исключают для себя возможности завещать свои органы в случае смерти (55%). В России этот показатель ниже среднеевропейского уровня и составляет 46%, что почти в 1,5-2 раза ниже уровня таких стран как Швеция, Дания, Франция, Нидерланды (рис. 3).

В общем контексте европейских стран это относит Россию к одному из последних мест – менее благосклонное общественное мнение выразили жители только 6 государств – Болгарии (42%), Австрии (39%), Турции (42%), Румынии (31%), Македонии (26%) и Латвии (25%). Как показал дальнейший анализ, именно эти страны и характеризуются наименьшей фактической донорской активностью (в отношении посмертного донорства).

Примечателен тот факт, как было освящено ранее, что готовность россиян пожертвовать орган для своих близких оказывается гораздо выше. В данном отношении имеет место проявление низкого межличностного доверия наших граждан, круг которого ограничивается своим супругом и детьми и начинается сужаться уже даже в отношении других кровных родственников (как показали результаты опроса, изложенные выше). В результате лозунг «Органы Вам не отдам» для России пока остается в силе.

Заключение. Проблема развития донорства органов представляет собой одну из сложно разрешимых морально-этических проблем современной медицины. Являясь одним из самых

сложных видов медицинской помощи, требующих высокого уровня профессионального и материального обеспечения, эта область не может развиваться без поддержки общества и участия населения.

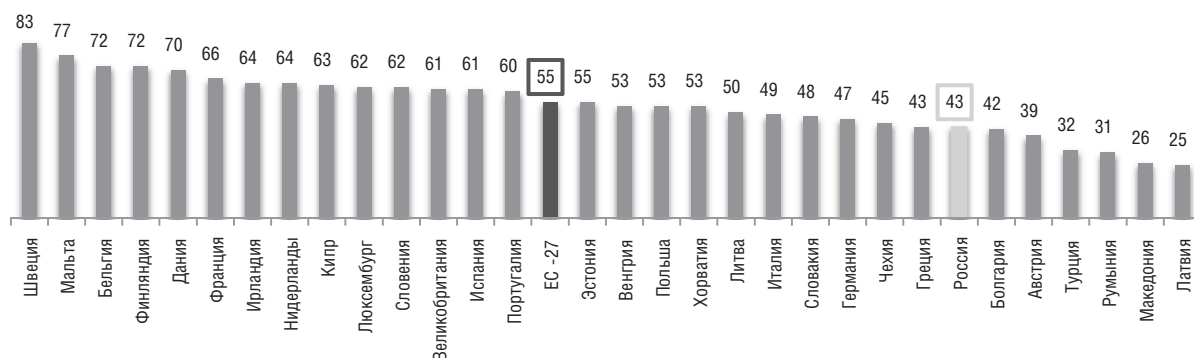
Два основополагающих принципа выстраивания донорских систем – рыночной и альтруистической – весьма уязвимы с точки зрения социологии. С одной стороны, это превращение тела человека в товар, а с другой – угрозы возникновения «черных рынков» торговли органами и длинных листов ожидания. Залог успешного функционирования той или иной донорской системы лежит в области социокультурных представлений общества, легитимизирующих развитие основ для формирования ритуала донорства.

Российская среда при крайне низкой эффективности действующей системы донорства характеризуется несформированностью культурных представлений о донорстве органов. Высокая доля затруднившихся с ответами респондентов свидетельствует об отсутствии достаточных знаний и размышлений россиян на эту тему. Недостаток же информации порождает наличие предубеждений относительно возможных злоупотреблений врачей и распространенности «черных рынков» органов, а также неверных представлений о последствиях пересадки органов как для донора, так и для реципиента.

Сложившиеся культурные представления россиян в настоящее время не создают позитивных прецедентов для развития донорства, основанного на солидарной системе «завещания органов». Благосклонное отношение россиян к рынку органов усугубляется низким уровнем солидарности в обществе.

Рисунок 3

«ВЫ БЫ СКОРЕЕ ДАЛИ ИЛИ НЕ ДАЛИ СОГЛАСИЕ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВАШИХ ОРГАНОВ ДЛЯ ПЕРЕСАДКИ НЕИЗЛЕЧИМЫМ БОЛЬНЫМ ПОСЛЕ ВАШЕЙ СМЕРТИ?» (%)

¹ Organ Donation and Transplantation// Special Eurobarometer 333a (wave 72.3), 2010, URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_333a_en.pdf

Такие социокультурные особенности российского восприятия можно рассматривать как институциональные ограничения участия населения в донорских программах. Для того чтобы данное медицинское направление стало новой нормой, сопровождающей жизнь (или смерть) человека, оно должно быть подкреплено позицией общества. Формирование подобных установок не происходит спонтанно – необходима кропотливая работа по созданию социально значимых смыслов, поддерживающих необходимость донорства. Как было выявлено в ходе исследования, жители нашей страны одинаково не готовы стать донорами ни на альтруи-

стической, ни на платной основе (если это не касается близких родственников). Это позволяет говорить об отсутствии структур, направленных на формирование подобных установок со стороны организующих акторов (в частности, государства). Данный факт дает основания предположить, что при создании специальных институциональных условий для регистрирования своего волеизъявления и благоприятного информационного фона доля согласных на завещание своих органов станет заметно выше, что со временем может закрепить новую форму социального поведения.

ВЫБОРЫ МЭРА МОСКВЫ

Данные репрезентативного опроса москвичей 27-30 августа 2013 г. (N=1600)

ЗА КОГО ИЗ ЭТИХ КАНДИДАТОВ ВЫ БЫ НИ ЗА ЧТО НЕ ПРОГОЛОСОВАЛИ НА ВЫБОРАХ МЭРА МОСКВЫ: Группы по полу, возрасту, образованию (в %)

	Всего	Муж.	Жен.	18-24	25-39	40-54	55 и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего
Михаил ДЕГТЯРЕВ (ЛДПР)	15	17	14	14	12	16	18	15	19	13	11
Николай ЛЕВИЧЕВ ("Справедливая Россия")	7	9	6	6	5	8	8	8	5	13	5
Иван МЕЛЬНИКОВ (КПРФ)	12	12	13	10	15	11	11	14	10	11	8
Сергей МИТРОХИН ("Яблоко")	10	11	9	8	8	12	10	11	7	12	8
Алексей НАВАЛЬНЫЙ (РПР-ПАРНАС)	23	25	21	14	17	28	26	26	19	21	20
Сергей СОБЯНИН	15	19	11	17	15	13	16	18	11	15	11
Затрудняюсь ответить	48	46	50	53	50	44	49	41	57	53	56

Исследования тоталитаризма

Евгения ЛЁЗИНА

Юридическо-правовая проработка прошлого ГДР в объединенной Германии

Введение. Данная статья представляет попытку обзорного анализа комплекса юридическо-правовых мер, принятых объединенной Германией в отношении преступлений коммунистического режима ГДР и реакции общества на них. Эти меры, для обозначения которых принято использовать термин «правосудие переходного периода» (*Transitional Justice*), стали для бывшей Восточной Германии важной частью перехода к политической системе демократии.

Под «правосудием переходного периода», как правило, понимается не какой-то определенный вид правосудия, а набор мер или механизмов, которые каждое общество, осуществляющее переход от авторитарной или тоталитарной системы к демократической, выбирает и адаптирует к своей конкретной ситуации. Объединяет же эти политические решения — от вступивших на путь демократизации в XX веке стран Латинской Америки до посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы — стремление восстановить в своих границах верховенство права, создать новые основания общественного договора и отказаться от недемократических практик, допускающих полную или частичную безнаказанность. Хотя и с помощью различных юридическо-правовых средств, эти общества, стремившиеся построить общественно-политическую жизнь на новых демократических и правовых началах, пытались добиться свершения правосудия, наказания ответственных за преступления, выработки ответа на систематические нарушения прав человека при прежних режимах.

Объединенная Германия более других стран преуспела в выработке и применении разно-

образных механизмов «правосудия переходного периода»: по мнению экспертов, трудно найти государство, которое бы задействовало больше разнообразных шагов для проработки наследия диктатуры, чем ФРГ после 1990 года¹. В этот комплекс специальных правовых мер входят судебные преследования лиц, ответственных за государственные преступления режима ГДР, а также процессы люстрации — ограничение на занятие определенных должностей в публичной сфере и на государственной службе для бывших сотрудников и осведомителей секретных служб. Стремясь к установлению исторической правды и примирению, объединенная Германия, кроме того, активно использовала для достижения этих целей открытие архивов органов госбезопасности, программу реабилитации жертв, а также институт специальной парламентской комиссии по изучению истории и последствий коммунистической диктатуры (*Enquete-Kommissionen*).

Конечно, исключительность восточногерманского перехода от коммунистического режима к демократии заключалось, прежде всего, в том, что он происходил путем объединения ГДР с ФРГ. Однако несмотря на то, что успех восточногерманского демократического транзита был во многом обусловлен включением бывшей Восточной Германии в систему функционирующих западногерманских институтов, механизмы «правосудия переходного периода» были выработаны внутри самой ГДР еще до начала процесса объединения двух государств. Эти меры стали ответом на общественный запрос, артикулированный восточногерманским

¹ *McAdams, James. Judging the Past in Unified Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 1.*

протестным движением приблизительно с осени 1989 года. Требования участников мирной революции (*Friedliche Revolution*) 1989–1990 годов, одним из лидеров которой являлся нынешний президент ФРГ Йоахим Гаук, касались главным образом открытия архивов госбезопасности, люстрации государственного сектора, а также свершения правосудия в отношении лиц, ответственных за преступления восточно-германского режима.

Интересен опыт Германии еще и тем, что немецкое общество, пережившее в XX веке две тоталитарные диктатуры – нацистскую и коммунистическую, – было вынуждено дважды осуществлять демократический транзит, сталкиваясь при этом с необходимостью поиска путей осмысления наследия репрессивных режимов. В этой связи интересно проследить, как опыт проработки нацистского прошлого (*Aufarbeitung der NS-Vergangenheit*) в юридическо-правовой сфере повлиял на выбор и реализацию механизмов «правосудия переходного периода» уже в объединенной Германии¹.

В данной статье будут рассмотрены как сами отмеченные механизмы, так и причины их принятия, а также проблемы, с которыми сталкивалось немецкое общество в ходе проработки репрессивного прошлого ГДР в юридическо-правовой сфере (*juristische Aufarbeitung von DDR-Unrecht*). В первой части статьи мы обратимся к истории создания правовых основ таких практик, как обеспечение общественного доступа к архивам госбезопасности и проверка госслужащих на предмет сотрудничества со спецслужбами ГДР, или процесс люстрации. Речь здесь пойдет прежде всего о Законе об охране и использовании персональных данных Министерства госбезопасности, принятом народной палатой ГДР 24 августа 1990 года, о Договоре об объединении Германии от 31 августа 1990 года, а также о Законе о документации Штази от 20 декабря 1991 года. Вторая часть будет посвящена анализу опыта привлечения к ответственности лиц, виновных в государственных преступлениях и нарушениях прав человека во времена ГДР. Будут рассмотрены наиболее яркие примеры судебных разбирательств и проанализированы некоторые судебные решения по делам о гибели людей на германо-германской границе

¹ Термин «проработка прошлого» впервые был введен в общественный дискурс Теодором Адорно, который в лекции и радиобращении 1959 года призвал немцев к осмыслению или «проработке» национального прошлого в процессе критического осмысления его причин и последствий. См. Адорно, Теодор. Что значит «проработка прошлого»? // Неприкосновенный запас, № 2-3 (40-41), 2005.

(процессы над пограничниками и над представителями высшего руководства и командования ГДР, ответственными за пограничный режим), а также по делам об извращении правосудия, по которым обвинялись члены судейского корпуса и прокуратуры ГДР. В заключении будут также кратко перечислены другие средства общественно-политического осмысления прошлого ГДР, подробное освещение которых не позволяет формат данной статьи.

1. Открытие архивов Министерства государственной безопасности ГДР и процесс люстрации «Мирная революция» и повестка восточно-германского протеста. Как уже было отмечено, вопрос о мерах «правосудия переходного периода» и ответственности за преступления режима ГДР оказался в центре восточногерманской повестки довольно рано – еще до объединения двух германских государств. Одной из первых и главных проблем, обозначившихся в самом начале процесса демократизации, была проблема расчета с наследием коммунистического режима. На данном этапе особенно остро ощущался урон, нанесенный общественной сфере и свободе граждан восточногерманскими спецслужбами – Министерством государственной безопасности (МГБ) ГДР, известным во всем мире как Штази (*Stasi*, сокращение от немецкого названия ведомства *Ministerium für Staatssicherheit, MfS*). Стремление изменить такое положение вещей и активные поиски путей осмысления диктатуры превращали органы госбезопасности в главный объект публичной критики и озабоченности. Существовала потребность изменения общественной атмосферы, пропитанной страхом и недоверием вследствие многолетнего разрушения основ общественной солидарности репрессивными государственными органами.

Созданное в 1950 году по образцу советского Министерства государственной безопасности (а с 1954 года – Комитета государственной безопасности), МГБ ГДР превратилось за годы существования в мощнейший инструмент подавления и контроля, став одним из ключевых факторов поддержания тоталитарного режима и сохранения монополярной власти правящей Социалистической Единой Партии Германии (СЕПГ; *Sozialistische Einheitspartei Deutschlands, SED*). Спецслужбы воспринимались как наиболее репрессивный и закрытый восточногерманский институт. Это восприятие, в свою очередь, сосуществовало с представлениями о всеисильности тайной полиции, ее способности проникать всюду и контролировать все сферы

общественной и частной жизни через сеть осведомителей, которая, по общему ощущению, охватывала и пронизывала всю страну.

Успешно институционализированная органами госбезопасности система массового доносительства действительно лежала в основе репрессивной политики режима. Обладавшее многотысячным аппаратом, постоянно разраставшееся и усиливавшееся на протяжении существования ГДР ведомство опиралось в своей деятельности в первую очередь на огромную армию так называемых неофициальных сотрудников (*inoffizielle Mitarbeiter, IM*). Неофициальными сотрудниками Штази являлись, как правило, обычные граждане, согласившиеся (и подписавшие соответствующее соглашение) «информировать» органы о деятельности, разговорах, настроениях своего окружения — родственников, коллег, друзей или знакомых. Ориентируясь на принципы работы советских спецслужб, секретные службы ГДР рассматривали институт осведомительства как ключевой инструмент в осуществлении общественного контроля и борьбы с инакомыслием. Так, инструкция МГБ ГДР от 1958 года, в частности, содержала утверждение, что «неофициальные сотрудники — наиболее важный фактор в борьбе против секретной активности классового врага»¹. А более поздняя инструкция 1979 года гласила: «Желательное политическое и социальное воздействие нашей политической оперативной работы должно достигаться путем улучшения качества и эффективности работы неофициальных сотрудников — главного оружия в борьбе с врагом»².

С помощью осведомителей спецслужбам удавалось проникать в различные сферы общественной и частной жизни, контролируя жизнь граждан на работе и дома, на отдыхе и во время путешествий. Агенты и осведомители Штази внедрялись на предприятия, в школы и университеты, церкви и низовые объединения граждан.

Хотя сеть осведомителей отнюдь не включала всех жителей Восточной Германии (как ощущали многие), общее число неофициальных сотрудников на протяжении существования МГБ более чем в два раза превышало численность сотрудников штатных (*hauptamtlicher Mitarbeiter, HM*). Так, в октябре 1989 года в штате МГБ числилось 91 015 человек, а общее количество офи-

циальных сотрудников за период с 1950-го по 1989 годы достигало 274 тысяч. При этом в тот же период в ведомстве было зарегистрировано около 624 тысяч осведомителей, а в последний год существования ГДР на госбезопасность продолжали тайно и неофициально работать 189 тысяч человек (что составляло около 2,5% населения Восточной Германии в возрасте от 18 до 60 лет, 10 000 осведомителей были моложе 18 лет)³. С их помощью органами госбезопасности были заведены досье более чем на 6 миллионов граждан. Это означало, что в ГДР, где на момент объединения проживало 16,4 миллиона человек, более трети (37,5%) населения находилось под наблюдением секретных служб.

Наиболее распространенными методами работы Штази являлись слежка, установка прослушивающих устройств и видеонаблюдение в квартирах и на рабочих местах, прослушка телефонных разговоров, перлюстрация почты и т.п. В том случае, если несогласные не могли рассчитывать на поддержку Запада или защиту церкви, спецслужбы не гнушались ни арестами, ни длительными сроками лишения свободы. Кроме того, были нередки случаи похищения людей, преследования инакомыслящих вплоть до физического уничтожения. Со временем, однако, помимо открытых репрессий спецслужбы ГДР все чаще прибегали к тайным методам «нейтрализации» гражданских активистов и граждан, желавших покинуть страну. Чтобы не привлекать слишком большого внимания западной общественности громкими арестами, в 1960-е — 1980-е годы сотрудники МГБ тщательно усовершенствовали методы «оперативной психологии» — так называемые меры деморализации или разложения (*Zersetzung*) «врагов» режима. С помощью этих мер органы госбезопасности вызывали или провоцировали конфликты между членами различных групп, пытались ослабить или нарушить взаимодействие между церковными организациями, ограничить или уничтожить активность (или, скорее, потенциальную активность) оппозиционных групп путем вмешательства в личную и профессиональную жизнь их членов⁴. Согласно специальной директиве МГБ ГДР № 1/76 от 1 января 1976 года, наиболее эффективными формами деморализации являлись:

— систематическая дискредитация общественной репутации, достоинства и престижа

¹ Müller-Enbergs, Helmut. Inoffizielle Mitarbeiter des Ministeriums für Staatssicherheit: Richtlinien und Durchführungsbestimmungen. Berlin: Ch. Links, 1996. S. 198.

² Там же. S. 305.

³ Tantzsch, Monika. Die Hauptabteilung VI: Grenzkontrollen, Reise- und Touristenverkehr. Hg. BStU. Berlin, 2005 (MfS-Handbuch, Teil III/14). S. 3, 5.

⁴ Gieseke, Jens. Die DDR-Staatssicherheit. Schild und Schwert der Partei. 2. Auflage. Berlin, 2006. S. 44-45.

путем сочетания правдивой, поддающейся проверке и способной создать дурную репутацию информации с ложными, но правдоподобными, неопровержимыми и также дискредитирующими сведениями;

– систематическая организация профессиональных и социальных провалов с целью подорвать уверенность людей в себе;

– целенаправленное разрушение убеждений, связанных с определенными идеалами, примерами для подражания и т.п., порождение сомнений в персональной точке зрения;

– порождение недоверия и взаимной подозрительности внутри групп, объединений и организаций;

– создание или же использование и укрепление соперничества внутри групп, объединений и организаций через целенаправленное использование личных слабостей их отдельных членов;

– содействие сосредоточению групп, объединений и организаций на своих внутренних проблемах с целью ограничения их враждебно-негативных действий;

– пространственное и временное пресечение или ограничение взаимодействия членов групп, объединений или организаций посредством существующих правовых положений, например, путем привязки к рабочим местам, назначений на работу в отдаленные места и т.п.

В ходе применения подобных мер также активно задействовались осведомители. Среди эффективных средств и методов деморализации инструкцией выделялись:

– введение или использование неофициальных сотрудников, снабженных легендами о том, что они являются доверенными лицами лидеров групп, курьерами центральной администрации, вышестоящими лицами, представителями официальных инстанций из района действий, другого рода связными и т.п.;

– использование анонимных или под псевдонимом писем, телеграмм, телефонных звонков и т.п.; компрометирующих фотографий, например, с реально имевших место или же инсценированных встреч;

– целенаправленное распространение слухов о конкретных личностях из данной группы, объединения или организации;

– целенаправленное разглашение тайны или симуляция разоблачения защитных мер МГБ;

– вызов лиц в государственные ведомства или общественные организации с использова-

нием правдоподобных или неправдоподобных обоснований¹.

Активное применение подобных методов, которые, согласно директиве, должны были «использоваться, совершенствоваться и развиваться творчески и дифференцированно в зависимости от конкретных условий дела «оперативной разработки», способствовало формированию в обществе атмосферы всеобщей подозрительности, лжи, страха и недоверия. Хотя осведомители спецслужб не были физически вездесущи, концентрируясь в своей деятельности главным образом на подавлении реального инакомыслия, они способствовали усилению предусмотрительности граждан, опасавшихся выражать собственные взгляды и критические настроения из-за постоянного страха стать объектом доносов в вышестоящие органы. Эта преобладающая атмосфера секретности также способствовала тому, что протестная активность в ГДР долгое время практически не могла развиваться публично, была вынуждена оставаться в андерграунде. Именно из-за крайней репрессивности восточногерманского режима протест, накапливающийся в недрах несвободного общества, мог выйти на поверхность лишь в последние месяцы существования ГДР².

Когда это наконец произошло, в ходе мирной революции 1989–1990 годов восточногерманское протестное движение довольно скоро стало выступать с требованиями ликвидации секретных служб и установления гражданского контроля над архивами Министерства государственной безопасности ГДР. Массовые требования упразднения Штази, сохранения и открытия архивов, разоблачения осведомителей и восстановления доверия в публичной сфере были отражены в основных лозунгах сотен тысяч протестующих граждан, выходивших на главные площади восточногерманских городов начиная с осени 1989 года: «Преступники из Штази, вон из политики», «Не спящий народ — лучшая госбезопасность», «Мы требуем немедленного лишения власти и роспуска Министерства госбезопасности», «Ни одной немецкой марки Штази», «Свободу моему досье» и др.

¹ MfS-Richtlinie Nr. 1/76 zur Entwicklung und Bearbeitung Operativer Vorgänge (OV). 1. Januar 1976. Quelle: BStU, MfS, BdL-Dok. 3234 – Druck, 59 S.

² Подробнее о деятельности информаторов Штази и их влиянии на общество ГДР см. *Miller, Barbara. Narratives of Guilt and Compliance in Unified Germany: Stasi Informer and Their Impact on Society.* London, New York: Routledge, 1999. *Kowalczyk, Ilko-Sascha. Stasi konkret. Überwachung und Repression in der DDR.* Verlag C. H. Beck, 2013.

В ситуации массового бегства граждан из ГДР после открытия границы между Венгрией и Австрией, а также роста протестных настроений и консолидации оппозиции осенью 1989 года режим СЕПГ оказался в глубоком кризисе. Под давлением общества в октябре — декабре 1989 года в стране происходили значительные институциональные изменения. 17 октября Политбюро ЦК СЕПГ приняло решение освободить Эриха Хонеккера от обязанностей генерального секретаря, а 18 октября пленум ЦК утвердил это решение. Новым генеральным секретарем ЦК СЕПГ был избран бывший главный редактор центрального органа печати СЕПГ *Neues Deutschland* Эгон Кренц. 7 ноября в полном составе было отправлено в отставку правительство Вилли Штофа. Прежде чем народная палата избрала новым премьер-министром первого секретаря Дрезденского окружного комитета СЕПГ Ганса Модрова, Политбюро приняло новое положение о выезде за границу. Когда член Политбюро и секретарь ЦК СЕПГ Гюнтер Шабовски сделал сообщение об этом на пресс-конференции вечером 9 ноября, многотысячные толпы устремились к контрольно-пропускным пунктам на границе с Западным Берлином. Так в тот день пала Берлинская стена, многие десятилетия разделявшая Европу.

17 ноября решением народной палаты ГДР официально прекратило свое существование Министерство государственной безопасности. Вместо него было создано Ведомство национальной безопасности (ВНБ; *Amt für Nationale Sicherheit, ANS*) под руководством бывшего заместителя Эриха Мильке Вольфганга Шваница. Этой заменой премьер-министр Модров надеялся сохранить старые структуры и кадры, но общественное давление и требование ликвидировать спецслужбы продолжали усиливаться.

1 декабря народная палата ГДР (*Volkskammer*) вынесла решение об отмене первой статьи конституции ГДР, в которой говорилось о руководящей роли СЕПГ, а 3 декабря члены Политбюро и ЦК СЕПГ были вынуждены подать в отставку.

Когда вскоре после падения Берлинской стены стало ясно, что сотрудники госбезопасности в спешном порядке уничтожают архивные документы (над зданиями МГБ повсеместно висели облака дыма, а полные бумаг грузовики непрерывно двигались в направлении бумажных фабрик), по всей стране стали создаваться гражданские комитеты (*Bürgerkomiteen*), призванные обеспечить со-

хранность архивов. С начала декабря 1989 года тысячи жителей восточногерманских городов штурмовали окружные и районные центры МГБ, пытаясь воспрепятствовать уничтожению архивов сотрудниками Штази. Первый «захват» подразделения МГБ произошел 4 декабря в Эрфурте, а вечером того же дня активисты заняли ведомственные здания спецслужб в Лейпциге и Дрездене. Стихийно образованные гражданские комитеты и в других местах брали под свой контроль офисы госбезопасности, прокуратуры и полиции.

Правительство Модрова было вынуждено пойти на переговоры с оппозицией в рамках круглого стола, первое заседание которого прошло 7 декабря 1989 года (всего до парламентских выборов в марте 1990 года состоялось 16 заседаний). От оппозиции в переговорах принимали участие представители церкви, руководство старых и новых партий, а также члены демократического движения, объединенного с начала осени в рамках оппозиционной платформы «Новый форум». Основанный несколькими десятками ведущих оппозиционных общественных активистов, «Новый форум» был задуман как «политическая платформа для всей ГДР, которая сделает возможным участие людей всех профессий, слоев, партий и групп в дискуссиях и воздействии на решение жизненно важных общественных проблем». Одним из ключевых вопросов, находившихся в центре внимания активистов, был роспуск и установление гражданского контроля над органами госбезопасности¹.

Под давлением общества 14 декабря 1989 года Совет министров ГДР был вынужден издать постановление о роспуске созданного менее месяца назад Ведомства национальной безопасности. Однако даже это решение не остановило волну народного протеста. 15 января 1990 года граждане штурмовали и в конечном итоге взяли под свой контроль штаб-квартиру МГБ на Норманненштрассе в районе Лихтенберг в Восточном Берлине. Берлинский корреспондент Associated Press Джон Келер так описывал события того дня: «Холодным вечером 15 января сотни тысяч берлинцев — главным образом молодых людей — собрались возле огромного, похожего на крепость комплекса зданий, где размещалась главная спецслужба ГДР. Камни и кирпичи загремели по железным воротам. Призывы представителей национальных комитетов сохранять порядок и спокойствие тонули

¹ „Die Zeit ist reif!“ Gründungsauftritt des Neuen Forums, „Aufbruch 89“, 10. September 1989. Quelle: Robert-Havemann-Gesellschaft.

в реве толпы, скандировавшей: «Мы – народ!». Небольшое подразделение полицейских, находившихся внутри здания, капитулировало, и около пяти часов вечера ворота были открыты. Толпа ворвалась внутрь и устремилась к различным зданиям, выбивая двери и окна и систематично освобождая служебные кабинеты от бывших мучителей народа»¹.

Как выяснилось в тот день, сотрудникам МГБ все же удалось уничтожить или изъять часть архива: особенно пострадали данные, связанные с разведкой и принадлежавшие Главному разведывательному управлению МГБ (*Hauptverwaltung Aufklärung, HVA*). Часть бумаг была найдена в мешках в разорванном или в мелко разрезанном виде. Однако благодаря активности граждан, их стремлению своевременно установить контроль над архивами большую часть документов (более 95%) удалось спасти. Дальнейшая их судьба стала в ту зиму одной из главных тем, обсуждавшихся в преддверии мартовских парламентских выборов.

Инициативы народной палаты ГДР и Договор об объединении 1990 года. После выборов 18 марта 1990 года новое правительство во главе с председателем Христианско-демократического союза ГДР Лотаром де Мезьером формально взяло на себя обязательства по сохранению архивов, разделив эти полномочия с гражданскими комитетами. Но вопрос о дальнейшей судьбе сохраненных документов все еще оставался открытым. Мнения здесь разделились между сторонниками идеи полного уничтожения досье госбезопасности и теми, кто настаивал на их передаче гражданам, пострадавшим от режима СЕПГ.

Сторонников ликвидации архивов Штази было немало как в Восточной, так и в Западной Германии. Причем за уничтожение досье выступали не только те, кто боялся огласки фактов собственного сотрудничества со спецслужбами или опасался раскрытия иной компрометирующей информации. Архивы, по мнению многих, были в принципе потенциально «взрывоопасны»: раскрытие информации о многочисленных доносах и предательствах в среде близких людей и единомышленников могло грозить массовым сведением счетов, самосудом, «охотой на ведьм». Существовали опасения, что раскрытие подобных сведений сможет существенно отравить, а не восстановить общественную жизнь. К тому же информация, содержащаяся

¹ Келер, Джон. Секреты Штази. История знаменитой спецслужбы ГДР. Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2000. С. 585-586.

в архивах, собиралась, как правило, нелегальным путем и могла содержать ложные, недостоверные, а потому не заслуживающие доверия сведения. По мнению сторонников данной позиции, документам спецслужб, составленным на основании доносов осведомителей, нельзя было доверять и тем более принимать на их основе какие-либо решения².

В Западной Германии идея уничтожения архивов Штази находила поддержку на самом высоком уровне. Федеральный канцлер ФРГ Гельмут Коль, в частности, указывал на раздражающее воздействие досье, подчеркивая, что эти документы являлись потенциальными источниками злых слухов³. Министр внутренних дел в правительстве Коля и одна из ключевых фигур в процессе объединения Германии Вольфганг Шойбле также разделял мнение о том, что архивы должны быть полностью уничтожены. «Я рекомендовал этот вариант, как и Гельмут Коль, чтобы разногласия, связанные с прошлым, не слишком обременяли восстановление и будущее новых федеральных земель», – объяснял Шойбле в одном из интервью 2009 года⁴.

Складывалась ситуация, в которой за сохранение архивов выступали главным образом основные жертвы коммунистической диктатуры – восточногерманские диссиденты. С самого начала общественных дискуссий они настаивали на открытом расчете с прошлым путем сохранения и открытия архивов спецслужб, призывали к очищению государственного сектора посредством отстранения от государственной службы бывших сотрудников и осведомителей Штази. Речь в данном случае шла, во-первых, о необходимости восстановления правды о собственной судьбе и о собственном прошлом: по крайней мере о праве узнать наконец о тех, кто долгие годы занимался доноси-

² Это был сомнительный аргумент, поскольку органы госбезопасности не могли бы эффективно функционировать, если бы в своей работе постоянно опирались на недостоверные, сфабрикованные данные. Хотя в своей деятельности спецслужбы активно прибегали к фальсификациям и фабрикациям, они чрезвычайно щепетильно относились к тому, чтобы полученная ими через агентов и осведомителей информация была «правдивой, полной, актуальной, оригинальной и поддающейся проверке». Поскольку досье были самым важным инструментом работы Штази, их вели очень аккуратно. Собранный материал должен был многократно перепроверяться. К тому же сведения собирались перекрестно, что позволяло сравнивать данные из разных источников и реконструировать факты. См. *Suckut, Siegfried.* (Hrsg.) *Das Wörterbuch der Staatssicherheit: Definitionen zur „politisch-operativen Arbeit“.* Berlin: Ch. Links, 1996. S. 171.

³ Kontroverse über Äußerungen Kohls zu den Stasi-Akten // *Der Tagesspiegel*, 05.11.1993. S. 1.

⁴ Цит. по: Schäuble wollte Stasi-Akten vernichten lassen // *Die Welt*, 12.01.2009.

тельством и преследованием мирных граждан. Во-вторых, с помощью архивных документов можно было определить степень вины сотрудников Штази, понять, какие преступления совершались, и по-возможности привлечь виновных к ответственности. В-третьих, благодаря архивам можно было предотвратить занятие видных государственных или общественных постов бывшими агентами и осведомителями, а также очистить от них учебные заведения и органы власти. Наконец, с помощью архивов Штази можно было проводить исследования репрессивного аппарата МГБ и его роли в системе восточногерманских органов власти¹.

Постепенно позиция, согласно которой для осмысления истории, а также для осуществления реабилитации жертв коммунистической диктатуры необходимо каталогизировать и использовать архивы бывших органов госбезопасности, приобретала все большую популярность. В ситуации, когда часть архива была уничтожена или же попросту исчезла, а часть оказалась на черном рынке, росло осознание важности обеспечения контролируемого доступа к сохранившимся документам. В таких условиях грамотное управление архивами могло стать надежным средством борьбы со спекуляцией, мифотворчеством, утечками и клеветой².

В мае 1990 года народная палата ГДР, куда в ходе свободных выборов 18 марта были избраны некоторые представители гражданских правозащитных групп, учредила специальный комитет, призванный контролировать роспуск восточногерманских спецслужб. Главой комитета стал депутат из рядов гражданского движения, бывший диссидент и лютеранский пастор из г. Росток на Балтийском побережье Йоахим Гаук. Позднее Гаук так описывал стоявшие тогда перед ним и его соратниками проблемы: «Вопрос заключался в том, как быть с этим ужасным наследием. С одной стороны, нужно было предотвратить дальнейшую катастрофу, которую мог спровоцировать этот взрывоопасный материал. С другой стороны, было желание разоблачить преступления и функционирование репрессивного аппарата. Но главным образом многие пострадавшие требовали объяснения тех махинаций, жертвами которых они стали, а также разоблачения преступников»³.

¹ Из выступления Уполномоченного по архивам Штази Марианны Биртлер в ходе встречи с украинскими правозащитниками в Берлине // Hro.org, 26.02.2010.

² Miller, John. Settling Accounts with the Secret Police. The German Law on the Stasi Records // Europe-Asia Studies, Vol. 50, № 2, 1998. P. 308.

³ Gauck, Joachim. Das Erbe der Stasi-Akten // German Studies Review. Vol. 17, 1994. S. 189.

24 августа 1990 года народная палата приняла Закон об охране и использовании персональных данных МГБ/ВНБ (*Gesetz über die Sicherung und Nutzung der personenbezogenen Daten des ehemaligen MfS/AfNS*). Закон обеспечивал создание институтов для осуществления надзора над использованием архивов: специального уполномоченного по архивам Штази в центральном офисе и уполномоченных в региональных отделениях госбезопасности. Ожидалось, что закон, регулирующий доступ к архивам Штази, вступит в силу в Федеративной Республике сразу же после объединения.

Однако в ходе переговоров об основах объединения двух государств летом 1990 года (переговоры велись до 31 августа) положения закона народной палаты ГДР относительно использования и доступа к архивам МГБ не были включены в проект Договора об объединении. Руководство ФРГ намеревалось отправить эти документы в Федеральный архив, тем самым полностью прекратив всякое их использование частными лицами и средствами массовой информации. В подобном случае на архивы Штази как на часть Федерального архива распространялось бы действие тех же правил, что и на другие архивные документы: для большинства бумаг это могло бы означать по крайней мере 30-летний ограничительный срок до тех пор, пока с них мог быть снят гриф секретности. Кроме того, Федеральное правительство под руководством канцлера Гельмута Коля выступило за полную ликвидацию значительной части архива, и уже был отдан приказ уничтожать некоторые документы, в частности, оказавшиеся в офисах западногерманской контрразведки записи телефонных разговоров ведущих политиков⁴.

Восточногерманское правительство, в свою очередь, не стало настаивать на включении в Договор законодательства, принятого народной палатой ГДР. В ответ на это 30 августа 1990 года восточногерманский парламент почти единогласно принял декларацию, протестуя против того, что в соглашение об объединении под давлением западногерманской стороны не были включены положения принятого 24 августа Закона о защите данных. Депутаты требовали, чтобы этот закон стал «неотъемлемой частью действующего в дальнейшем законодательства»⁵.

⁴ Legner, Johannes. Commissioner for the Stasi Files. Washington, D.C.: American Institute for Contemporary German Studies, Johns Hopkins University, 2003. P. 11-12.

⁵ Ausführliche Chronologie des Stasi-Unterlagen-Gesetzes (StUG). Quelle: BstU.

В результате в Договор об объединении Германии от 31 августа 1990 года все-таки были добавлены некоторые предварительные договоренности, касавшиеся архивов МГБ ГДР. В частности, была предусмотрена процедура хранения и обеспечения сохранности актов независимым специальным представителем Федерального правительства, а также централизованного хранения архивов в новых федеральных землях. Но документы должны были в основном оставаться закрытыми, и их использование предусматривалось только в ограниченном объеме, лишь в случаях крайней необходимости и безотлагательности.

Эти уступки, однако, абсолютно не удовлетворили общественность ГДР и привели к новой мобилизации лидеров восточногерманского гражданского движения. В начале сентября 1990 года гражданские активисты вновь заняли несколько комнат в бывшем центральном аппарате МГБ на Норманненштрассе, начав голодовку с требованием обеспечения неограниченного доступа к архивам для всех жертв госбезопасности. Широкое освещение данного события в СМИ усиливало давление на правительства обеих стран. В результате руководству ГДР и ФРГ удалось договориться о включении в Договор об объединении параграфа, который хотя и не переносил непосредственно законодательство ГДР в немецкое право, тем не менее оговаривал начало разработки нового закона единым немецким парламентом с учетом принципов, изложенных в Законе о защите данных¹.

Дополнительное соглашение по применению и толкованию Договора об объединении, принятое 18 сентября 1990 года под давлением гражданских активистов, включало требование к общегерманскому законодателю впредь всеобъемлюще учитывать принципы, изложенные в законе от 24 августа. Ожидалось, что «право пострадавших на получение информации — при необходимом сохранении интересов третьих лиц — будет максимально быстро реализовано». К соответствующей законодательной работе планировалось приступить непосредственно после объединения Германии 3 октября 1990 года².

Что касается других первичных положений, то в Договор об объединении были, в частности, включены специальные условия,

касавшиеся государственных служащих. Поскольку госслужащие ГДР являлись частью системы, которая не соответствовала требованиям правового государства, руководствующегося принципом верховенства права, была создана возможность не допускать к приему на государственную службу или увольнять с нее тех, кто злоупотреблял своими полномочиями в рамках восточногерманского режима и кто не мог способствовать укреплению демократической конституционной системы. Согласно пункту 2 статьи 33 Основного закона ФРГ, лояльность к конституции является одним из ключевых требований к госслужащим, а их обязанность по укреплению свободной демократической системы в духе конституции рассматривается как важнейший приоритет.

Согласно порядку, закрепленному в Приложении I к Договору об объединении, с государственной службы могли быть уволены, во-первых, те, кто оказался непригодным к ней «ввиду недостатка профессиональной квалификации или персональной способности» (параграф 4 статьи III раздела A главы XIX Приложения I к Договору об объединении). Кроме того, согласно параграфу 5 Приложения I к Договору, существовали «достаточные основания для внеочередного увольнения, в частности, если служащий: во-первых, нарушил принципы гуманности и верховенства права, особенно права человека, гарантированные Международным пактом о гражданских и политических правах, и/или нарушил принципы, содержащиеся в Международной декларации прав человека; во-вторых, если он сотрудничал с МГБ ГДР (с 1989 года — ВНБ ГДР) и если, таким образом, нельзя разумно предполагать, что государственный служащий может продолжать свою трудовую деятельность»³. В Договоре специально оговаривалось, что после объединения Германии все государственные служащие должны повторно обращаться с заявлениями о приеме на работу.

Одновременно с подписанием Договора об объединении 3 октября 1990 года для осуществления контроля за архивами МГБ был учрежден особый орган — Специальный уполномоченный (Sonderbeauftragter) Федерального правительства, призванный обеспечить сохранность архивов и использовать их в ограниченном виде для проверки государственных служащих. Этот пост занял Йоахим Гаук, на которого

¹ Там же.

² Vereinbarung zwischen der BRD und der DDR zur Durchführung und Auslegung des am 31. August 1990 in Berlin unterzeichneten Vertrages zwischen der BRD und der DDR über die Herstellung der Einheit Deutschlands vom 18. September 1990.

³ Vertrag zwischen der BRD und der DDR über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag) vom 31. August 1990 (BGBl. 1990 II S. 889). Anlage I Kap XIX A III Anlage I Kapitel XIX. Sachgebiet A — Recht der im öffentlichen Dienst stehenden Personen Abschnitt III.

была возложена миссия по созданию функционирующей системы управления архивами.

Закон о документации Штази 1991 года. После объединения Германии немецкий бундестаг приступил к разработке специального закона, вступившего в силу чуть более года спустя — 20 декабря 1991 года. Закон о документации Министерства государственной безопасности бывшей ГДР (*Gesetz über die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR, StUG*), принятый широкой коалицией блока Христианско-Демократического и Христианско-Социального союза (ХДС/ХСС), Свободной демократической партии Германии (СвДП) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ), заменил несколько временных положений, включенных в Договор об объединении или связанных с ним. Прежде всего, закон должен был обеспечить четкий порядок предоставления доступа к личным досье и защиту от несанкционированного использования информации.

Закон поместил архивы Штази в ведение Федерального уполномоченного (*Bundesbeauftragter*), являющегося независимым должностным лицом, избираемым бундестагом на пятилетний срок с возможностью однократного переизбрания. Йоахим Гаук, сохранивший свою роль в качестве главного управляющего архивами Штази, стал первым руководителем Ведомства по управлению документацией Штази (*Die Bundesbehörde für die Stasi-Unterlagen, BStU*), получившего впоследствии широкую известность как «Ведомство Гаука» (*Gauck-Behörde*).

Основными целями закона (а следовательно, и целями работы ведомства) являлись, во-первых, «облегчение индивидуального доступа граждан к персональным данным, собранным в отношении них МГБ/ВНБ, для уточнения того влияния, которое государственная служба безопасности оказала на их личную судьбу». Второй целью закона являлась «защита личности от нарушений ее прав на неприкосновенность частной жизни, вызванных использованием личных данных, собранных МГБ/ВНБ». В-третьих, закон был призван «способствовать исторической, политической и юридической переоценке деятельности МГБ/ВНБ». Он также должен был «обеспечить доступ государственных и частных организаций к информации, необходимой для достижения целей, указанных в Законе»¹.

¹ Gesetz über die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR (Stasi-Unterlagen-Gesetz – StUG) Ausfertigungsdatum 20.12.1991. § 1.1.

Закон о документации Штази имеет непосредственное отношение к некоторым категориям лиц, которые условно могут быть разделены на две группы — жертвы и соучастники деятельности спецслужб. При этом законом жестко регулируются права и принципы доступа представителей этих категорий граждан к архивным данным: информация о жертвах доступна только для самих пострадавших, а сведения о сотрудниках и осведомителях органов госбезопасности могут быть обнародованы.

К «жертвам» по закону относятся «пострадавшие лица» (*Betroffene*), а также «третьи лица» (*Dritte*). «Пострадавшими» являются граждане, бывшие объектом преднамеренного сбора информации (при условии, что они сами не являлись сотрудниками или осведомителями Штази). Для признания того или иного лица «пострадавшим» должна была существовать директива или предписание об открытии соответствующего досье госбезопасности. «Третьими лицами» закон называет тех граждан, которые не являлись объектом целенаправленного сбора информации, но информация о которых тем не менее содержится в досье (обычно сведения о третьих лицах были собраны попутно с другими заданиями или же случайно).

Другие две категории — «сотрудники» (*Mitarbeiter*) и «привилегированные лица» (*Begünstigte*) — тоже обычно рядом фигурируют в законе и обладают схожими правами. К «сотрудникам» относятся либо бывшие штатные сотрудники, либо осведомители МГБ. Штази хранило официальные списки своих осведомителей и, как правило, старалось получить от них письменное подтверждение готовности предоставлять информацию. К категории «привилегированных лиц» относятся те, кто получал существенные преимущества от Штази в виде материальной или нематериальной компенсации (например, в форме продвижения по службе, защиты от преследования и т.п.)².

Доступ к персональным досье. По Закону о документации Штази все немецкие граждане обрели возможность узнать, было ли спецслужбами заведено дело лично на них, и ознакомиться, в случае наличия такового, со своим персональным досье. Это решение вызвало огромный отклик: в первые три года работы ведомством было получено около миллиона запросов от граждан, желавших выяснить, велось ли за ними наблюдение во времена ГДР.

² Miller, John. Op. cit. P. 312-313

Поскольку в законе была четко прописана процедура доступа к досье и предусмотрена комплексная защита прав пострадавших и третьих лиц, жертвы режима ГДР могли не опасаться утечки нежелательных сведений. Например, если то или иное досье содержало персональные данные о других пострадавших, помимо заявителя, подобная информация должна была быть «анонимизирована» (заклеена или вычеркнута) в копиях, показанных и выданных по запросу. Кроме того, по истечении установленного срока потерпевшим было предоставлено право подать заявление об удалении информации о себе из оригинала досье. Приоритет при обработке архивных данных был отдан обращениям, необходимым для судебных разбирательств, для реабилитации или получения компенсаций, а также заявкам, касавшимся лиц, помещенных в тюрьмы или психиатрические учреждения бывшей ГДР или же неизлечимо больных.

Первоначально срок действия Закона о документации Штази должен был истечь через 20 лет после принятия — в 2011 году. Однако по решению бундестага от 30 сентября 2011 года действие закона было продлено до 2019 года. Благодаря внесенным в закон изменениям с 1 января 2012 года увеличился круг родственников, имеющих право получать информацию о членах семьи: теперь сведения о пострадавших имеют право запрашивать их родители, супруги, дети, внуки, братья и сестры. Эти изменения вызвали значительный рост числа обращений: в 2012 году было подано на 7 620 запросов больше, чем годом ранее¹. Всего в 2012 году в ведомство поступила 88 231 личная заявка на ознакомление с досье (против 80 611 в 2011 году), таким образом общее число обращений, поданных с 1992 года, превысило 2 918 000².

На протяжении существования ведомства сохранялся, хотя с разной степенью интенсивности, высокий интерес граждан к архивной информации; ознакомление с досье вошло в быт, став частью личной и семейной истории. Реализация одного из самых популярных лозунгов восточногерманской мирной революции «Свободу моему досье!» до сих пор воспринимается в Германии как ключевое достижение протестного движения.

Люстрация: проверка представителей элиты и государственных служащих. Еще одним важным направлением работы ведомства стала

¹ Все больше немцев обращаются к архивам Штази // Deutsche Welle, 16.03.2012.

² BStU in Zahlen. Stand 31. Dezember 2012. Quelle: BStU.

проверка государственных служащих на предмет сотрудничества с органами госбезопасности ГДР. По закону проверять сотрудников обязаны все государственные и муниципальные учреждения, а также ограниченное количество частных институтов. Закон предусматривает также обязательную проверку всех желающих занять какой-нибудь видный пост в ФРГ — «стать членом земельного или федерального правительства, депутатом парламента, высокопоставленным чиновником или служащим министерства, судьей, штабным офицером или военным атташе в немецком посольстве за рубежом, главным редактором одной из структур общественно-правового телерадиовещания, функционером Национального олимпийского комитета, представителем немецкого спорта в какой-нибудь международной организации или тренером национальной сборной»³. В пункте 6 статьи 20 закона перечислены следующие лица, подлежащие обязательной проверке на предмет официального или неофициального сотрудничества с МГБ ГДР (по достижении 18-летнего возраста):

- члены Федерального правительства или правительств земель, а также лица, имеющие статус государственных служащих;

- члены парламента, члены местных представительных органов, местные выборные должностные лица, а также почетные бургомистры и представители отдельных сообществ;

- профессиональные и почетные судьи;

- военные, занимающие руководящие должности, а также штабные офицеры, занимающие позиции, имеющие большое влияние в комплексных областях (внутри страны и за рубежом), служащие в аппарате военных атташе и в иных учреждениях за рубежом;

- члены президиума и исполнительного комитета, а также руководители Немецкой олимпийской федерации, ее центральных объединений и олимпийских объектов, представители немецкого спорта в международных органах, а также тренеры и ответственные организаторы членов немецкой национальной сборной.

Всего в период с 1991-го по 2012 год в ведомство поступило 1 754 838 обращений о проверке государственных служащих, наибольшее их число пришлось на первые три года работы: в 1991 году число обращений составило 343 519, в 1992-м — 521 707, в 1993-м — 300 657⁴.

³ В ФРГ на связь со Штази можно проверять только больших начальников // Deutsche Welle, 08.12.2009.

⁴ Anzahl der Ersuchen bei der Bundesbehörde für die Stasi-Unterlagen zur Überprüfung von Mitarbeitern des öffentlichen Dienstes von 1991 bis 2012. Januar 2013. Quelle: BStU.

Процедура проверки следовала, как правило, следующей схеме. Все государственные служащие после объединения Германии должны были подать повторное прошение о приеме на работу. Вместе с заявлением претенденты на ту или иную должность должны были заполнить анкету, содержащую вопросы об их политических функциях в ГДР и о наличии контактов с МГБ. Сформированные во многих институтах специальные люстрационные комиссии были призваны выработать рекомендации относительно дальнейшего сохранения на службе или увольнения сотрудников. На первом этапе члены комиссий сравнивали анкетные данные с личными делами и другими доступными источниками и, если свидетельств неправомерного поведения не обнаруживалось, рекомендовали сохранить трудовые отношения с кандидатом, делая оговорку, что факт несотрудничества с МГБ должен быть подтвержден Ведомством по управлению архивами Штази. Сотрудники, в адрес которых звучали обвинения или в отношении которых имелась особая информация, приглашались на индивидуальные собеседования, чтобы иметь возможность прокомментировать предъявленные им улики или ответить на обвинения.

Получив заявку от кандидата, работодатель, как правило, отправлял запрос в Ведомство по управлению архивами Штази с целью проверки, был ли тот или иной госслужащий или претендент на должность штатным или неофициальным сотрудником спецслужб ГДР. Ведомство, в свою очередь, рассматривало запрос и оповещало работодателя о том, содержатся ли в архивах свидетельства о сотрудничестве с МГБ — официальном или неофициальном — того или иного кандидата. В том случае, когда взаимодействие со Штази имело место, отчеты, составленные по стандартной форме, содержали информацию о типе сотрудничества, его наиболее вероятных мотивах и продолжительности. По возможности к отчету также прилагалась информация о компенсациях, причинах прекращения сотрудничества, а также копии избранных документов, уточняющих характер отношений с МГБ. В случаях с неофициальными сотрудниками ведомство, как правило, прилагало к уведомлениям копии отчетов, составленных осведомителями для Штази¹.

¹ См. *Wilke, Christiane*. The Shield, the Sword, and the Party: Vetting the East German Public Sector. In: *Mayer-Rieckh, Alexander; De Greiff, Pablo* (eds.) *Justice as Prevention: Vetting Public Employees in Transitional Societies*. New York: Social Science Research Council, 2007. С. 354, 356. Поскольку из-за большого числа обращений процессы проверки в Ведомстве Гаука зачастую затягивались, многие бывшие сотрудники

Чаще всего работодатель впервые узнавал о фактах сотрудничества с МГБ именно из отчетов ведомства (до 90% бывших агентов и осведомителей не признавалось в анкетах в своем сотрудничестве с органами)². При этом далеко не все бывшие штатные работники и негласные осведомители Штази подали заявления о приеме на госслужбу: кто-то добровольно ушел в отставку или на пенсию или же предусмотрительно трудоустроился в частном секторе.

На основании уведомления, полученного от ведомства, работодатель имел право самостоятельно решать, какие последствия будет иметь ответ на его запрос. В случае неблагоприятного решения претендент на должность мог оспорить решение работодателя в суде. Именно суды были уполномочены определять, являлось ли увольнение оправданным или нет. Поскольку ни в Договоре об объединении, ни в Законе о документации Штази не оговаривалось, в каких конкретно случаях увольнение с государственной службы могло считаться обоснованным, не содержалось уточнений насчет продолжительности и интенсивности взаимодействия с органами госбезопасности или рода деятельности, которую тот или иной сотрудник или осведомитель осуществлял от лица Штази, ответы на эти вопросы приходилось выработать судам. Постепенно люстрационные решения становились более стандартизированными, главным образом благодаря рассмотрению дел в земельных судах по трудовым спорам (*Landesarbeitsgericht*) и их пересмотрам в Федеральном суде по трудовым спорам (*Bundesarbeitsgericht*).

Например, в решении Федерального суда по трудовым спорам от 11 июня 1992 года проверяющие органы призывались рассматривать дело каждого кандидата на должность в индивидуальном порядке (*Einzelfallprüfung*). В результате многочисленных судебных разбирательств был выработан определенный юридический критерий в форме вопроса: будет ли сохранение того или иного сотрудника представляться (*Erschein*) необоснованным? Иными словами, имело значение то, как будет выглядеть для общественности, если государственный орган сохранит на службе человека с запятанным прошлым. Первичное руководство для принятия решений, представленное Федеральным судом по трудовым спорам в июне 1992 года, было таково: чем выше должность в МГБ или чем боль-

и осведомители МГБ решили воспользоваться этой ситуацией, небезосновательно полагая, что со временем вероятность их сохранения на госслужбе будет выше.

² Там же.

ше степень вовлеченности (*Verstrickung*) в деятельность органов госбезопасности, тем выше вероятность, что человек не подходит для государственной службы. Внеочередное (экстраординарное) увольнение было также в порядке вещей, когда выяснялось, что в ходе работы на МГБ ГДР сотрудником были нарушены принципы гуманности¹.

Хотя процессы люстрации регулировались общей нормой, оговоренной в Договоре об объединении и в Законе о документации Штази, практика была неодинаковой в различных секторах, федеральных и административных ведомствах, а также в разных федеральных землях. Общая тенденция, как показывают исследования, была такова: чем больше учреждение нуждалось в общественной легитимации и зависело от общественного доверия, тем тщательнее и радикальнее проводились в нем процедуры проверки кадров. С другой стороны, в более закрытых и бюрократизированных структурах, испытывавших меньшую потребность в легитимации, проверкам придавалось меньшее значение и проводились они по упрощенным схемам².

К первой категории относились главным образом университеты и судебные институты. Требующие высокого уровня общественного доверия к их моральному авторитету и стремившиеся восстановить утраченную легитимность, эти учреждения обычно испытывали большую потребность в обновлении и прибегали к более сложным процедурам кадровых проверок. Можно сказать, что они использовали процесс люстрации, чтобы максимально дистанцироваться от институционального сотрудничества с прежним режимом. Люстрационные комиссии в университетах и судебных органах формировались не только из сотрудников данных институтов, но и из представителей гражданского общества и сторонних юристов, способных обеспечить беспристрастность и честность процесса проверки. Рамки расследований в них были шире и стандарты строже, чем в других государственных учреждениях. По мнению исследователя восточногерманских люстрационных практик Кристиане Вилке, «причина приверженности университетов к проверке сотрудников лежала в их самовосприятии: как центры интеллектуальной дискуссии, принявшие на себя ответственность за формирование будущей элиты, университеты нуждались в по-

вышении своего морального авторитета, который мог быть достигнут лишь путем тщательного отбора сотрудников (аналогичные заботы были у судебных органов, также проводивших тщательные проверки судей и прокуроров)»³.

Однако и в этих секторах практика была довольно разнородной. Так, Эрхард Бланкенбург приводит данные о существенных различиях в практике проверок и увольнений в системе юстиции федеральных земель: «В одном только Берлине, где в памяти еще живы воспоминания о холодной войне, лишь 10% судей и обвинителей получили повторно свои назначения. (По данным пресс-секретаря министра юстиции, заявления подали 370 человек, из них 37 судей и 9 обвинителей были назначены повторно, некоторые получили возможность повторно обратиться с заявлением в соседнюю землю Бранденбург.) В других восточногерманских землях 35% бывших судей и 45% обвинителей вновь заняли свои должности»⁴.

В других учреждениях государственного сектора, например, в городских администрациях или в полиции, процессы проверки были дифференцированы в зависимости от уровня ответственности сотрудников и от степени публичности, нахождения той или иной структуры в поле общественного внимания. В более закрытых бюрократических структурах комиссии формировались внутри учреждений без выборных процедур и рассматривали свою работу как чисто административную⁵.

Хотя из-за большой децентрализации процессов люстрации подсчитать точное количество уволенных за взаимодействие со Штази сотрудников довольно сложно, общее число, по приблизительным оценкам экспертов, может составлять около 55 тысяч. Так, по данным Ведомства по управлению архивами Штази на 1997 год, своих должностей на гражданской службе лишились 42 046 человек. Эта цифра основывалась, во-первых, на том, что 6,3% из тех 1,42 млн человек, по которым была проведена проверка, оказались бывшими агентами или осведомителями Штази, и, во-вторых, 47% из них были уволены. К этому числу можно добавить расследования вне сферы государственной службы: так, в марте 1991 года правительство

¹ Решение Федерального суда по трудовым спорам от 11 июня 1992 года. BAG, 11.06.1992 – 8 AZR 537/91.

² Wilke, Christiane. Op. cit. P. 391.

³ Там же.

⁴ Бланкенбург, Эрхард. Люстрация и «отлучение от профессии» после падения восточногерманского тоталитарного режима. Пер. с англ. В.В. Бойцовой и Л.В. Бойцовой // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. М.: Издательство Института права и публичной политики, № 4 (29), 1999. С. 29-36.

⁵ Там же.

сообщило о 1 883 уволенных на основе положений Договора об объединении Германии: 65 человек — за нарушения принципов гуманности, 1 818 — за сотрудничество с МГБ (233 человека опротестовали эти решения в судах)¹.

Несмотря на стандартизированные процедуры проверки, определенной части бывших сотрудников и осведомителей органов госбезопасности все же удалось сохраниться на госслужбе. Например, в 2000 году выяснилось, что 7 300, или 12%, из 62 680 офицеров полиции, принятых на государственную службу правительствами новых федеральных земель, являлись бывшими работниками или информаторами Штази². Согласно более поздним данным, обнародование которых в июле 2009 года вызвало в Германии большой резонанс, в администрациях новых федеральных земель продолжали работать около 17 тысяч бывших сотрудников МГБ ГДР. Из них 2 733 человека — в Берлине, 2 942 — в Бранденбурге, 2 247 человек — в земле Мекленбург — Передняя Померания, 4 101 — в Саксонии, 4 400 — в Саксонии-Анхальт и 800 — в Тюрингии³.

Первоначально по Закону о документации Штази проверки госслужащих должны были завершиться 29 декабря 2006 года. Однако 30 ноября в закон была внесена поправка, продлевающая возможность проверок высокопоставленных политиков, представителей спорта и бизнеса на 5 лет — до 2011 года. По истечении этого срока он снова был продлен — до конца 2019 года. Причем в этот раз возможность осуществления проверок была вновь расширена на государственных служащих среднего звена.

Единогласного мнения по поводу того, стоит ли продолжать проверки представителей элит и государственных служащих на предмет их сотрудничества с органами госбезопасности, в Германии нет. В 2006 году, который по первоначальному плану должен был стать последним годом проверок, Институт социальных наук им. Лейбница GESIS попросил респондентов высказаться по поводу того, стоит ли прекратить задавать немецким гражданам вопрос, работали ли они во времена ГДР на Штази. В результате 64,8% опрошенных в марте — июле граждан

полностью или частично поддержали эту идею, и только 35,2% в разной степени высказались против (совокупность ответов «скорее не согласен» и «полностью не согласен»)⁴.

Однако спустя два года, когда в закон уже были внесены поправки о продолжении проверок чиновников, опрос, выполненный Институтом TNS Forschung по заказу журнала *Der Spiegel*, показал гораздо более высокий уровень поддержки самой идеи. Так, на вопрос «Считаете ли Вы справедливым дальнейшее разоблачение бывших неофициальных сотрудников Штази или под этим процессом должна быть подведена черта?», заданный социологами в апреле 2008 года, 49% опрошенных высказались за продолжение разоблачений, 46% — за их прекращение, 5% затруднились с ответом⁵.

Доступ журналистов и исследователей к архивам. Спор о доступе представителей массовой медиа к архивам МГБ вспыхнул на самом раннем этапе обсуждения, предшествовавшего принятию Закона о документации Штази. Изначально допуск к архивам представителей СМИ не был предусмотрен, но это решение встретило мощное сопротивление журналистского сообщества (в частности, ему активно противостоял издатель авторитетного еженедельника *Der Spiegel* Рудольф Аугштайн). В результате депутаты в самый последний момент согласились предоставить исследователям и журналистам возможность пользоваться всеми документами архива, касавшимися работы бывших сотрудников и осведомителей Штази (при этом должны были строго сохраняться персональные данные, особенно затрагивающие интересы пострадавших граждан и третьих лиц).

Благодаря этому решению сразу же после объединения Германии было предано огласке множество сведений об агентурной сети и организационной структуре МГБ. Поскольку с начала работы ведомства исследователям и журналистам предоставлялся также беспрепятственный доступ к досье, имевшим отношение к так называемым персонам современной истории (*Personen der Zeitgeschichte*), нередко волна разоблачений затрагивала известных и влиятельных граждан — артистов, спортсменов и политиков. К примеру, многие кандидаты крупных партий, участвовавшие в первых сво-

¹ McAdams, James A. Op. cit. P. 73. Crossley-Frolick, Katy A. Sifting Through the Past: Lustration in Reunified Germany // Dvořáková, Vladimira; Milardović, Anđelko (eds.) Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe. Zagreb, 2007. P. 208-209.

² Carstens, Peter. Helfer der Diktatur und des Rechtsstaates Die ostdeutsche Polizei übernahm Tausende Stasi-belastete Volkspolizisten // Frankfurter Allgemeine Zeitung, Nr. 37, 14.02.2000. S. 4.

³ Forderung nach Offenlegung: Tausende Ex-Stasi-Spitzel arbeiten im öffentlichen Dienst // Financial Times Deutschland, 9. Juli 2009.

⁴ Meinung zu einem Schlussstrich unter eine mögliche Stasi-Vergangenheit. Infratest Sozialforschung; März bis Juli 2006. GESIS, Februar 2007.

⁵ Enttarnung von Stasi-Mitarbeiter // Der Spiegel, April 2008.

бодных выборах в ГДР в марте 1990 года, были позднее обвинены в сотрудничестве со спецслужбами.

Бывали случаи, когда проверки высокопоставленных политиков приводили к серьезным скандалам и общественным разбирательствам. Так, большое внимание привлекли истории с разоблачениями премьер-министра (*Ministerpräsident*) земли Бранденбург, члена СДПГ Манфреда Штольпе и наиболее известного представителя партии-преемницы восточногерманской СЕПГ — Партии демократического социализма (ПДС) — Грегора Гизи. В обоих случаях по просьбе парламентских комитетов федеральным уполномоченным были подготовлены доклады, в которых содержались доказательства того, что Штольпе и Гизи являлись в свое время информаторами МГБ. При этом ни от Гизи, ни от Штольпе не было получено письменного соглашения о сотрудничестве (секретные службы часто прибегали к такой практике, когда речь шла о влиятельных или высокопоставленных лицах).

В случае со Штольпе земельный парламент Бранденбурга созвал комитет по расследованию, которому так и не удалось прийти к окончательному решению. Несмотря на громкий скандал, Штольпе продолжал оставаться на посту премьер-министра Бранденбурга до 2002 года, а позже вошел в состав кабинета канцлера Герхарда Шредера, заняв пост федерального министра транспорта.

Другая противоречивая фигура — адвокат из Восточной Германии, член СЕПГ с 1967 года Грегор Гизи — когда-то защищал в судах ГДР восточногерманских диссидентов (среди его подзащитных были, например, Роберт Хавеманн и Рудольф Баро), а в конце 1980-х присоединился к протестному движению в ГДР. В 1990 году Гизи был избран председателем реформированной СЕПГ—ПДС и депутатом народной палаты ГДР. Когда после объединения страны стало известно о сотрудничестве Грегора Гизи со Штази, комитет по иммунитету бундестага потребовал его исключения из парламента. Гизи был вынужден покинуть пост председателя партии, однако вскоре после отставки, когда по результатам муниципальных выборов в Берлине к власти пришла коалиция ПДС и СДПГ, он занял пост вице-бургомистра и члена муниципального правительства по вопросам экономики, труда и делам женщин в правительстве Клауса Воверайта. Гизи занимал эту должность до лета 2002 года, а в мае 2005-го он стал одним из лидеров предвыборной кам-

пании ПДС и участником объединения части левого политического спектра в единую «Левую партию. ПДС». Партия достигла немалого успеха на федеральном уровне и позже в ходе земельных выборов. После того, как 16 июля 2007 года состоялось еще одно объединение левых сил Германии в партию «Левые», Гизи вновь выступил как один из ее лидеров и оказался сопредседателем ее парламентской фракции.

Несмотря на то, что в приведенных примерах факт разоблачения не слишком серьезно отразился на политической карьере Штольпе и Гизи, важно, что их ситуации стали предметом громких публичных разбирательств как следствие сформировавшегося в немецком обществе консенсуса. Так, на вопрос «Должны ли, по Вашему мнению, политики (как Грегор Гизи) уходить со своих постов, если выяснится, что они сотрудничали со Штази?», заданный Обществом социальных исследований и статистического анализа Forsa по заказу журнала Stern в июне 2008 года, 56% респондентов ответили утвердительно, 35% дали отрицательный ответ и 8% затруднились с ответом¹.

Хотя после объединения Германии были случаи, когда политики или знаменитости выступали против обнародования своих досье (с такими протестами выступали, например, Грегор Гизи и фигуристка Катарина Витт), до конца 1990-х годов предоставление подобной информации являлось обычной практикой. Однако в начале 1999 года в Германии разразился скандал в связи с незаконным финансированием предвыборной кампании ХДС/ХСС, и Ведомство по работе с архивами Штази открыло доступ к некоторым документам, в том числе расшифровкам перехваченных телефонных разговоров ведущих политиков партии, собираясь обнародовать аналогичные данные, касающиеся непосредственно бывшего председателя ХДС Гельмута Коля. Оказавшись в центре скандала, бывший канцлер обратился в суд, чтобы воспрепятствовать публикации записей своих телефонных разговоров. Коля заявил, что информация о нем «была собрана в результате серьезных нарушений человеческого достоинства посредством преступной деятельности», поэтому публикация досье является противозаконным актом. 4 июля 2001 года Административный суд Берлина (*Verwaltungsgericht Berlin*) поддержал позицию Коля, постановив, что публикация досье секретных служб против его воли является незаконной и наносит ему моральный ущерб. Федеральный уполномо-

¹ Rücktritt von Politiker wegen Stasi-Vergangenheit // Stern.de, Juni 2008.

моченный по архивам Штази Марианна Биртлер, сменившая на этом посту Йоахима Гаука в 2000 году, опротестовала данное судебное решение. Биртлер напоминала обществу и суду, что ее «практика предоставления документов никогда не вызывала возражений ни бундестага, получающего годовые отчеты ведомства, ни Федерального правительства, юридически ответственного за ведомство»¹. Тем не менее в марте 2002 года Федеральный административный суд Германии (*Bundesverwaltungsgericht, BVerwG*) оставил в силе постановление суда первой инстанции, подтвердив, что все собранные на Коля досье госбезопасности не подлежат обнародованию. В результате этого решения доступ журналистов и историков к архивам оказался практически полностью закрыт.

После того, как судом было вынесено это решение, стало ясно, что либо ведомству придется пересмотреть свое сотрудничество с академическими исследователями и журналистами, либо в закон должны быть внесены поправки. Правящая коалиция СДПГ и Зеленых решила изменить закон. Его новая редакция вернула ученым и журналистам право работать с документами, однако доступ к досье «персон современной истории» был теперь возможен лишь на основе личного решения федерального уполномоченного. Вместе с тем сотрудники архива сначала должны были проверять, каким образом были собраны те или иные сведения: если при сборе информации были нарушены права человека (например, если информация была получена из подслушанных телефонных разговоров, в результате перлюстрации почты или в ходе тайных обысков), публикация документов могла быть запрещена. Сотрудники архива должны были также учитывать интересы соблюдения личных тайн упомянутых в документах лиц. Поправки к закону были приняты голосами правящей «красно-зеленой» коалиции и СВДП (ХДС/ХСС выступила против, ПДС воздержалась)².

В сентябре 2003 года Административный суд Берлина постановил, что запрет на публикацию материалов, собранных восточногерманской разведкой Штази на бывшего канцлера ФРГ Гельмута Коля, должен быть отменен.

¹ *Bullion, Constanze*. 'Dieses Urteil ist ein Schritt zurück'. Der frühere Behördenchef Joachim Gauck zeigt sich enttäuscht, die meisten Politiker in Berlin aber sehen ihre Auffassung bestätigt // *Süddeutsche Zeitung*, 9. März 2002.

² *Sabrow, Martin*. The Quarrel over the Stasi Files. In: *Eckert, Astrid M.* (ed.) *Institutions of Public Memory. The Legacies of German and American Politicians*. Washington, D. C.: German Historical Institute/Sheridan Press, 2007. P. 46-52. Legner, Johannes. Op. cit. P. 23.

Однако Коль подал апелляцию, и в июне 2004 года Федеральный административный суд вынес компромиссное решение по поводу публикации материалов, имеющих отношение к «персонам современной истории». По мнению юридического органа, новая редакция закона, разрешающая исследователям доступ к досье, собранным сотрудниками Штази на всех известных немецких политиков, отменяет запрет на доступ к архивам. При этом суд также постановил, что информация о частной жизни публичных фигур не может быть обнародована. Суд ввел это ограничение для всех аудиозаписей и стенографических протоколов незаконной прослушки в частных или официальных помещениях и — это было нововведением — для всех внутренних отчетов Штази, аналитических записей и интерпретаций, основанных на подобных протоколах; был ограничен также доступ ко всей информации, собранной посредством шпионажа. Кроме того, суд ужесточил ограничения для лиц, имеющих права на доступ к подобной информации: ее могли запрашивать только исследователи, занимающиеся историей Штази. При этом они должны были гарантировать, что полученная информация не будет опубликована или передана третьим лицам. Личная информация больше не могла публиковаться в образовательных целях или передаваться в средства массовой информации без письменного согласия самого пострадавшего лица³.

Несмотря на ужесточение правил, и журналисты, и исследователи активно пользуются правом доступа к архивам. В последние двадцать лет было опубликовано огромное количество научных работ, которые не могли бы быть созданы без использования досье бывших секретных служб. Архивные документы также широко используются для написания биографий. К примеру, все биографии действующего федерального канцлера Ангелы Меркель содержат ссылки на сведения из архивов Штази.

Выводы. Еще до объединения Германии, начиная с осени 1989 года, активисты восточногерманского гражданского оппозиционного движения требовали ликвидации Министерства государственной безопасности, идентификации осведомителей органов госбезопасности и открытой проработки прошлого, открытия архивов и люстрации с целью возврата доверия в публичную сферу. Принципиально важно, что основная цель протестующих состояла не

³ Там же.

в совершении возмездия, а в восстановлении доверия граждан к их избранным представителям. Лидеры протеста исходили из того, что в демократической системе доверие является основополагающим принципом, поэтому избранные власти и чиновники должны пользоваться доверием граждан. Как это выразил Йоахим Гаук, ставший первым главой Ведомства по управлению архивами Штази, а в марте 2012 года избранный на пост президента Германии, «задача состояла не в том, чтобы лишить бывших коммунистов их должностей, но существовала необходимость ответить на минимальное требование восточных немцев, чтобы люди, являвшиеся частью прежнего режима, были признаны негодными для публичных позиций доверия»¹.

Важно также, что борьба оппозиции за ликвидацию Штази и за сохранение и открытие архивов не ограничивалась лозунгами и требованиями в ходе митингов и демонстраций, но стала основополагающим мотивом гражданского действия. В результате этой борьбы архивы госбезопасности были большей частью сохранены, и была создана возможность доступа к личным досье людей, находившихся долгие годы под наблюдением секретных служб. На волне этого движения был сформирован важнейший публичный институт – Ведомство федерального уполномоченного по управлению документацией МГБ ГДР, до сих пор сохраняющий свое влияние в общественно-политической жизни Германии. Благодаря этим действиям и принятым мерам объединенная Германия получила в свое распоряжение хорошо защищенные от вмешательства различных заинтересованных сторон, почти в полном объеме сохраненные архивы госбезопасности.

Спасение архивов символизировало самоосвобождение немецкого общества от атмосферы страха и недоверия, являвшейся прямым следствием всеобъемлющего контроля, непрерывной слежки со стороны тайной полиции. Оценивая ретроспективно принятое в объединенной Германии решение об открытии документов спецслужб, можно констатировать, что главные страхи и опасения скептиков оказались напрасными: несмотря на то, что доступ граждан к досье госбезопасности вскрыл множество фактов предательства, доносов среди членов семей, друзей, соратников и сослуживцев, официально в Германии не было зарегистрировано ни одного преступления на почве мести. Ско-

¹ Gauck, Joachim. Dealing with a Stasi Past // Daedalus, Vol. 123, No. 1, Winter 1994. P. 279.

рее всего, ключевую роль в том, что открытие архивов прошло в целом мирно, сыграл факт упразднения органов госбезопасности и отсутствие у Штази фактического преемника.

Историки и журналисты получили доступ к досье общественно значимых лиц, так называемых персон современной истории. Поскольку доступ к архивам не был ограничен сроком давности, исследователи и журналисты могли проводить независимые и достоверные расследования политических преследований и их последствий в ГДР, сыграв таким образом особую роль в переходе к демократии.

С помощью Ведомства по работе с архивами в объединенной Германии была также проведена люстрация – ограничение на занятие определенных должностей в политической сфере и на государственной службе для бывших штатных сотрудников и осведомителей МГБ ГДР на основе Закона о документации Штази. Отмечая важность своевременного принятия данного юридического документа, Йоахим Гаук писал: «Мы крайне нуждались в этом законе. Логически немыслимо, чтобы те, кто служил этому аппарату угнетения, по-прежнему продолжали бы занимать руководящие должности. Нам нужно убедить наш народ в том, что он теперь свободен, и сделать так, чтобы люди прониклись доверием к органам власти на всех уровнях»². Решение скрыть содержащуюся в досье правду о прошлом привело бы, по убеждению Гаука, к «огромной фрустрации и неудовлетворенности»³. Сохранение же архивов и возможность ознакомиться с их содержанием представляли собой противоядие против ностальгии: без них «ложь тех, кто находился у власти, была бы значительно больше, так же как и степень ретроспективного восхваления режима [ГДР] большинством населения»⁴.

II. Судебные преследования лиц, ответственных за нарушения прав человека в ГДР

Правовые коллизии. Общественный запрос на привлечение к ответственности лиц, виновных в массовых нарушениях прав человека в ГДР, был в Германии изначально чрезвычайно высок: по данным опроса, проведенного в мае 1991 года, 94% немцев считали «очень важным»

² Цит. по: Келер, Джон. Секреты Штази. История знаменитой спецслужбы ГДР. Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2000. С. 44.

³ Gauck, Joachim. Die Stasi-Akten, Das unheimliche Erbe der DDR. Reinbek: Rowohlt, 1991. S. 91.

⁴ Leithäuser, Johannes. Als die Bürger die Stasi-Ämter stürmten: Erinnerung zum 5. Jahrestag // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5. December 1994. S. 4.

или «важным» юридическо-правовое преследование виновных в преступлениях режима ГДР¹. Однако когда нарушители прав граждан могли наконец быть привлечены к ответственности, немецкое правосудие столкнулось с немалыми сложностями. Возможность уголовного преследования ответственных за преступления коммунистического режима была в первую очередь серьезно ограничена запретом обратного действия норм уголовного законодательства.

Согласно данному принципу, известному также в латинском варианте как *nulla poena sine lege* (нет преступления и наказания без указания на то в законе), человек не может быть наказан за деяние, которое не было запрещено действующим законодательством в момент его совершения. Этот общепризнанный по крайней мере с XVII века принцип, принятый во всех либеральных правовых системах мира, был призван воспрепятствовать произвольному наказанию правительством своих политических оппонентов путем создания новых правил, применимых к событиям в прошлом².

Тем не менее, в XX веке, после опыта двух мировых войн и геноцида целых этнических групп, обнаружились серьезные изъяны недифференцированного применения запрета обратного действия законов. Оказалось, что этот важный правовой принцип препятствовал возможности совершать правосудие в отношении виновных в массовых нарушениях прав человека, если эти нарушения не противоречили действовавшему на момент их совершения национальному законодательству. Так, массовые преследования евреев и других этнических групп в Третьем рейхе зачастую следовали принятым в период нацистской диктатуры законодательным нормам и распоряжениям. Также и в ГДР действовали распоряжения, согласно которым стрельба на поражение на границе не только оставалась безнаказанной, но разрешалась и поощрялась. Законы о пограничной и полицейской службе поощряли применение огнестрельного оружия, в приказах и служебных инструкциях подчеркивалось, что «нарушители границы, в любом случае рассматриваемые в качестве противника, при необходимости должны уничтожаться» (из решения Национального совета обороны ГДР 1962 года).

¹ IPOS: Einstellungen zu aktuellen Fragen der Innenpolitik. 16-31 Mai, 1991.

² В частности, в статье 8 Декларации прав человека и гражданина 1789 года было сформулировано положение о том, что «никто не может быть наказан иначе как в силу закона, установленного и опубликованного до совершения преступного деяния и примененного в законном порядке».

Мировая общественность впервые столкнулась с проблемой привлечения к ответственности лиц, виновных в массовых нарушениях прав человека, но не нарушивших при этом национальных законов, после окончания Второй мировой войны. Тогда при подготовке Нюрнбергского процесса союзники обратились к поиску путей преодоления дилеммы, связанной с принципом *nulla poena sine lege*. Выработанные в результате механизмы международного права во многом реализовали идеи немецкого юриста и философа права Густава Радбруха (1878 – 1949).

Бывший министр юстиции Веймарской республики и университетский профессор, уволенный с госслужбы в первые месяцы нахождения национал-социалистов у власти в 1933 году, Густав Радбрух одним из первых в мировой юриспруденции поднял проблему «несправедливого права», выступив после войны с жесткой философско-правовой критикой юридического позитивизма. В работах «Пять минут философии права» (1945) и «Законная несправедливость и надзаконное право» (1946) Радбрух, обращаясь к проблеме «несправедливого закона», сформулировал позицию, получившую впоследствии широкую известность как «формула Радбруха» (*Radbruchsche Formel*). Суть данной концепции, легшей впоследствии в основу международного права, заключалась в том, что очевидно противоречащий естественному праву (*lex naturalis*) закон не является справедливым и обязательным к исполнению.

Сравнивая неправовой закон с несправедливым приказом, Радбрух писал в 1945 году: «Приказ есть приказ», – говорят солдатам. «Закон есть закон», – говорит юрист. Но в то же время обязанность солдата подчиняться перестает действовать, если он узнает, что целью приказа является преступление или правонарушение. Юристам же спустя столетие после того, как среди них не осталось зачинателей естественного права, не известны подобного рода исключения из действия закона и подчинения ему законопослушных граждан. Закон действует, потому что это – закон, и это – закон, если его сила признается в большинстве случаев. Такое понимание закона и его действия (мы называем это теорией позитивного права) сделало всех, включая юристов, беззащитными перед законами, оправдывающими произвол, законами ужасными и преступными. В конечном счете они отождествляли право и силу – лишь там, где сила, только там и право»³.

³ Радбрух, Густав. Пять минут философии права // Философия права. Пер. с нем. М.: Международные отношения, 2004. С. 225.

Радбрух не призывал к отмене запрета обратного действия, он лишь говорил о важности исключений из данного принципа, если налицо ситуация очевидной несправедливости и если, как в случае с нацистской диктатурой, правосудие имеет дело с неправовыми законами: «Конфликт между справедливостью и правовой стабильностью мог бы быть разрешен в том смысле, что позитивное и облеченное властной санкцией право имеет приоритет даже тогда, когда оно по содержанию несправедливо и нецелесообразно. Исключение составляют лишь ситуации, когда противоречие позитивного закона и справедливости достигает такой невыносимой степени, что закон как «несправедливое право» должен уступить справедливости. Невозможно разграничить случаи «законодательного неправа» и закона, действующего вопреки своему несправедливому содержанию. Зато можно четко определить: когда к справедливости даже не стремятся, когда равенство, составляющее ее основу, сознательно отрицается в правотворческом процессе, тогда закон не является лишь «несправедливым правом», но даже более того — он является неправовым по своей природе, ибо право, включая и позитивное, нельзя определить иначе, чем порядок и совокупность законов (*Satzung*), призванных по сути своей служить справедливости. И этому критерию право нацистов не отвечает ни в целом, ни в отдельных его частях»¹.

Принципы, близкие «формуле Радбруха», были впервые реализованы в ходе Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками: устав Международного военного трибунала от 8 августа 1945 года и закон № 10 Контрольного совета в Германии «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности» от 20 декабря 1945 года выработали принципы международного права, по которым действия, направленные против мира и человечности, подлежали наказанию, даже если они не нарушали законов страны, в которой совершались. В ходе заседания Нюрнбергского процесса над нацистскими судьями трибунал, в частности, постановил: «Обвиняемый знал или должен был знать, что виновен в делах, с международно-правовой точки зрения означающих участие в организованной государством системе несправедливости и преследований, оскорбляющей нравственное чувство человечности, <...>

¹ Радбрух, Густав. Законное неправо и надзаконное право // Философия права. Пер. с нем. М.: Международные отношения, 2004. С. 234.

знал или должен был знать, что в случае ареста будет наказан»².

Под влиянием Нюрнбергского процесса Организация Объединенных Наций (ООН), сама возникшая главным образом как ответ на Холокост и Вторую мировую войну, приняла ряд международно-правовых документов, в которых недифференцированные идеи естественного права, лежащие в основе «формулы Радбруха», были реализованы в более конкретных инструментах защиты прав человека. Со времени принятия важнейших международно-правовых актов ООН, установивших общечеловеческие стандарты в сфере международного права, — Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) в 1948 году и Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) в 1966 году — права и свободы человека обрели надгосударственное, международное значение, перестав быть объектом лишь внутригосударственной юрисдикции. Указанные документы, кроме того, ввели уголовную ответственность за деяния, являющиеся в момент их совершения уголовным преступлением по международному праву, даже если они не составляли в тот момент преступления по национальному законодательству (статья 11 ВДПЧ и статья 15 МПГПП).

Этот подход был также учтен Советом Европы при принятии в 1950 году Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ). Согласно пункту 1 статьи 7 ЕКПЧ, «никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое согласно действовавшему в момент его совершения внутреннему или международному праву не являлось уголовным преступлением». Кроме того, в пункте 2 той же статьи специально оговаривалось, что запрет обратного действия «не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

Что касается послевоенной Германии, то, хотя к моменту принятия Основного закона в 1949 году главные принципы международного права были уже сформулированы, ФРГ предпочла не допускать исключений из запрета обратного действия в своем законодательстве. Пункт 2 статьи 103 Основного закона Германии

² Цит. по: Кениг, Хельмут. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012. С. 65-66.

безоговорочно гласил: «Любое действие подлежит наказанию лишь в том случае, если наказуемость этого деяния была установлена до его совершения». При этом, ратифицируя в 1952 году ЕКПЧ, ФРГ отвергла тот самый пункт 2 статьи 7, который объявлял запрет обратного действия не имеющим силы при определенных условиях. К этому положению западногерманской стороной было сделано примечание, что пункт 2 статьи 7 ЕКПЧ «будет применяться только в пределах пункта 2 статьи 103 Основного закона ФРГ» (то есть не применяться вообще). Таким образом, ФРГ однозначно высказалась против любых исключений из запрета обратного действия.

Последствиями подобного решения стало то, что осуждения нацистских преступников в рамках Нюрнбергского процесса могли трактоваться в ФРГ как нарушения принципа правового государства — запрета обратного действия законов. Как известно, в 1950-е годы многие из осужденных были амнистированы и освобождены досрочно, и отсутствие юридической базы существенно затруднило преследование нацистских преступников внутри страны¹. В тех же случаях, когда они все-таки представляли перед судами ФРГ, судьи при принятии решений были вынуждены апеллировать непосредственно к «формуле Радбруха».

Так, например, в решении от 12 июля 1951 года Федеральный верховный суд (*Bundesgerichtshof, BGH*) объявил незаконным убийство дезертира командующим батальона Фольксштурма. В свое оправдание обвиняемый ссылался на приказ, отданный Гиммлером в марте 1945 года, согласно которому дезертиры должны были немедленно уничтожаться. Суд, отметив сначала недостаточное законодательное качество самого приказа, в своем решении прямо сослался на «формулу Радбруха»: «Даже если этот приказ был бы обнародован как закон или постановление, он не имел бы обязательной юридической силы. Закон достигает здесь предела, в котором входит в противоречие с общепризнанными нормами международного права или естественного права или конфликт позитивного права с правосудием достигает такой недопустимой степени, что закон как «неправовой закон» должен уступить дорогу правосудию. Если принцип равенства в условиях позитивного права вообще отрицается, то закон лишен правового

характера и является полностью неправовым (Радбрух). Одним из неотъемлемых прав человека является то, что он не должен быть лишен жизни без суда. На этом принципе права основано до сих пор действующее положение о создании военно-полевых судов от 15 февраля 1945 года. В связи с этим так называемый «приказ о бедствии» (*Katastrophenbefehl*) не имеет законной силы. Он не является правовой нормой, и его соблюдение было бы объективно противоправным»².

В двух процессах 1952 года, в которых к ответственности за содействие транспортировке евреев в концлагеря были привлечены сотрудники гестапо и полиции, Федеральный верховный суд также постановил, что нацистские законы, допускающие ограничения личных свобод, не были обязательными к исполнению и потому не могли быть использованы в качестве оправдательной основы даже по вопросу об отсутствии у подсудимых преступных намерений. В решении суда говорилось, что «свобода государства определять, что должно являться правовым, а что неправовым в пределах его территории, не является неограниченной». «Несмотря на все различия в национальных правовых системах, — отмечалось в судебном решении, — в сознании всех цивилизованных народов существует основная область справедливости, которая в соответствии с общей правовой убежденностью не может быть нарушена ни законом, ни какими-либо иными административными мерами»³.

В более позднем решении 1968 года по гражданскому делу о наследовании Федеральный конституционный суд ФРГ (*Bundesverfassungsgericht, BVerfG*) поддержал данный подход, постановив, что нацистские «правовые» нормы и распоряжения, в частности распоряжение о потере германского подданства и имущества «с перемещением своего обычного местопребывания за границу», «настолько очевидно противоречили основным принципам справедливости, что если бы судья пожелал применить [эти меры] или признать их правовые последствия, он стал бы вершить несправедливость вместо правосудия». По решению суда «Одиннадцатое распоряжение к Закону о гражданине Рейха от 25 ноября 1941 года достигло такого невыносимого

² Решение Федерального верховного суда от 12 июля 1951 года. BGH, 12.07.1951 – III ZR 168/50.

³ Постановление Федерального верховного суда ФРГ по делу о депортации вюртембергских евреев в период Третьего рейха от 29 января 1952 года. BGH, 29.01.1952 – 1 StR 563/51.

¹ См. подробнее об этом: Кениг, Хельмут. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012. С. 61-65.

уровня противоречия со справедливостью, что должно было с самого начала считаться недействительным»¹.

Несмотря на эти решения, высокий барьер запрета обратного действия законов продолжал сохраняться в ФРГ и был перенесен в Договор об объединении с ГДР от 31 августа 1990 года. В приложении к Договору отдельно оговаривалось, что при уголовном преследовании правонарушителей периода ГДР органы юстиции ФРГ должны опираться на законодательство, действовавшее на территории ГДР в момент свершения правонарушений, а не на законодательство ФРГ, за исключением случаев, когда последнее мягче².

Из-за отказа снятия высокого барьера запрета обратного действия применительно к законам, принятым при коммунистической диктатуре ГДР, судебная система в 1990-е годы столкнулась с теми же трудностями и препятствиями, которые осложняли юридическую проработку нацистской диктатуры со времени основания Федеративной Республики. В ситуации отсутствия четких положений в Договоре об объединении и в национальном законодательстве судьям приходилось вырабатывать решения на основании прежнего международного и внутригерманского опыта по привлечению к ответственности виновных в массовых нарушениях прав человека.

Подобные разбирательства в объединенной Германии были сосредоточены на ряде правонарушений, среди которых, однако, выделялись дела об убийстве перебежчиков на германо-германской границе (37%), а также случаи извращения правосудия (*Rechtsbeugung*), когда неправосудные решения судей и прокуроров ГДР становились причиной длительных сроков заключения или смерти невинных людей

¹ Решение 2-го Сената Федерального конституционного суда ФРГ от 14 февраля 1968 года. BVerfG, 14.02.1968 – 2 BvR 557/62.

² «В Договоре об объединении от 31 августа 1990 года во взаимосвязи с Законом о Договоре об объединении от 23 сентября 1990 года предусмотрено, что согласно переходным положениям Уголовного кодекса (разделы с 315 по 315(c) Закона о введении в действие Уголовного кодекса (*Einführungsgesetz in das Strafgesetzbuch*)) применимым законом в принципе является закон места, где было совершено правонарушение (*Tatortrecht*). Это означает, что в отношении деяний, совершенных гражданами ГДР на территории ГДР, применимым в принципе является закон ГДР. В силу положений § 3 статьи 2 Уголовного кодекса, закон ФРГ может быть применен, только если он является более мягким, чем закон ГДР». См. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Штрелец, Кесслер и Кренц против Германии» (Жалобы NN 34044/96, 35532/29 и 44801/98). Пер. Ю. Берестнева и Е. Крючковой. Страсбург, 22 марта 2001 года. *Кениг, Хельмут*. Op. cit. С. 66.

(24%)³. Кроме того, судебные расследования проводились в отношении преступлений, совершенных сотрудниками МГБ ГДР (похищения людей, убийства или покушения на убийства, нелегальные прослушки и видеонаблюдение, перлюстрация почты и пр.), а также таких правонарушений, как фальсификация результатов выборов, жестокое обращение с заключенными, нарушение служебных полномочий и коррупция (например, вымогательство имущества лиц, получивших разрешение покинуть ГДР), ложные доносы, повлекшие политически мотивированные преследования и другие виды наказаний, распространение и использование допинговых препаратов, экономические преступления, шпионаж и прочее⁴.

Как и борьба за сохранение архивов, уголовные преследования ответственных за государственные преступления были начаты еще до объединения Германии, в последний год существования ГДР. 18 ноября 1989 года еще подконтрольный СЕПГ парламент учредил специальный комитет, которому было поручено расследовать случаи злоупотреблений должностными полномочиями, коррупции, а также фальсификации результатов выборов. 22 ноября сотрудник полиции был приговорен к году и двум месяцам тюрьмы за жестокое избивание гражданина ГДР, а в декабре несколько членов Политбюро ЦК СЕПГ и партийных чиновников региональных отделений были взяты под стражу. Первые процессы касались главным образом коррупции партийных лидеров, фальсификации результатов выборов и фактов растраты имущества. Обвинения были предъявлены в 180 случаях и привели к расследованиям в отношении 124 человек, из которых по крайней мере 42 были временно взяты под стражу. 41 случай дошел до суда, и до октября 1990 года суды ГДР успели вынести приговоры в отношении 26 обвиняемых⁵.

После мартовских парламентских выборов, в ходе второго пленарного заседания народной палаты ГДР 12 апреля 1990 года, обсуждалась необходимость уголовного преследования государственных преступлений, и важность этих

³ Хотя немецкий термин *Rechtsbeugung* охватывает все формы правоприменения, для обозначения правонарушений судей и прокуроров ГДР в данной статье будет использоваться понятие «извращение правосудия».

⁴ *Marxen, Klaus; Werle, Gerhard; Schäfer, Peter*. Die Strafverfolgung von DDR-Unrecht – Fakten und Zahlen. Hrsg.: Stiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur. Berlin, 2007. S. 8, 55. *Marxen, Klaus; Werle, Gerhard*. Die strafrechtliche Aufarbeitung von DDR-Unrecht – Eine Bilanz. Berlin, Walter de Gruyter Verlag, 1999.

⁵ Там же. S. 11, 12.

мер была признана всеми парламентскими группами. Эта решимость привлечь виновных к ответственности была также подчеркнута восточногерманской делегацией в ходе переговоров об условиях объединения двух стран летом 1990 года. Как следствие этого мандат на уголовные преследования был закреплен в Договоре об объединении, вступившем в силу 3 октября 1990 года¹.

Хотя запрет обратного действия в Договоре сохранялся, в нем специально оговаривалось продление срока давности для преступлений, которые были наказуемы по восточногерманскому Уголовному кодексу, но в силу позиции официальных властей не были расследованы до краха коммунистического режима. В сентябре 1993 года бундестагом был принят закон, по которому срок давности для правонарушений, влекущих наказание в виде лишения свободы сроком до года, был продлен до 31 декабря 1995 года, а для правонарушений, влекущих наказание до пяти лет лишения свободы, — до 31 декабря 1997 года². 22 декабря 1997 года срок давности по подобным преступлениям был вновь продлен — до 2 октября 2000 года. Срока давности по убийствам с отягчающими обстоятельствами в ФРГ не существует, а в случае отсутствия отягчающих обстоятельств срок давности составляет 20 лет.

В 1994 году было создано Центральное следственное управление полиции по расследованию правительственных и партийных преступлений (*Zentrale polizeiliche Ermittlungsstelle für Regierungs- und Vereinigungskriminalität, ZERV*). Триста следователей управления под руководством бывшего начальника полиции Западного Берлина Манфреда Киттлауса должны были проводить соответствующие следственные действия до 1999 года, а по результатам расследований уголовные дела возбуждались Второй прокуратурой (*Staatsanwaltschaft II, StA II*) — также специально созданным органом, к работе в котором с 1 октября 1994 года были привлечены 65 прокуроров под руководством главного прокурора Берлина Кристофа Шефгена.

(1) Дела об убийствах на германо-германской границе

Для большинства немцев государственные преступления режима ГДР ассоциировались

¹ *Offe, Claus; Poppe, Ulrike*. Transitional Justice in the German Democratic Republic and in Unified Germany. In: Elster, Jon (ed.) *Retribution and Reparation in the Transition to Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 260.

² Gesetz zur Verlängerung strafrechtlicher Verjährungsfristen vom 27.09.1993. (BGBl. I, S. 1657).

в первую очередь с убийствами мирных граждан на границе при попытке бегства на Запад. Убийства перебежчиков воспринимались как основное воплощение несправедливости репрессивной системы Восточной Германии, выезд из которой был закрыт для абсолютного большинства граждан. Попытки же покинуть страну в ГДР жестко пресекались, а инциденты на границе тщательно скрывались. Точное число погибших на границе перебежчиков до сих пор окончательно неизвестно. По данным исследовательского проекта, проводимого с 2005 года потсдамским Центром современной истории (*Zentrum für Zeithistorische Forschung Potsdam*) совместно с Мемориалом Берлинской стены (*Gedenkstätte Berliner Mauer*), с 13 августа 1961 года до 9 ноября 1989 года у Берлинской стены погибло по крайней мере 136 человек. Хотя достоверных сведений об общем количестве жертв на германо-германской границе не существует, разные источники называют цифры от нескольких сотен до одной тысячи погибших³.

В ФРГ еще в 1961 году, после возведения Берлинской стены, было создано специальное Бюро регистрации политических преступлений (*Zentrale Beweismittel- und Dokumentationsstelle der Landesjustizverwaltungen, ZEst*). Организованное по аналогии с Центральным ведомством управлений юстиции земель ФРГ по расследованию национал-социалистических преступлений (*Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung nationalsozialistischer Verbrechen*), действовавшее с 1958 года в Людвигсбурге, бюро в г. Зальцгиттер должно было регистрировать случаи, когда пограничники ГДР открывали стрельбу по безоружным беглецам, а также другие серьезные нарушения прав восточногерманских граждан. Таким образом инициатор создания ведомства Вилли Брандт, занимавший в ту пору пост мэра Западного Берлина, планировал заложить «организационную основу для всеобъемлющего и единого федерального уголовного преследования руководства СЕПГ за его преступления»⁴.

После объединения Германии судебные процессы по делам об убийствах на германо-германской границе велись как в отношении непосредственных исполнителей преступлений — пограничников, стрелявших в беглецов, — так и высокопоставленных функ-

³ *Offe, Claus; Poppe, Ulrike*. Op. Cit. P. 266.

⁴ Цит. по: *Brandt, Willy*. Berlin bleibt frei. Politik in und für Berlin 1947-1966. Bearb. von Siegfried Heimann. Berliner Ausgabe; Bd. 3. Bonn: J.H.W. Dietz Nachf. 2004. S. 54.

ционеров СЕПГ и генералов Народной армии, ответственных за создание и функционирование пограничного режима. Последний процесс по данным делам завершился в 2004 году, всего приговоры были вынесены 267 обвиняемым.

Суды над пограничниками ГДР. Чтобы остановить бесконечный поток перебежчиков, 13 августа 1961 года граница между Восточной и Западной Германией была фактически закрыта в одностороннем порядке: была возведена Берлинская стена, и вдоль всей германо-германской границы были усилены меры безопасности, установлены противопехотные мины и системы автоматической стрельбы. Как правило, беглецы из ГДР пытались перебраться через пограничные установки или переплыть границу в местах, где она проходила через воды, разделявшие Восточный и Западный Берлин. В тех случаях, когда люди гибли в результате применения пограничниками огнестрельного оружия, это происходило приблизительно так: поздней ночью пограничники замечали, как человек или группа лиц пытались пересечь границу – по суше или вплавь по реке. После предупредительных сигналов и выстрелов солдаты открывали по перебежчикам огонь из автоматического оружия на поражение. Все случаи имели некоторые общие черты: во-первых, пограничники ежедневно получали указания, что ни при каких обстоятельствах беглецы не должны успеть пересечь границу – в крайнем случае они должны быть «уничтожены»; во-вторых, инциденты должны были храниться в строгой тайне, даже ценой жизни перебежчиков; в-третьих, пограничники, успешно предотвратившие побег, удостоивались впоследствии официальных похвал, отмечались премиями и наградами¹.

Хотя, стреляя по безоружным людям, солдаты погранвойск выполняли приказы или следовали инструкциям, после объединения страны именно исполнители преступлений первыми предстали перед немецкими судами. Первый такой процесс был начат 2 сентября 1991 года в отношении пограничников, обвинявшихся в убийстве 20-летнего Криса Гефроя, который стал последней жертвой пограничного режима ГДР и погиб всего за несколько месяцев до падения Берлинской стены – 5 февраля 1989 года.

Вынося приговор по данному делу 20 января 1992 года, судья Берлинского земельного суда (*Landgericht Berlin*) Теодор Зайдель, ци-

тируя «формулу Радбруха», подчеркнул, что нельзя уважать законы режима, лидеры которого «не пользовались никакой легитимацией» (*durch nichts legitimiert waren*). По мнению суда, правовые стандарты ГДР «грубо противоречили общепризнанным основам верховенства права», поэтому оправдательные аргументы обвиняемых, что они «просто выполняли приказ», стреляя по безоружным людям, являлись неубедительными. «Даже в бывшей ГДР, – заключил судья, – справедливость и гуманность понимались и рассматривались в качестве идеалов». Таким образом, солдаты должны были признать аморальность своих действий: «Стрельба на поражение в тех, кто просто хотел покинуть территорию бывшей ГДР, являлась преступлением против основных норм этики и принципов человеческого общества». Судья также отметил, что, цитируя Радбруха, он проводит непрямую параллель с нацистским режимом, при этом признавая, что преступления национал-социалистов были обширнее, чем преступления режима ГДР. «Тем не менее, – добавил он, – суд не сомневается в правильности следования в данном случае подобному правовому подходу, так как защита человеческой жизни имеет общее значение и вопрос количества убийств здесь не должен являться определяющим (?)»².

Суд приговорил первого пограничника, стрелявшего в Гефроя, к трем с половиной годам лишения свободы без права на условно-досрочное освобождение, второй обвиняемый был осужден на два года условно как соучастник, еще двое были оправданы³. 25 марта 1993 года пятый Сенат по уголовным делам Федерального верховного суда Германии в Лейпциге изменил приговор обвиняемым, полностью отменив решение в отношении одного из них и вынеся условный приговор в отношении второго. Суд основал свое решение на действовавшем в ГДР законодательстве⁴.

Второй судебный процесс начался 18 декабря 1991 года и стал прецедентным для всех последующих разбирательств. Ответчиками по данному делу выступили двое пограничников, застреливших в ночь на 1 декабря 1984 года 20-летнего Михаэля Шмидта, пытавшегося бежать через стену в Западный Берлин. Эта попытка почти увенчалась успехом: беглец успел подняться по стене с помощью привезенной

¹ Geiger, Rudolf. The German Border Guard Cases and International Human Rights // European Journal of International Law, Vol. 9, 1998. P. 542.

² Приговор Берлинского земельного суда от 20 января 1992 года. LG Berlin, 20.01.1992 – (532) 2 Js 48/90 (9/91).

³ Там же.

⁴ Решение Федерального верховного суда от 25 марта 1993 года. BGH, 25.03.1993 – 5 StR 418/92.

лестницы, но был замечен двумя пограничниками, которые после окрика и нескольких предупредительных выстрелов в воздух открыли стрельбу из автоматов. Раненый в спину и колено Шмидт упал с лестницы, после чего двое других солдат перетащили его к сторожевой башне. Несмотря на неоднократные просьбы о медицинской помощи, раненый был оставлен без внимания. Поскольку инцидент должен был держаться в строгом секрете, никто из гражданских лиц или сотрудников чрезвычайных служб не был поставлен в известность. Только через два часа Шмидт был доставлен в полицейскую больницу, где вскоре скончался от полученных ран.

В свою защиту на суде подсудимые заявили, что их действия были оправданы по законам ГДР, действовавшим в момент инцидента. Они ссылались на пункт 2 раздела 27 Закона о государственных границах ГДР, согласно которому пограничники имели право применять огнестрельное оружие, «когда нужно [было] предотвратить неминуемое совершение или продолжение совершения правонарушения»¹. Пересечение стены с помощью специального инструмента (в данном случае — лестницы) считалось по законам ГДР уголовным правонарушением. Председательствовавшая на процессе судья Берлинского земельного суда Ингеборг Теппервайн и ее коллеги избрали подход и аргументацию, отличные от тех, к которым прибегали участники первого судебного процесса. В своем решении от 5 февраля 1992 года суд обратился к Закону о государственных границах ГДР 1982 года, чтобы доказать, что каждый из подсудимых превысил свои полномочия в применении огня на поражение в рамках внутреннего восточногерманского законодательства. Суд признал, что Уголовный кодекс ГДР давал солдатам право использовать некоторые решительные меры для предотвращения незаконного пересечения границы. Тем не менее восточногерманской кодекс, как и кодекс ФРГ, требовал, чтобы средства, используемые для предотвращения преступления, были соразмерны совершаемому преступлению. В этом отношении, по мнению суда, «бегство одного безоружного человека, не представлявшего никакой очевидной опасности для других лиц или предметов» не могло рассматриваться как достаточно серьезное нарушение, чтобы оправдать применение силы со смертельным исходом. Кроме того, в Законе о государственных

¹ Gesetz über die Staatsgrenze der DDR vom 25. März 1982. Quelle: Gesetzblatt der DDR, 1982 I. S. 197-202.

границах ГДР было указано, что пограничники должны были стремиться «сохранить человеческую жизнь, если это возможно» (раздел 27.5). Таким образом, было бы разумно ожидать, что для выполнения своих должностных обязанностей солдаты изберут «наиболее мягкое средство» из имевшихся в наличии — например, «один целенаправленный выстрел в ноги»².

Несмотря на то, что 5 февраля 1992 года обвиняемые были признаны судом виновными в превышении служебных полномочий, оба они были приговорены лишь к условным срокам: первый — к одному году и девяти месяцам, второй — к одному году и шести месяцам лишения свободы условно. Хотя суд признал, что выполнение приказов начальства не могло являться оправданием преступного действия, судья подчеркнула, что двое солдат действовали в условиях, препятствовавших полностью независимому действию с их стороны: «Не эгоизм или преступная энергия» лежали в основе преступления, но «обстоятельства, на которые они не имели никакого влияния, такие как политическое и военное противостояние в разделенной Германии [и] особые условия в бывшей ГДР»³.

3 ноября 1992 года Федеральный верховный суд согласился с судом первой инстанции в части обвинения в убийстве и отклонил довод защиты, что статья 27 Закона о государственных границах ГДР могла являться достаточной основой для оправдания⁴. В своем решении Верховный суд также сослался на международно-правовые акты при оценке законодательства ГДР. В частности, по мнению суда, раздел 27.2 Закона о государственных границах в интерпретации властей ГДР был несовместим со статьями 6 и 12 МПГПП. Статья 12.2 пакта предусматривает, что «каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную», и допускает ограничения на осуществление этого права лишь в исключительных обстоятельствах⁵. Суд постановил, что по-

² Приговор Берлинского земельного суда от 5 февраля 1992 года. LG Berlin, 05.02.1992 — (518) 2 Js 63/90 KLs (57/91). Цит. по: McAdams, James A. The Honecker Trial: The East German Past and the German Future // The Review of Politics, Vol. 58, No. 1, 1996. P. 64.

³ Там же. См. также: Решение Берлинского земельного суда от 5 февраля 1992 года. LG Berlin, 05.02.1992 — (518) 2 Js 63/90 KLs (57/91).

⁴ Решение Федерального верховного суда от 3 ноября 1992 года. BGH, 03.11.1992 — 5 StR 370/92.

⁵ Статья 12.3 МПГПП гласит: «Упомянутые выше права не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других и совместимы с признаваемыми в настоящем Пакте другими правами».

граничный режим ГДР в том виде, в котором он существовал, был несовместим с этим правом, поскольку по восточногерманскому законодательству возможность покинуть страну являлась не правилом, а исключением. Кроме того, суд утверждал, что пограничный режим нарушал статью 6.1 МПГПП, которая предусматривает, в частности, что «никто не может быть произвольно лишен жизни». В соответствии с законодательством ГДР как оно интерпретировалось в то время, побег гражданина через границу должен был быть предотвращен любой ценой, даже ценой жизни беглеца. В связи с этим суд отметил тенденцию во многих странах мира к ограничению полномочий органов государственной власти в применении огнестрельного оружия. Суд также процитировал замечание общего порядка 6.3 Комитета по правам человека ООН, в соответствии с которым «обстоятельства, при которых государственные органы могут лишить кого-то жизни, должны быть строго определены и ограничены законом»¹. Суд пришел к выводу, что лишение человека жизни являлось произвольным в тех случаях, когда беглецы не имели при себе оружия и не создавали ни для кого опасности, поскольку предотвращение побега в подобных случаях было необходимо лишь для воспрепятствования новым попыткам покинуть страну².

Суды над руководством ГДР. Система правосудия объединенной Германии не ограничилась разбирательствами в отношении непосредственных исполнителей преступлений: перед судом также предстали люди, отдававшие приказы и ответственные за создание пограничного режима. Наиболее резонансными в этой связи стали процессы против бывших членов Национального совета обороны, против бывших членов Политбюро ЦК СЕПГ и против бывших генералов погранвойск ГДР.

Процесс по делу Национального совета обороны ГДР. В рамках первого разбирательства в отношении членов Национального совета обороны, на которых возлагалась первоочередная политическая ответственность за пограничный режим и, следовательно, за убийства перебежчиков на границе, изначально перед судом должны были предстать шестеро обвиняемых. Среди них — генеральный секретарь СЕПГ Эрих Хонеккер, бывший премьер-

министр Вилли Штоф и министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке. Другими обвиняемыми по данному делу являлись последний министр обороны ГДР Хайнц Кесслер, бывший начальник Главного штаба Национальной народной армии Фриц Штрелец и бывший председатель Зульского окружного комитета СЕПГ Ганс Альбрехт.

В 1991 году судебные власти Германии выдали ордер на арест Эриха Хонеккера в связи с расследованием преступной практики стрельбы без предупреждения по гражданам ГДР, пытавшимся пересечь границу. Кроме того, Хонеккер обвинялся в злоупотреблении властью и хищении государственной собственности. Однако в тот момент бывшему генсеку удалось скрыться от правосудия в Советском Союзе при поддержке Михаила Горбачева. После смены власти в России, 30 июля 1992 года, Хонеккер был выдворен обратно в Германию, где был вынужден предстать перед судом. В ноябре 1992 года в Берлинском земельном суде состоялись первые слушания по делу Хонеккера, Штофа и Мильке. Однако вскоре судебные разбирательства в отношении данных ответчиков были прекращены из-за их слабого здоровья и/или преклонного возраста. Хонеккер эмигрировал в Чили, где скончался от рака 29 мая 1994 года. Многолетний глава МГБ Эрих Мильке был осужден лишь по другому делу — об убийстве в 1931 году двух офицеров полиции — и приговорен к шести годам лишения свободы.

Остальные члены Национального совета обороны ГДР, обвиняемые по данному делу, — Кесслер, Штрелец и Альбрехт — 16 сентября 1993 года были признаны Берлинским земельным судом ответственными за гибель нескольких человек в возрасте от 18 до 28 лет, пытавшихся покинуть территорию ГДР в период с 1971 по 1989 год путем пересечения границы между двумя германскими государствами. Суд пришел к заключению, что погибшие стали жертвами противопехотных мин, установленных вдоль германо-германской границы, или же огня, открытого по ним восточногерманскими пограничниками. Все приказы министра обороны, включая и те, что касались использования огнестрельного оружия на границе, основывались на решениях Национального совета обороны. Пограничникам был отдан приказ защищать границу ГДР любой ценой, даже если это могло привести к гибели так называемых «нарушителей границы» (*Grenzverletzer*). Суд также отметил, что восточногерманские власти в своей практической деятельности на-

¹ General Comment No. 6: Article 6.3 (Right to life). Sixteenth session (1982).

² Geiger, Rudolf. The German Border Guard Cases and International Human Rights // *European Journal of International Law*. Vol. 9, 1998. P. 540–549.

меренно выходили за рамки правовых формулировок, письменных приказов и должностных инструкций. При этом также игнорировались положения, касающиеся использования огнестрельного оружия на границе. Для пограничников имело значение не писаное право, а то, что им внушали в процессе их обучения, политической подготовки и повседневной службы. Приказ, который в действительности получали пограничники, гласил: «Подразделение <...> обеспечивает безопасность Государственной границы ГДР <...> его обязанность заключается в том, чтобы не допускать нарушения границы, подвергать аресту нарушителей границы или уничтожать их и защищать государственную границу любой ценой...». В случае успешного пересечения границы в отношении находившихся в наряде пограничников военный прокурор проводил расследование¹.

Берлинский земельный суд признал Кесслера, Штрелеца и Альбрехта виновными в подстрекательстве к убийству (*Anstiftung zum Totschlag*), постановив, что они не могут оправдать свои действия ссылкой на раздел 27.2 Закона о государственных границах ГДР, который на практике использовался для оправдания уничтожения перебежчиков с помощью огнестрельного оружия, систем автоматической стрельбы и противопехотных мин. Согласно постановлению суда, государственная практика, санкционированная сверху, являлась «вопиющим и недопустимым нарушением норм правосудия и прав человека, защищаемых международным правом»².

Суд приговорил Хайнца Кесслера к семи с половиной годам, Фрица Штрелеца – к пяти с половиной годам, Ганса Альбрехта – к четырем с половиной годам тюремного заключения. В своем решении суд применил принцип, сформулированный в Договоре об объединении, согласно которому в отношении действий, совершенных гражданами ГДР на территории ГДР, применимо право ГДР, а право ФРГ применяется только в тех случаях, когда оно является более мягким. В данном случае правовой основой для осуждения обвиняемых являлось уголовное право ГДР, применявшееся во время совершения упомянутых действий, но вынесенные приговоры оказались менее суровыми в силу принципа применения более мягкого пра-

ва, каковым являлось право ФРГ³.

Федеральный верховный суд согласился с приговором и его обоснованием, а в случае Альбрехта повысил меру наказания до пяти лет лишения свободы. 24 октября 1996 года Федеральный конституционный суд отклонил жалобы осужденных, постановив, что приговоры не противоречат конституции⁴. Данное решение суда содержало важные выводы, касающиеся запрета обратного действия и проблемы несправедливого закона. Суд, в частности, отметил, что «строгий запрет обратного действия закона, закрепленный в пункте 2 статьи 103 Основного закона, находит свое конституционное основание (*rechtsstaatliche Rechtfertigung*) в особом фундаменте доверия, который поддерживают уголовные законы, если они были введены в действие демократической законодательной властью, обязанной уважать основные права граждан». Однако, по мнению суда, «этот особый фундамент доверия не срабатывает в тех случаях, когда <...> государство законом определяет некоторые действия как серьезные уголовные преступления и в то же время исключает возможность применения наказания, давая основания для оправдания некоторых из этих действий и даже требуя и поощряя их, несмотря на положения писаного права, и таким образом грубо нарушая права человека, признанные международным сообществом. Таким образом, носители государственной власти создали на государственном уровне антиправовую систему, которая могла существовать только до тех пор, пока фактически существует государственная власть, которая ее породила»⁵.

Федеральный конституционный суд сослался на труды Густава Радбруха, а также на международные соглашения в области прав человека, фактически дополнившие «формулу Радбруха» более конкретными оценочными критериями и создавшие основу для определения, когда государство нарушает права человека в соответствии с нормами мирового правового сообщества. Таким образом, суд признал возможность исключений из закона обратного действия «в тех случаях, когда позитивное право в недопустимой степени не согласуется со справедливостью». Сославшись на постановление Федерального конституционного суда от 14 февраля 1968 года, суд привел в пример период национал-социалистического правления,

¹ Цит. по: Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Штрелец, Кесслер и Кренц против Германии» (Жалобы NN 34044/96, 35532/29 и 44801/98). Пер. Ю. Берестнева и Е. Крючковой. Страсбург, 22 марта 2001 года.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Решение Федерального конституционного суда от 24 октября 1996 года. BVerfG, 24.10.1996 – 2 BvR 1851/94.

⁵ Там же.

который «показал, что законодательная власть способна навязывать с помощью закона явное «зло» <...>, так что в тех случаях, когда норма закона в недопустимой степени не согласуется со справедливостью, она с самого начала не должна применяться». Точно так же «оправдание, которое ставит запрет на пересечение границы выше права на жизнь, не должно иметь юридической силы по причине того, что оно явно и в недопустимой мере нарушает нормы справедливости и прав человека, защищаемые международным правом. Рассматриваемое нарушение настолько серьезно, что является посягательством на правовые концепции, касающиеся ценности и достоинства человеческой личности, которые являются общими у всех народов. В таких случаях позитивное право должно уступить место справедливости»¹.

Процесс Политбюро. Второй громкий процесс начался в 1995 году против бывших членов Политбюро ЦК СЕПГ. По мнению прокуратуры, руководители бывшей ГДР занимали достаточно высокие посты, чтобы содействовать либерализации пограничного режима ГДР, но не сделали этого. Обвиняемыми по данному делу стали последний генеральный секретарь СЕПГ и председатель Государственного совета ГДР Эгон Кренц, бывший главный редактор газеты *Neues Deutschland* Гюнтер Шабовски и бывший министр машиностроения Гюнтер Кляйбер. Как бывшие члены Политбюро ЦК СЕПГ (а Кренц еще и член Национального совета обороны, а также ответственный секретарь ЦК по вопросам безопасности) обвиняемые должны были предстать перед судом в качестве лиц, несущих ответственность за пограничный режим ГДР. Обвинения по данному делу были также предъявлены бывшим членам Политбюро Эриху Мюккенбергеру, Курту Хагеру, Хорсту Долусу и Гарри Тишу, однако из-за преклонного возраста или слабого здоровья подозреваемых судебные разбирательства в отношении них были прекращены.

Решением от 25 августа 1997 года Берлинский земельный суд признал Кренца, Шабовски и Кляйбера виновными в гибели четырех молодых людей, пытавшихся покинуть территорию ГДР в период с 1984 по 1989 год. Суд приговорил Эгона Кренца к шести с половиной годам тюремного заключения, а Гюнтера Ша-

бовски и Гюнтера Кляйбера – к трем годам за преднамеренное убийство в качестве основного косвенного исполнителя (*Totschlag in mittelbarer Täterschaft*).

В ноябре 1999 года Федеральный верховный суд поддержал по всем пунктам решение Берлинского земельного суда, не приняв доводы защиты, ссылавшейся, в частности, на статьи Основного закона и на принцип неприменения обратного действия законов, касающихся уголовных преступлений. 12 января 2000 года коллегия из трех судей Федерального конституционного суда отказалась принять к рассмотрению жалобу Кренца, сославшись, в частности, на решение от 24 октября 1996 года².

Все обвиняемые, приговоренные к лишению свободы, отбыли лишь часть срока и были досрочно освобождены из-под стражи. Кренц, который начал отбывать наказание 13 января 2000 года, провел в заключении в условиях полутюремного режима (*offener Strafvollzug*) четыре года вместо шести с половиной лет. 18 декабря 2003 года он был досрочно освобожден из берлинской тюрьмы «ввиду малой вероятности повторения преступления». И Шабовски (с декабря 1999 года), и Кляйбер (с 18 января 2000 года) провели в заключении только год: вскоре после взятия под стражу они подали прошения о помиловании, в которых полностью признали свою вину и осудили режим ГДР. В сентябре 2000 года правящий бургомистр Берлина Эберхард Дипген принял решение об их помиловании, в результате чего Кляйбер был выпущен на свободу 6 сентября, а Шабовски – 2 декабря того же года.

Процесс над генералами. В рамках другого громкого процесса 27 октября 1995 года перед Берлинским земельным судом предстали шестеро бывших генералов пограничных войск ГДР: бывший командующий погранвойск ГДР, генерал-полковник Национальной народной армии в отставке Клаус-Дитер Баумгартен, а также его заместители, бывшие генералы погранвойск Гюнтер Габриель, Карл Леонхарт, Герхард Лоренц, Дитер Тайхман и Хайнц-Оттомар Тиме.

10 сентября 1996 года суд признал Баумгартена виновным в убийстве и покушении на убийство в ряде случаев, имевших место в период с 1980-го по 1989 год, приговорив его к лишению свободы на срок шесть с половиной лет. Суд пришел к выводу, что Баумгартен был ответственен за убийство или за попытку убий-

¹ Цит. по: Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Штрелец, Кесслер и Кренц против Германии» (Жалобы NN 34044/96, 35532/29 и 44801/98). Пер. Ю. Берестнева и Е. Крючковой. Страсбург, 22 марта 2001 года.

² Там же.

ства лиц, которые были застрелены пограничниками или подорвались на минных заграждениях, пытаясь пересечь границу между бывшей ГДР и ФРГ. 30 апреля 1997 года Федеральный верховный суд отклонил апелляцию Баумгартена, а Федеральный конституционный суд отклонил его конституционную жалобу 21 июля 1997 года, постановив, что предыдущие решения суда не нарушили его конституционных прав. Остальные обвиняемые были также приговорены к наказанию в виде лишения свободы от трех лет и трех месяцев до трех лет и девяти месяцев.

18 августа 1995 года в уголовной палате Берлинского земельного суда начался другой процесс — против девяти генералов бывшей Народной армии ГДР и одного адмирала морского флота. Поскольку шестеро обвиняемых смогли добиться прекращения в отношении них производства по данному делу (по состоянию здоровья), приговор суда от 30 мая 1997 был вынесен оставшимся четырем подсудимым — бывшему заместителю министра обороны и начальнику по вооружениям и технологиям полковнику в отставке Иоахиму Гольдбаху, бывшему главе кадровой администрации генерал-лейтенанту в отставке Харальду Людвигу, бывшему главному инспектору Народной армии ГДР генерал-лейтенанту в отставке Хайнцу Хандке, а также последнему начальнику гражданской обороны генерал-полковнику в отставке Эриху Петеру. Все они были признаны виновными в убийствах и приговорены к довольно умеренным срокам тюремного заключения: Гольдбах и Людвиг — к трем годам и трем месяцам, Хандке — к двум годам и десяти месяцам. Петер был приговорен к году и десяти месяцам условно¹.

Всего, по данным Берлинской прокуратуры на 2004 год, перед Берлинским земельным судом предстали 246 человек в 112 процессах, в ходе которых примерно половина обвиняемых были оправданы, а 132 приговорены к условным или реальным срокам лишения свободы. Среди осужденных — 10 руководящих членов СЕПГ, 42 представителя военного командования и 80 пограничников. Перед судом в г. Нойруппин в 19 процессах предстал 31 обвиняемый, из них 19 человек были приговорены к условным срокам заключения².

¹ Fricke, Karl Wilhelm. „Grenzverletzer sind festzunehmen oder zu vernichten“. Zur Ahndung von Tötungsdelikten an Mauer und Stacheldraht // Die politische Meinung Nr. 381/August 2001, S. 15.

² Bräutigam, Hansgeorg. Die Toten an der Berliner Mauer und an der innerdeutschen Grenze und die bundesdeutsche Justiz. Versuch einer Bilanz // Deutschland Archiv 37, 2004. S. 975.

Жалоба в Европейский суд по правам человека. Некоторые из осужденных бывших членов Национального совета обороны ГДР и Политбюро ЦК СЕПГ, а именно Кесслер, Штрелец и Кренц, обратились с жалобой в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге. Осужденные утверждали, что действия, за которые они были привлечены к ответственности, на момент совершения не являлись правонарушениями в соответствии с внутренним и международным законодательством, и что по этой причине их осуждение немецкими судами являлось нарушением пункта 1 статьи 7 ЕКПЧ (то есть нарушало запрет обратного действия).

Однако, рассмотрев данную жалобу, суд пришел к заключению, что государственная практика ГДР была поставлена выше полномочий юстиции режима СЕПГ, грубо нарушавшего права своих граждан на жизнь и свободу перемещения. Более того, суд установил личную ответственность заявителей за «широкое несоответствие законодательства ГДР практике государства»: «Занимая очень высокие посты в государственном аппарате, они явно не могли не иметь представления о Конституции ГДР и законодательстве ГДР или о международных обязательствах страны и критике ее режима охраны границы, которая звучала в международных кругах. Более того, они сами осуществляли или поддерживали этот режим, дополняя законы, публиковавшиеся в Official Gazette ГДР, секретными приказами и служебными инструкциями об укреплении и совершенствовании установок по защите границы и о применении огнестрельного оружия. В приказе о его использовании, который был дан пограничникам, они настаивали на необходимости защищать границы ГДР «любой ценой» и арестовывать «нарушителей границы» или «уничтожать их»³. Действия заявителей как отдельных лиц были определены как уголовно наказуемые статьей 95 Уголовного кодекса ГДР, которым уже было предусмотрено в его редакциях 1968 и 1977 года следующее: «Всякий, кто своим поведением нарушает основные права человека, <...> не может ссылаться на закон, приказ или письменную инструкцию; он несет за это уголовную ответственность». Поэтому суд пришел к выводу, что «заявители несут личную ответственность за рассматриваемые действия», а также «прямую ответственность за положение

³ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Штрелец, Кесслер и Кренц против Германии» (Жалобы NN 34044/96, 35532/29 и 44801/98). Пер. Ю. Берестнева и Е. Крючковой. Страсбург, 22 марта 2001 года.

ние, которое сложилось на границе между двумя германскими государствами с начала 1960-х годов до разрушения Берлинской стены в 1989 году»¹.

Кроме того, суд высказал мнение, что «для государства, руководящегося верховенством права, возбуждение уголовных дел против лиц, которые совершили преступления при прежнем режиме, является законным. Точно так же и суды такого государства, заняв место тех, которые существовали прежде, не могут подвергаться критике за применение и толкование правовых положений, действовавших во время совершения каких-либо действий, в свете принципов, которыми руководствуется каждое правовое государство». На основании этих выводов 22 марта 2001 года ЕСПЧ четырнадцатью голосами против трех признал приговоры немецких судов законными.

(2) Процессы по делам об извращении правосудия

По обвинениям в извращении правосудия в объединенной Германии был вынесен 181 обвинительный приговор. Среди разбирательств в отношении бывших представителей восточногерманской судебной системы, пожалуй, наибольшее общественное внимание привлекло дело судьи Верховного суда ГДР Ганса Райнварда, обвинявшегося в неправосудном вынесении смертных приговоров четырем обвиняемым. В 1994 году Берлинский земельный суд признал Райнварда виновным в нарушении закона, убийстве и покушении на убийство и приговорил его к трем годам и девяти месяцам лишения свободы. 16 ноября 1995 года Федеральный верховный суд поддержал приговор суда первой инстанции. В своем решении суд подробно изложил принципы, которыми руководствовался в деле о смертной казни, и представил обоснование наказуемости назначения подобной меры наказания восточногерманскими судьями.

Постановив, что смертная казнь в принципе является неприемлемой мерой в современном обществе, представляющей непоправимое и фундаментальное нарушение права на жизнь, суд отметил, что в случае применения данной крайней меры вынесение и исполнение смертного приговора может быть допущено только в четко определенных исключительных случаях, когда речь идет о наказании за тяжкое правонарушение и вину (как в специфических случаях умышленных убийств). Все остальные случаи, в которых мерой наказания была избрана смерт-

ная казнь, должны быть подвергнуты всеобъемлющему критическому анализу, особенно в области политического уголовного правосудия, где риск злоупотреблений наиболее очевиден. Произвольные, грубые нарушения прав человека имеют место, если действие, наказуемое смертной казнью, не было совершено или если подобное наказание несоразмерно тяжести совершенного деяния. Суды ГДР были поэтому обязаны ограничивать применение смертной казни в области политического и уголовного права и ограничивать ее исполнение только случаями серьезных правонарушений. Применение этой крайней санкции не допускалось, если наказуемое деяние не наносило серьезного урона и не причиняло больших страданий. Если судья слепо следовал распоряжениям руководителей страны, исполняя их желания, находя лазейки в законе и тем самым нарушая права человека, оставаясь при этом убежденным, что он действует в соответствии с законами государства, впоследствии он не имел права ссылаться на ошибочное намерение. Примечательно, что в своем решении суд также указал на недостаточность юридической проработки прошлого в отношении смертной казни судами послевоенной ФРГ, где подобные дела вообще не рассматривались².

Кроме того, в своем решении суд впервые указал на три группы ситуаций, в которых можно констатировать извращение правосудия и очевидное грубое нарушение прав человека, отмеченное произволом. Речь шла, во-первых, о случаях, когда состав преступления был произвольно растянут; во-вторых, когда наказание было явно непропорционально деянию, по которому вынесен приговор, и, в-третьих, когда имели место серьезные процессуальные нарушения прав человека. В более позднем решении от 22 октября 1996 года (по делу о взятии под стражу семейной пары за намерение принять в 1988 году участие в оппозиционной демонстрации) Федеральный верховный суд подробнее раскрыл возможные ситуации, связанные с извращением правосудия. Так, к первой категории были отнесены дела, в которых правоприменитель, выходя за пределы буквы закона или пользуясь его неопределенностью, до такой степени растягивал состав преступления, что наказание, особенно в виде лишения свободы, должно рассматриваться как очевидная несправедливость. Извращение правосудия налицо и тогда, когда назначенное судом нака-

¹ Там же.

² Решение Федерального верховного суда от 16 ноября 1995 года. BGH, 16.11.1995 – 5 StR 747/94.

знание явно несоразмерно тяжести преступления и должно поэтому рассматриваться как вопиющая несправедливость и грубое нарушение прав и свобод человека. К серьезным нарушениям прав человека относится и такая организация процесса, в том числе и уголовного, при которой уголовное преследование и наказание служили не цели осуществления правосудия, а использовались для устранения политических оппонентов или определенных социальных групп¹.

Другой громкий процесс над представителями юстиции бывшей ГДР имел отношение к преследованиям известного диссидента и критика восточногерманского режима Роберта Хавеманна (1910 – 1982). Политические преследования Хавеманна в ГДР начались после того, как в 1963/64 учебном году знаменитый ученый-химик, директор Института кайзера Вильгельма по физической химии и электрохимии в Берлине-Далеме, бывший во время Второй мировой войны членом движения Сопротивления, прочел в Гумбольдтовском университете курс лекций «Научные аспекты философских проблем», позднее опубликованный в сборнике «Диалектика без догм?» (*Dialektik ohne Dogma?*). 12 марта 1964 года Хавеманн был исключен из СЕПГ за то, что «под флагом борьбы против догматизма он отошел от линии марксизма-ленинизма и изменил делу рабочих и крестьян». В 1965 году ученому запретили работать по профессии, а 1 апреля 1966 года он был исключен из Академии наук ГДР.

После того, как в 1976 году в открытом письме Хонеккеру Хавеманн выразил протест против изгнания из ГДР известного композитора и исполнителя Вольфа Бирмана и это обращение было опубликовано в западногерманском журнале *Der Spiegel*, 26 ноября 1976 года районный суд Фюрстенвальде вынес постановление о заключении Хавеманна под домашний арест. Три года спустя, в 1979 году, против Роберта Хавеманна было открыто уголовное дело в связи с «незаконными валютными операциями». Реальной целью преследования было стремление оказать давление на диссидента за его публикации в западногерманской прессе.

В середине 1990-х годов к суду по делу Хавеманна были привлечены пятеро судей и двое прокуроров, обвинявшихся в извращении правосудия в ходе процессов 1976-го и 1979 годов.

¹ См. Решения Федерального верховного суда от 16 ноября 1995 года и 22 октября 1996 года. BGH, 16.11.1995 – 5 StR 747/94. BGH, 22.10.1996 – 5 StR 232/96 DRsp Nr. 1997/430.

После того, как в своем решении 1997 года Земельный суд во Франкфурте-на-Одере оправдал обвиняемых, не усмотрев в их действиях преступного умысла, 10 декабря 1998 года Федеральный верховный суд отменил приговор суда первой инстанции в четырех случаях и направил дело на пересмотр в Земельный суд в Нойруппин. Решение Верховного суда содержало явное указание на то, что процессы 1976-го и 1979 годов являлись частью длившегося десятилетиями преследования политического оппонента, были организованы государством и не имели реальной связи с обычным отправлением правосудия. В этом решении была также установлена сложная взаимозависимость между политической системой и системой юстиции ГДР². 14 августа 2000 года Земельный суд в Нойруппине признал двух бывших прокуроров ГДР, заключивших Хавеманна под домашний арест, виновными в извращении правосудия и приговорил каждого из них к году лишения свободы условно³.

Выводы. Оценки уголовных преследований лиц, ответственных за преступления восточногерманского режима, в Германии неоднозначны. С одной стороны, поводом для общественной критики и недоумения не раз служило относительно небольшое количество дел, дошедших до суда. В то время как изначально было открыто расследование по 75 тысячам дел в отношении приблизительно 100 тысяч подозреваемых, лишь 1 737 лицам в 1 021 случае в итоге были предъявлены обвинения. 14% этих дел (143) не дошли до суда либо из-за отказа прокуроров от предъявления обвинения, либо из-за отказа судов в открытии дел. В некоторых случаях, как в ситуации с Хонеккером, Мильке и Штофом, судебные разбирательства были прекращены из-за преклонного возраста или слабого здоровья обвиняемых. В результате обвинения были предъявлены и перед судом предстали около 1 400 человек (или 1,4% от 100 тысяч, в отношении которых изначально проводились следственные действия). При этом только 756 (54%) из них в конечном итоге был вынесен приговор, 336 (24%) оказались оправданными. В тех же случаях, когда обвиняемых признавали виновными, для них чаще всего избирались довольно легкие формы наказа-

² Решение Федерального верховного суда от 10 декабря 1998 года. BGH, 10.12.1998 – 5 StR 322/98.

³ Приговор Земельного суда в Нойруппине от 14 августа 2000 года. LG Neuruppin, 14.08.2000 – 11 KLs 363 Js 1291/93 (5/99).

ния: штрафы или условные сроки заключения (в 92% случаев). Исследовательский проект «Уголовная юстиция и нарушение права в ГДР» насчитал лишь 46 случаев взятия под стражу, когда осужденные не были привлечены к ответственности условно. Большинство этих арестов касались высокопоставленных руководителей партии и правительства. Только в 7% случаев обвиняемые были приговорены к лишению свободы на срок более двух лет (53% приговоров – от года до двух тюрьмы, 47% – менее года). Даже тогда, когда обвиняемые были приговорены к непродолжительным реальным срокам заключения, они нередко содержались в условиях полутюремного режима, амнистировались или освобождались досрочно¹.

Для некоторых наблюдателей подобные цифры свидетельствовали о неудаче судебной системы в обеспечении правосудия. Их разочарование нашло воплощение в известной фразе восточногерманской правозащитницы, художницы Бэрбел Болей: «Мы хотели справедливости, а получили верховенство права».

Хотя критика со стороны бывших восточногерманских диссидентов и гражданских активистов не лишена оснований, необходимо признать, что сами факты обращения в суд и достижения беспристрастных приговоров с различными результатами внесли существенный вклад в процессы восстановления справедливости и исторической правды о политической и правовой системе ГДР. Судебные разбирательства в объединенной Германии, продолжившие процесс уголовного преследования, инициированный в ГДР с ноября 1989 года, характеризовались всесторонностью, скрупулезностью и профессионализмом. Немецким судам удалось продвинуться на пути юридической проработки прошлого, выработав решения на основе принципов международного права и доказав, что они преследовали цель отправления правосудия и отнюдь не стремились вершить «правосудие победителей» (в чем их часто обвиняли представители бывшей восточногерманской номенклатуры). В частности, постановление Федерального конституционного суда о том, что приговоры, вынесенные судами нижестоящих инстанций высшим должностным лицам ГДР – членам Политбюро ЦК СЕПГ, членам

¹ Marxen, Klaus; Werle, Gerhard; Schäfer, Peter. Die Strafverfolgung von DDR-Unrecht – Fakten und Zahlen. Hrsg.: Stiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur. Berlin, 2007. S. 9, 32, 54. Coming to Terms: Dealing with the Communist Past in United Germany. Berlin: Bundesstiftung Aufarbeitung 2011. P. 36-37.1994. S. 4.

Национального совета обороны и представителям военного командования погранвойск, – не противоречат Основному закону страны, укрепило актуальность универсально применимых норм международного права и их приоритет перед национальными, внутрисударственными правовыми нормами, грубо нарушающими права человека². Таким образом, система правосудия дала явный сигнал: нарушения прав человека не должны оставаться безнаказанными, даже если согласуются с национальными законами, приказами и распоряжениями. Законы же, противоречащие общепризнанным нормам международного (или естественного) права, являются неправовыми, и, следовательно, лишены юридической силы.

Многочисленные апелляции к «формуле Радбруха», а также ссылки на международно-правовые акты в решениях Федерального верховного и конституционного судов по делам об убийствах на германо-германской границе и об извращении правосудия в ГДР, несомненно, способствовали укреплению уважения к основным правам человека и принципам справедливости в объединенной Германии и единой Европе³.

Заключение

Говоря о факторах, определивших юридическо-правовую проработку восточногерманской диктатуры, необходимо еще раз подчеркнуть, что механизмы «правосудия переходного периода» и направления дальнейшей работы по осмыслению коммунистического режима СЕПГ были выработаны внутри самой ГДР еще до объединения двух германских государств. Консолидация восточногерманского общества в борьбе за сохранение и за открытие доступа к архивам органов госбезопасности, за недопущение к руководящим позициям и на государственную службу бывших агентов и осведомителей спецслужб, а также проведение первых судебных разбирательств в отношении виновных в государственных преступлениях определили вектор юридическо-правовой проработки прошлого уже в объединенной Германии. Можно предположить, что энергичная деятельность и бескомпромиссность гражданских активистов в последний год существования ГДР существенно расширили базу поддержки

² Решение Федерального конституционного суда от 24 октября 1996 года. BverfG, 24.10.1996 – 2 BvR 1851/94.

³ Dreier, Horst. Gustav Radbruch und die Mauerschützen // Juristenzeitung, Heft 9/1997. S. 421-434.

предлагаемых ими путей расчета с коммунистическим прошлым в немецком обществе как на востоке, так и на западе страны. Национальный опрос, проведенный через полгода после объединения, в мае 1991 года, показал, что жители Германии полностью разделяли позицию, артикулированную восточногерманскими диссидентами в отношении приоритетных направлений осмысления коммунистической диктатуры. Так, 94% считали важной задачей сохранение архивов Штази («очень важной» считали эту задачу 60%, «важной» – 34%), столько же опрошенных считали «очень важным» (71%) или «важным» (23%) юридическо-правовое преследование основных виновных в преступлениях режима ГДР¹.

Значимость восточногерманских протестов и их роль для национальной истории сохранилась в общественном сознании и спустя годы после объединения. По данным национального опроса, проведенного Институтом социологических исследований TNS Emnid в 2009 году, 82% респондентов (85% на востоке и 81% на западе страны) выразили мнение, что восточные немцы могут гордиться мирной ликвидацией власти СЕПГ². 82% также согласились, что протесты и демонстрации в ГДР осенью 1989 года являются важным событием для общегерманской истории (противоположного мнения придерживались лишь 12%)³. И это несмотря на то, что в том же опросе протесты в ГДР заняли лишь третью позицию среди главных причин краха режима СЕПГ. По мнению респондентов, основную роль в прекращении существования ГДР сыграли экономические факторы, а также горбачевская политика перестройки и трансформации в Польше и Венгрии (каждую из этих двух причин выбрали 34% опрошенных). Только 18% назвали протесты в ГДР осенью 1989 года в качестве основной причины конца коммунистического режима⁴.

Таким образом, признание значимости восточногерманских протестов в контексте общей истории – это, прежде всего, оценка нравственных заслуг восточногерманских граждан в отстаивании своих прав и своего достоинства, а также в способности сформулировать и отстаивать позицию, ставшую впоследствии основой

национального консенсуса. Несмотря на сложность процесса объединения двух государств, доля граждан, признающих, что в ГДР массово нарушались права человека, в современной Германии очень высока. Опрос, проведенный Институтом Infratest dimap в ноябре 2009 года, хотя и выявил существенные расхождения в оценках режима ГДР на востоке и западе Германии, все же показал, что большинство жителей страны признают неправомерный характер восточногерманского государства. Этот тезис поддержали в целом 72% опрошенных (78% на западе и 51% на востоке страны), не согласились с ним 14% западных и 40% восточных немцев (19% затруднились с ответом)⁵.

Конечно, в разные периоды значимость прошлого ГДР для немецкого общества не оставалась неизменной. Так, в 1991 году на вопрос «Стоит ли как можно скорее подвести черту и оставить прошлое в покое, или нужно открыть всю правду о прошлом, даже если в ходе этого процесса выявится множество неприятных фактов?» 70% западных и 63% восточных немцев высказались за второй вариант, и лишь 20 и 36% соответственно – за первый. Однако вскоре на первый план стали выходить практические жизненные проблемы, вызванные объединением страны, и интерес к прежнему режиму стал угасать⁶. Уже в конце 1991-го – начале 1992 года количество выступающих за открытый расчет с прошлым сократилось до 55% на западе и до 40% на востоке страны, а число желающих подвести черту под прошлым достигло в 1992 году около 30% на западе и 45% на востоке Германии⁷.

Необходимо, однако, отметить, что к моменту, когда актуальность и значимость прошлого в общественном сознании начала снижаться, важнейшие шаги, способствовавшие долгосрочному осмыслению коммунистиче-

⁵ Beurteilung der DDR als ein Unrechtsstaat in West und Ost // Infratest dimap. November 2009.

⁶ Подобная тенденция наблюдалась и в России после распада СССР. В 1991 году 57% респондентов были согласны с тем, что в результате коммунистического переворота страна оказалась на обочине истории, однако одновременно происходило и нарастание защитных реакций, выражавшихся в поддержке тезиса о том, что пресса «слишком много уделяет места теме сталинских репрессий» (62%; что «слишком мало» – 16%; ноябрь 1990 года). См.: Гудков, Лев. Русский неотредактированный и сопротивление переменам // Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. С. 663.

⁷ IPOS, Probleme der Innenpolitik, Mai 1995. FGW, Politbarometer. Roth, Dieter. Vergeben und Vergessen? Die Meinung der Mehrheit heute. In: Wahrheit – Gerechtigkeit – Versöhnung. Menschliches Verhalten unter Gewaltherrschaft. Dokumentation. 6. Bautzen-Forum der Friedrich-Ebert-Stiftung. 9. bis 10. Juni 1995. S. 116 – 119.

¹ IPOS: Einstellungen zu aktuellen Fragen der Innenpolitik. 16-31 Mai 1991.

² Ostdeutsche stolz auf friedliche Überwindung der SED-Herrschaft // TNS Emnid. Juni 2009 года.

³ Bewertung der Ereignisse in der DDR im Herbst 1989 // TNS Emnid. Juni 2009.

⁴ Faktoren für das Ende der SED-Herrschaft // TNS Emnid. Juni 2009.

ского режима ГДР в Германии уже были приняты: к концу 1991 года объединенный парламент выработал и принял Закон о документации МГБ ГДР и создал на его основе важнейший общественный институт — Ведомство Федерального правительства по управлению архивами Штази. Большую роль в принятии этих решений сыграли как восточно-, так и западногерманские элиты, сумевшие проявить политическую волю и своевременно ответить на общественный запрос, связанный с необходимостью восстановления исторической правды и общественной справедливости. Хотя не все лидеры объединенной Германии разделяли подобный подход, важно, что призывы к открытому расчету с прошлым исходили от представителей самых разных политических сил на различных уровнях. К примеру, Клаус Кинкель, занимавший в период объединения Германии пост министра юстиции (а в 1992 — 1998 годах — пост министра иностранных дел) так высказался в ходе парламентской сессии в сентябре 1991 года в поддержку идеи привлечения виновных к ответственности: «Мы должны наказать преступников. И дело вовсе не в том, что победитель творит свой суд. Мы находимся в долгу перед идеалом юстиции и перед жертвами. Должны быть наказаны все, кто отдавал преступные приказы и кто выполнял их, высшие руководители СЕПГ и те, кто убивал людей у стены». Напомнив о том, что в прошлом революции всегда сопровождалась ликвидацией представителей старой системы, Кинкель отметил, что «такие методы чужды правовому государству. Насилие и месть ни в коем случае несовместимы с законом. В то же самое время мы не можем допустить того, чтобы эти проблемы были положены под сукно. Таким способом нельзя покончить с ужасным прошлым, потому что последствия могут быть катастрофическими. Мы, немцы, по своему собственному опыту знаем, куда это может завести»¹.

Опыт осмысления нацистской диктатуры в послевоенной ФРГ, многолетняя борьба за восстановление правды и привлечение к ответственности виновных в массовых преступлениях Третьего рейха действительно значительно повлияли на то, что Германия на столь раннем этапе обратилась к выработке комплекса мер по осмыслению опыта коммунистической диктатуры. По примеру денацификации, начатой в Западной зоне оккупации Германии и так или иначе продолженной в послевоенной

¹ Келер, Джон. Секреты Штази. История знаменитой спецслужбы ГДР. Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2000. С. 35.

ФРГ, меры «правосудия переходного периода», принятые объединенной Германией, предполагали несколько важнейших социально-политических шагов, осуществленных юридическо-правовым путем и направленных на то, чтобы воспрепятствовать процессу социокультурного воспроизводства прежних отношений². Эти меры включали, во-первых, практику осуждения и уголовного преследования виновных в государственных преступлениях коммунистического режима. Во-вторых, они предполагали отстранение прежних сотрудников и осведомителей органов госбезопасности от руководящих позиций в органах исполнительной и судебной власти, от занятия любых ответственных постов на государственной службе, в армии и полиции, спорте и бизнесе, а также препятствие их избранию в органы представительной власти. Кроме того, процессы проверки и люстрации были нацелены на недопущение лиц, сотрудничавших со Штази, к репродуктивным системам общества — главным образом к преподаванию в школах и университетах, а также ключевым позициям в институтах культуры и масс-медиа.

Важно, однако, понимать, что помимо описанных в статье юридическо-правовых мер в объединенной Германии были предприняты немалые усилия по общественной, культурной, исторической проработке прошлого. Исследованием репрессивной системы ГДР и осмыслением наследия коммунистического режима занимались, в частности, специальные экспертные парламентские комиссии (*Enquete-Kommission*), функционировавшие на протяжении двух легислатур. Первая Комиссия бундестага по проработке истории и последствий диктатуры СЕПГ (*Enquete-Kommission zur Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur*) действовала с 1992-го по 1995 год, вторая — с 1995-го по 1998-й. Одним из главных результатов работы комиссий, активное участие в которых наряду с парламентариями принимали профессиональные историки, стала публикация 32 томов материалов, заложивших важную основу для дальнейших научных исследований³. Кроме того, по итогам работы второй ко-

² См. Гудков, Лев. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка / Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. С. 432.

³ Materialien der Enquete-Kommission "Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland" (12. Wahlperiode): 9 Bände in 18 Teilbänden / Hrsg. vom Deutschen Bundestag. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1995. Materialien der Enquete-Kommission „Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im Prozeß der deutschen Einheit“ (13. Wahlperiode) / Hrsg. vom Deutschen Bundestag. 8 Bände in 14 Teilbänden. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1999.

миссии бундестага «Преодоление последствий диктатуры СЕПГ в процессе германского единства» (*Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im Prozess der deutschen Einheit*) в 1998 году был создан Федеральный фонд проработки диктатуры СЕПГ (*Die Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur*), призванный способствовать всеобъемлющему изучению причин, истории и последствий периода советской оккупации Восточной Германии и режима ГДР¹.

За последние 20 лет в Германии были созданы десятки мест памяти, связанных с историей советской оккупации и восточногерманской диктатуры: музеи, мемориальные и документационные центры появились в бывших советских специальных лагерях для интернированных; в тюрьмах, находившихся в ведении советских войск в Восточной Германии; в местах содержания под стражей в ГДР, включая тюрьмы и следственные изоляторы в ведении Штази; в бывших административных зданиях МГБ ГДР; в местах бывших пограничных пунктов на германо-германской границе. Раскрытию данной тематики только в Берлине посвящена работа таких институтов, как Германо-российский музей в Берлин-Карлсхорсте (*Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst*); «Дворец слез» у вокзала на Фридрихштрассе (*Tränenpalast am Bahnhof Friedrichstraße*); Мемориал и документационный центр Берлинской стены (*Gedenkstätte Berliner Mauer*); Мемориал Хоэншенхаузен (*Gedenkstätte Berlin-Hohenschönhausen*) в здании бывшей советской, а с 1951 года — следственной тюрьмы МГБ; Музей Берлинской стены «Дом у Чекпойнт-Чарли» (*Mauermuseum — Museum Haus am Checkpoint Charlie*); музей «Советский специальный лагерь НКВД № 7/№ 1» в Мемориальном комплексе и музее Заксенхаузен (*Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen. Das Sowjetische Speziallager Sachsenhausen Nr. 7/Nr. 1*); музей «Памятные места приемного лагеря Мариенфельде» (*Erinnerungsstätte Notaufnahmelager Marienfelde*); Музей ГДР (*DDR-Museum*); Музей Союзников (*Aliierten Museum*); Немецкий исторический музей (*Deutsches Historisches Museum*); Научно-мемориальный центр Норманненштрассе, включающий музей и архивы Штази (*Stasi Museum und Archiven: Forschungs- und Gedenkstätte Normannenstraße*); постоянная экспозиция Ведомства по работе с архивами

¹ Подробнее о работе экспертных парламентских комиссий см.: Beattie, Andrew H. An Evolutionary Process: Contributions of the Bundestag Inquiries into East Germany to an Understanding of the Role of Truth Commissions // *The International Journal of Transitional Justice*, Vol. 3, 2009. P. 229–249.

МГБ «Штази. Выставка о госбезопасности» (*Dauerausstellung der BStU «Stasi. Die Ausstellung zur DDR-Staatssicherheit»*).

Деятельность этих и многих других подобных мемориальных комплексов и музеев по всей стране нацелена на поддержание памяти о восточногерманском прошлом, на постоянную актуализацию исторических событий и общественную рефлексию. Многие из этих институтов преследуют образовательные цели, занимаются разработкой концепций преподавания истории ГДР, подготовкой пособий для средних школ и проектов внеклассного образования, организуют сети для работы со свидетелями коммунистической эпохи и т.д.

Особенно много усилий по напоминанию о событиях прошлого, их анализу, интерпретации роли в судьбе страны предпринимается в Германии в связи с историческими годовщинами. Подобные общественные кампании находят отражение в массовом сознании, влияя на динамику общественных настроений. Например, в 2009 году, когда в Германии отмечался 20-летний юбилей падения Берлинской стены, Институт демоскопии в Алленсбахе представил результаты опроса, впервые проведенного в 1992 году и повторенного в 2009-м в начале и конце года (то есть до и после даты падения Берлинской стены 9 ноября). Респондентов попросили выразить согласие или несогласие с некоторыми высказываниями о ГДР. Как выяснилось в ходе опроса, с тезисом о том, что «человек в ГДР чувствовал себя несвободным, поработанным», согласились 54% опрошенных в 1992 году, 37% — в начале 2009 года и 57% — в ноябре 2009 года. Мнение о том, что «человек в ГДР чувствовал, что за ним следили, и не мог почти никому доверять», поддержали 43% в 1992 году, 30% — в начале 2009 года и 39% — в ноябре 2009 года. С тем, что «во времена ГДР было ужасно видеть столько требующего вмешательства беззакония и не иметь возможности ничего с этим поделать», были согласны 34% опрошенных в 1992 году, 23% — в начале 2009 года и 32% — в ноябре 2009 года². Как видно из результатов, ответы респондентов в начале и конце 2009 года значительно разнятся, в то время как мнения, высказанные после празднования 20-летнего юбилея падения Берлинской стены, ближе к данным начала 1990-х годов (когда восприятие событий и память о них были еще более живыми и яркими), чем начала 2009 года.

² Allensbach-Analyse: Auch die „Mauer in den Köpfen“ fällt - 20 Jahre Mauerfall // FAZ, 25.11.2009.

Другой пример имеет отношение к 50-летней годовщине июньского народного восстания в ГДР 1953 года. В начале 2000-х годов соцопросы выявили довольно низкую осведомленность немецких граждан об этой исторической дате. В частности, в ходе опроса, проведенного Институтом изучения общественного мнения Emnid в июне 2001 года, выяснилось, что лишь 43% опрошенных знали о том, что произошло 16–17 июня 1953 года в Восточной Германии (при этом среди опрошенных молодежь 29 лет не могли правильно ответить на вопрос 82%)¹. Однако уже три года спустя и сразу после того, как в июне 2003 года в Германии отмечалось 50-летие народного восстания, опрос Общества социальных исследований и статистического анализа Forsa показал, что число компетентных граждан возросло до 68%. Примечательно, что наиболее сильный рост наблюдался в самой молодой аудитории: если до юбилейной даты в начале июня 72% затруднились ответить на вопрос о том, что случилось 17 июня 1953 года, то в конце месяца – лишь 37%².

Динамика общественных настроений в связи с годовщинами падения Берлинской стены и народного восстания 1953 года свидетельствует о важности проработки прошлого в том смысле, который в это понятие вкладывал его автор – социолог и философ Франкфуртской школы Теодор Адорно, призвавший в 1959 году сограждан к непрерывной общественной рефлексии, критическому осмыслению причин и последствий национального прошлого в публичной сфере³.

Наряду с реализованными объединенной Германией стратегиями «правосудия переходного периода», включавшими уголовные преследования, люстрацию и открытие архивов Штази, историческое осмысление наследия коммунистической диктатуры в публичной

сфере способствовало открытию правды о прошлом, частичному примирению жертв коммунистического режима, а также выработке нормативной перспективы, обосновывающей необходимость отказа от существенных признаков репрессивной системы.

Немецкий опыт осмысления двух диктатур свидетельствует о том, что проработка тоталитарного прошлого несет в себе не только важный морально-нравственный смысл, но и имеет непосредственное отношение к стратегиям общественно-политического развития. Четкая оценка прошлого, в котором имела место организованная государством система террора, выработка мер по свершению правосудия, наказанию ответственных за преступления, восстановлению верховенства права и созданию новых оснований общественного договора являются не только важными инструментами перехода к политической системе демократии и правовому государству, но и эффективными средствами достижения демократической консолидации и формирования демократической политической культуры⁴. В то же время отказ от подобной работы, тенденция к замалчиванию, табуизации и одновременной мифологизации прошлого грозят возвратом недемократических практик, возрождением властного произвола и системы безнаказанности. Иными словами, отказ от выработки политически-правового ответа на систематические нарушения прав человека при прежнем репрессивном режиме грозит воспроизводством прежних практик и новыми массовыми нарушениями прав и свобод граждан. Россиянам, отказавшимся в постсоветский период от реализации любых описанных в данной статье мер «правосудия переходного периода», сегодня не приходится, к сожалению, далеко ходить за примерами.

¹ Allgemeine Wissenslücke // Der Spiegel 25/2001.

² Опрос проводился Обществом социальных исследований и статистического анализа Forsa 20-23 июня 2003 года по заказу Федерального фонда проработки диктатуры СЕПГ.

³ Адорно, Теодор. Что значит «проработка прошлого»? // Неприкосновенный запас, № 2-3 (40-41), 2005. С. 42.

⁴ Подробнее о влиянии процессов проработки нацистского прошлого на трансформацию политической культуры и демократическую консолидацию в послевоенной Западной Германии см.: Лёзина, Евгения. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 4 (110), 2011. С. 17-37. Она же. Трансформация политической культуры в посттоталитарных обществах: постсоветская Россия и послевоенная ФРГ в сравнительной перспективе // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. № 1 (111), 2012. С. 32-63.

Игорь ДОЛУЦКИЙ

ЕГЭ по истории как средство ретрадиционализации¹

Редко кто из нынешних страдальцев по прекрасному брежневскому далеку отдает себе отчет в том, насколько всеобъемлющим и глубоким был кризис, переживавшийся Империей времени упадка... Естественно, вступившая в стадию обязательного всеобщего среднего образования (т. е. обязанная учить всех всему: только у нас, только в советской школе дети изучают основы астрономии!) школа продвигалась в общей кильватерной колонне отдельных кризисов.

Поздние брежневские годы и ранние черненкоские месяцы обогатили школу не только разговорами, но и какими-то реформами. И... ничего не изменилось. Потому что кризис советской школы не был обусловлен вступлением в стадию «всеобщего-обязательного». Его истоки и не в 1930-50-х годах, когда лично тов. Сталин занялся проблемами преподавания и учебниками. Начало школьного Беломорканала можно отсчитывать от второй программы РКП (1919 г.). В области народного просвещения коммунистическая партия ставила своей задачей «довести до конца... дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества». «Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще», но и разнообразного «влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм».

Эту программу и выполнял Сталин. Действовала она до 1961 года. Третья программа

КПСС помимо прочего предполагала решение триединой задачи, одна из которых — формирование человека коммунистического общества. Как далеко продвинулись проводники и формирование, подробно рассказано в работах Левада-Центра.

Мы, учителя, неплохо работали. Это наши воспитанники учудили Чернобыль, а потом грудью бросались на реактор. Мы их так учили. Это наши ребята воевали в Афганистане. И не прошли они антивоенными маршами по Красной площади, не бросали к мавзолею своих наград. Это наши девчонки, отсидев на уроках по этике и психологии семейной жизни, стали интер- и просто девочками.

Можно условно разделить школьные предметы на естественные, неестественные и противоестественные. К последним, несомненно, относились история (и обществоведение), труд, физкультура и НВП. Положение школьной истории было особенно трагичным. Она (и обществоведение) — не просто предмет, а предмет идеологический. С гордостью изрекал декан истфака МГУ Ю. С. Кукушкин перед первокурсниками: «Вы пришли учиться на идеологический факультет». Юрий Степанович был не просто деканом, он же и завкафедрой истории СССР периода социализма, он же отвечал за координацию большой науки и школы, он же — основной автор вузовского учебника истории и школьных учебников по отечественной истории XX века. А свои юрийстепановичи были в каждом университете, во множестве пединститутков. И все они штамповали бойцов идеологического фронта. Это к ним — лейтенантам запаса (их военно-учетная специальность, как правило, предполагала контрпропаганду, работу с войсками и населением противника) — были обращены октябрьские призывы ЦК КПСС: «Работники идеологического фрон-

¹ От редакции: Мы открываем новую рубрику, в которой периодически планируем публиковать личные позиции наших потенциальных респондентов по изучаемым нами проблемам.

та! Убежденно и страстно несите идеи партии в массы, глубже и ярче вскрывайте достижения общества развитого социализма! Активно разоблачайте подрывную империалистическую пропаганду! Идеологическая работа — дело всей партии, каждого коммуниста!». Кстати, учитель истории (и особенно обществоведения) имел привилегию — вступить в партию «без очереди». Сложнее было не вступить.

Но и эти фронтовые учителя чувствовали (некоторые как будто понимали), что «все не так, ребята!». Авторитарно-натаскивающая методика, ключевые вопросы — что, где, когда, главные задачи запомнить и пересказать пункт учебника в последней четверти XX в. не срабатывали. Дети спрашивали не по учебнику: «А, правда, что Никита стучал ботинком в ООН?», «Сколько ракет мы завезли на Кубу?», «Почему наши в 1941-м убежали до Москвы, а в 1942-м — до Волги?», «Сколько народа убил Сталин?». Учитель — носитель Истины?! Но он же о ней ничего не знает. Большая наука и учебники молчат. Учебники 9 класса кончались торжеством социалистической демократии в связи с принятием Конституции 1936 года. А 10-й класс начинался торжеством ее же в связи с XVIII съездом партии в 1939 году. Но, по счастью, помимо школы была и жизнь. И ко второй половине 1970-х выяснилось, что вместо обещанного ранее коммунизма в Москве в 1980-м году состоятся Олимпийские игры. Рухнула изначальная великая цель. Но кризис, как и положено всеобъемлющему, поразил и средства обучения-контроля, кадры и все-все-все прочее.

Учителя истории — в основном женщины со своими проблемами, отнимающими почти все свободное время. Они ходили через год на курсы повышения квалификации при методических кабинетах, записывали каждое слово лектора. Но не поспевали за детьми. История — это войны, схватки, потрясения. Мальчишечья игра — не девчачья. А учительница — зануда: «Открыли учебники и прочитали». Так ведь и учебники по большей части занудные. Они — безлюдные (антигуманные!). Поколения пацанов искали хоть что-нибудь о мушкетерах. Кардинал Ришелье — есть (даже потом и Мазарини появился), а этих весельчаков — нет. Зато есть шествие железных законов истории по ступеням пяти формаций и главный персонаж — государство. В советской школе на истории вообще изучали законы и биографии различных государств. При этом очевидно — маленькое государство хуже большого, а уж империя-то лучше всех прочих. Сильное централизованное государство — верх мечтания лучших людей,

а раздробленное, слабое — заслуга предателей, отщепенцев, мерзавцев.

Гласность, перестройка, крушение коммунизма, распад СССР ничего не изменили в положении школьной истории. Ее кризис осознали все. Со страшной наглядностью выявились, что истории никто не знает. Большинству учителей и прочих фронтовиков казалось, что все можно поправить с помощью новых учебников. А что до идеологии, то мы все равно будем воспитывать гармоничных людей, дисциплинированных патриотов с прежним набором солдатских добродетелей. Помню, в 1988 г. московские учителя призывали воспитывать юных дзержинцев.

Появилось по несколько десятков учебников на каждую «параллель», а учителя выбору не обучены. Их всегда привлекали краткие курсы с единственно верной трактовкой. Свобода выбора и даром не нужна. И потом — как же сдавать экзамены!? Сумятица нарастала, а все прочее оставалось без изменений. Ошарашенные учителя, академики по вызову (как ядовито выразился В. Суворов), трусливые бездарные чиновники в министерстве помрачения, авторитарная педагогика. Да к тому — скепсис детей и падения авторитета учителей. Они же до последнего расписывали преимущества развитого социализма. Как кручинилась одна несчастная: «Я же вижу, что они мне не верят! Но они же понимают, что я так должна говорить. Они меня жалеют...».

И вот в этакую среду решают внедрить антикризисное средство в виде ЕГЭ. Государство не в состоянии изжить общий школьный кризис и пытается взять под контроль хотя бы итоги хаотичного процесса, пропустить Ниагару через решето.

Однажды на перемене мне попался тест по литературе. И в нем зацепил вопрос: «Что украл Левий Матвей в хлебной лавке?». Уже собрался бежать к учительнице литературы (а она даже книжечку напечатала «Как готовиться к ЕГЭ по литературе?»): «Что ж ты, сестричка, деешь-то? Ты еще спроси «в белом плаще с каким подбоем»?...». Но тут дети говорят: «Там есть интересные вопросы». Вот: «Чем булгаковская история отличается от евангельских?». Начали обсуждать, перемена кончилась, на уроке продолжили. Кто-то и Библию листал, а в целом они помнили, что Мария Марковна говорила. Ну, объявляю, меня больше интересует, почему булгаковская история отличается от канонических. И в классе, не сходя с места, мы прояснили. Евангелия — рассказы очевидцев. Значит, кто-то видел иначе, чем апостолы. Кто бы это

мог быть? А вон тот, что и на террасе был, инкогнито. То есть это евангелие от Сатаны! Этот вывод всех нас ошарашил. Короче, тест — хорошая штука для поиска неизвестного рассеянного знания. Хорош как элемент развивающего обучения. Но ведь его же используют не для этого, во-первых.

Во-вторых, литература, история — по определению гуманитарные предметы, посему они плохо поддаются формализации, которая может отразить самый низкий общий уровень. Тестовые задания по истории в их нынешнем виде в лучшем случае позволяют оценить 2-3 вида памяти из 7-8 возможных и минимум сообразительности. Поэтому в лучшем случае они подходят для проверки «удачливых троечников» (что-то знают, что-то списали, о чем-то догадались) и занудных зубрил-хорошистов. В сумме эти категории выпускников дадут не более 40%.

Простые примеры. Воспользуюсь «Самым полным изданием тестовых вариантов заданий ЕГЭ»¹. Догадайтесь с одного раза: «Какая из названных операций произошла на начальном этапе Великой Отечественной войны? — 1. Сражение на Курской дуге. 2. Форсирование Днепра. 3. Московская битва. 4. Снятие блокады Ленинграда. Как думает «веселый троечник»? «Что раньше было? Точно не Ленинград и не Курск. И Москва осенью-зимой. Значит — Днепр». Как анализирует очень умный и знающий ребенок? Это от 5 до 10% выпускников. Операция — это то, что «мы» проводили. Хронология такая: Москва, Курск, Ленинград. А когда «наши» форсировали Днепр? После Курска. А в 1941-м просто убежали без всяких операций. Может быть задание неудачное? Да, некорректное...

А вот задание из 3-й части теста — о дворцовых переворотах XVIII века. Некоторые историки рассматривают этот период как значительный шаг назад в развитии государственности. А другие полагают, что это был период дальнейшего развития российской государственности. Надо выбрать более предпочтительную точку зрения и привести не менее трех фактов, положений, подтверждающих выбор². «Хорошист» и «веселый троечник» сообразят, что надо валить все в кучу (государство — наше все) и наберут про развитие массу примеров: там и мануфактуры-торговля, и университет, и в Берлин наши зашли. Слабые, неуверенные троечники и безнадежные лодыри (т. е. до 45% старшеклассников) запнутя. Государственность? Это что-то вроде власти. Нам говорили, что ни-

чего там не менялось — самодержавие (кстати, так подумают и отличники). А какие еще два аргумента? Вот в лучшем случае и один балл из трех возможных. Сами составители в государственность включают и внешнюю политику, развитие образование и науки, таможенные пошлины, развитие экономики.

В-третьих, некорректных вопросов и ответов излишне много даже в цитируемом сборнике «Официального разработчика контрольных измерительных материалов». Оказывается колхоз — это форма хозяйствования, при которой средства производства находились в совместной собственности и под общественным управлением его участников³. Нормальный учитель, разбирая «Великий перелом», конечно же объяснит классу и вместе с классом придет к выводу, что никакой общественной собственности и тем более управления в колхозе не было, а был он государственным хозяйством с некоторыми формальными отличиями от совхозов. Некоторые учителя умудряются с детьми посмотреть и фильм «Председатель», там и про выборы хорошо показано. Конечно, рассуждая примитивно логически, выпускники могут догадаться, что речь в задании идет о колхозе (не о заводе же), не о кооперативе. А это уже «подходит»!?

Некорректность вопросов и ответов — системная. Практически в каждом варианте есть 2-3 задания, допускающие широкую вариативность трактовок. Порой создается впечатление, что делается это вполне сознательно. Самый курьезный случай: задание — назвать имя первого московского князя. В учебниках сказано о Даниловичах, а несколько лет назад составители определили — Юрий Долгорукий. Похоже, составители заданий отстают на шаг, другой даже от официальной науки. Так, в состав Российской империи все еще «входят», она сама «присоединяет», никогда и ничего не захватывая⁴. Сталинский «режим» — всего лишь «авторитарный»⁵. Тоталитаризм так напугал составителей, что они вообще не употребляют это понятие. Не пользуются они и терминами «модернизация», «шовинизм». Зато самодержавие у них — все еще «абсолютная монархия»⁶. Ну, это бы ладно, а то, что среди участников подписания пакта о ненападении с Германией фигурирует лишь Молотов⁷, а главнейший персонаж пропал, идиотски нелепо. Из той же серии уверенность составителей в том, что от петровских

¹ ЕГЭ 2013. История. Я.В. Соловьев, Е.А. Гевуркова. Самое полное издание типовых вариантов заданий. М., Астрель 2012., с. 31, 145.

² Там же, с. 37

³ Там же, с. 90, 140.

⁴ Там же, с. 99, 51, 54, 74, 164.

⁵ Там же, с. 174.

⁶ Там же, с. 30.

⁷ Там же, с. 36.

реформ погибли только тысячи, а не миллионы людей¹. Поколения советских людей и россиян росли на мифах, многие из которых все-таки рушатся в последнее время. Не надо думать, все с детства знают, в каком сражении произошла крупнейшая танковая битва². Но аккурат к 60-летию Курского сражения, наконец, развеялся миф о Прохоровке и встречной танковой битве стальных армид.

Конечно, национальная гордость великороссов уже давно переросла стадию самолюбования, но в многонациональной стране, для которой экзамен по истории единый, некорректно предлагать рассказ из летописи «...поганые прикрыли головы... поганые бросились... поганые повернули...» (с. 106).

Допустим, все нелепости и несуразности будут устранены. Скажем, путем широкого привлечения к созданию заданий всех желающих, открытого конкурса? Может быть, тогда все станет хорошо? Нет, не станет. Порочен принцип отбора вопросов и заданий. В первой части вариантов зачастую попадают задания типа: «Выберите из четырех терминов один относящийся к политической системе — дембель, дюбель, дятел, демократ»³. Во второй части некорректные вопросы и ответы избыточны. Но хуже всего с третьей частью. Здесь, как видно, составители ожидали творческого взлета от выпускников, максимального проявления умений и навыков. И что же? Анализ «документов» и т. п. еще терпимы — тут вмешательство составителей минимально. А вот задания на выбор точек зрения крайне плохи, т. к. строятся по принципу Карлсона, который все еще живет на крыше. Он любил ставить такие вопросы: «Ты перестала пить по утрам коньяк? Отвечай «да» или «нет»?» Ученик, например, должен выбрать из оценок Столыпина⁴: 1. Его политика была направлена на защиту интересов дворян-помещиков; 2. От его политики выигрывала лучшая часть русского крестьянства. Вообще-то, обе точки зрения не противоречат друг другу и соответствуют действительности. В подобных случаях надо не выбора требовать, а ставить вопрос: «Ты-то что думаешь, какова твоя точка зрения?»

Можно ли изменить принципы составления заданий в рамках этой системы ЕГЭ? Можно. Но для этого придется составить 2-3 варианта с разной степенью сложности по нарастающей, т. е. максимум первого уровня — это нижний рубеж второго и т. д. И ежели кто думает об ист-

факе МГУ, то принужден будет справляться со вторым или третьим уровнем. И если бесшабашные статские советники захотят ввести обязательный экзамен по истории, то лишь 1-й уровень (вариант) будет обязательным и доступным для всех, а за прочие уровни — добровольные — могли бы давать дополнительные баллы.

Но разумнее пойти иным путем. Наряду с тестовой должны быть и другие формы сдачи приема экзамена. Следует не просто допустить разнообразие форм, но и дать выпускнику (а не школе в целом) право выбора подходящей именно ему формы. Третью часть проработав в школе, вынужден признать детскую правоту: знать историю и сдавать экзамен по истории — это разные вещи.

Если это так, то нелепость нынешнего ЕГЭ по истории очевидна. Общим знаменателем, государственным требованием, ориентиром для авторов учебников и учителей может служить государственный стандарт, т. е. честно заявленные минимальные государственные интересы «в области истории». Разговоры о стандарте идут уже лет 20, а его нет. Ни государство, ни гражданское общество не решили, что им требуется от школьной истории, потому что все еще собираются воспитывать патриотов, чувство гордости за свою... Поэтому и остаются старые критерии. Что значит: «Дети знают историю?» Должны помнить 80-90% дат, терминов, имен. И уметь связно пересказать соответствующий вопросу текст из учебника. Государство вместо эталона-ориентира пытается навязать школе единый бесппроблемный оптимистический позитивистский учебник, сработанный «историками по вызову». Но допустим, государь прикажет и стандарт сочинят (да вот же и объявили «конкурс на создание концепции исторического образования»).

И опять ничего не изменится. Потому что в нашей российской ситуации государство — главный фальсификатор истории. И, кроме того, оно завещало, что «кадры решают все». А кадры эти привыкли выполнять начальственные предписания и в том же направлении уродуют молодую поросль. В школу пришло новое поколение серых безынициативных исполнителей. А тут еще непрерывные коррупционные скандалы в школах и в кузницах учительских кадров — педуниверситетах. «Как же работать по учебникам А.А. Данилова, если у него на факультете лишили степеней дюжину кандидатов и докторов наук за плагиат? То есть списывали они, а мы детей за списывание...?», — восклицали учителя. Но серьезные эксперты развели руками, а какое это имеет отношение к учебникам?

¹ Там же, 185.

² Там же, с. 75.

³ Там же, ср. с. 96, 97, 73 задания А 15, А 10, А 4.

⁴ Там же, с. 92.

Никакого отношения к школе не имеет и «большая историческая наука». Впрочем, как в советские годы никакой науки не было, так нет и сейчас. Сплошные идеологические страдания. Советская историческая наука всегда претендовала на обладание абсолютной истиной, третируя западную буржуазную историографию за порочные связи с холодной войной. Изведя к концу 1960-х гг. ересь нового исторического направления, жрецы марксистской ортодоксии во главе с академиком, недавним директором Института российской истории А.Н. Сахаровым почти 40 лет почивали на лаврах. В своем последнем историографическом обзоре точек зрения на ключевое понятие родной истории – самодержавие – А.Л. Янов вынужденно констатирует: «Чем глубже проникали мы в лабораторию «истинной науки», тем больше убеждались, что за фасадом высокомерных претензий на абсолютную истину лежала лишь куча парадоксов, полная теоретическая беспомощность, дефиниционный хаос»¹. Впрочем, отнести это можно не только к этому понятию или ко всему «периоду феодализма». Убожество «науки» о XX в., ее полнейшая беспомощность и бездарность стали в последние годы очевидны после работ В. Суворова и М.С. Солонина. Между тем, академики А.Н. Сахаров и Ю.С. Кукушкин ушли на административный покой совсем недавно.

Для чистоты эксперимента и некоторых выводов выполним задание в стиле тестов ЕГЭ. Определите, к какому времени в истории нашей страны можно отнести следующее описание: «Все звенья политической системы советского общества максимально быстро перегруппировали свои силы, сконцентрировав их на главных направлениях... Еще больше укрепился союз рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции». «Бурными темпами росло промышленное производство». «Колхозный строй вновь продемонстрировал свое преимущество». «Рост жизненного уровня трудящихся СССР» просто удивлял. Большой шаг вперед сделан «советской биологической наукой, а также «в области общественных наук». «Значительно оживилась литературная жизнь». Это все из вузовского учебника истории СССР². Итак, выбираем: это 1649 г., 1913 г., 1920-е, начало 1950-х. Академик думает, что правилен последний вариант. Конечно, верность идеалам заслуживает уважения, но при чем здесь наука?

¹ А. Янов «Европейское столетие России. 1480-1560. М., Новый хронограф, 2008. С. 309.

² История СССР. Эпоха социализма. Под ред. Ю. С. Кукушкина. М., 1985. с. 340, 346, 350-351, 365.

Поэтому академик Сахаров пошел иным путем. Срочно забыв, как он сам и вверенное ему учреждение травили «последнего евразийца» Л.Н. Гумилева, Сахаров переqualificировался из столпов догматического марксизма в столп неоевразийства. Вот как теперь звучит лебединая песня официальной науки в школьном учебнике для восьмого класса: «Российские территориальные приращения осуществлялись не в борьбе за стратегические сферы влияния, рынки сбыта товаров и источники сырья, а в многовековой борьбе за самовывживание, в отражении постоянной агрессии с юга, запада и востока» «Присоединение Казахстана, Крыма, Северного Кавказа, прибалтийских и западных районов вызывалось потребностями России обезопасить свои государственные рубежи. Варварские и жестокие нашествия соседей разоряли страну, препятствовали ее спокойному и поступательному развитию»³. Особенно, надо думать, это касалось «прибалтийских районов», где, как всем известно, у России никогда никаких интересов не было, но где веками копили силы кровожадные воинственные финны, эсты, ливы и, в особенности, латы. Короче, вся эта чуждь, воль и весь мешала нашему поступательному развитию. А уж как ему препятствовали авары и прочие чеченцы: ведь как было бы славно спокойно дойти до Индии или Персии. Так нет! Мешают!

Империя – предмет гордости. А вот и еще один «предмет»: «Русские монархи всегда несли ответственность не перед смертными, как это происходило в некоторых западноевропейских странах, а перед Богом, что для православного христианина являлось наивысшей формой ответственности»⁴. Принося глубочайшее соболезнование «некоторым странам», замечу: любой учебник должен хотя бы минимально соответствовать требованиям научности; между тем, как известно, доказать наличие или отсутствие Бога вроде бы невозможно, т.е., это предмет веры, каковая в светской школе не к месту. А с другой стороны, может, не горячиться и выразить соболезнования россиянам. Дело в том, что еще В.О. Ключевский полагал: «Властный человек в Древней Руси так легко забывал, что он не единственный человек на свете, и не замечал рубежа, до которого простирается его воля, и за которым начинаются чужое право и общеобязательное приличие. Древнерусская набожность имела довольно ограниченное поле действия, поддерживала религиозное чувство,

³ А.Н. Боханов. Истории России XIX в. 8 кл. (под ред. А.Н. Сахарова) М., Русское слово, 2005. с. 4

⁴ Там же, с. 6.

но слабо сдерживала волю...»¹. Василий Осипович разбирал времена Алексея Михайловича. По всему выходило — «слабо сдерживала». Приходилось православным бунтовать, врываться в Коломенское и, покручивая пуговицы на царевом кафтане, бить с государем по рукам, чтобы он свои нелепые соляные да медные решения отменял. А вот возьмем великих уже из XVIII века Просвещения — герра Питера и матушку Екатерину. Как сейчас рассказать детворе, что убыль податного населения в петровское правление составила от седьмой (Е.В. Анисимов) до пятой (П.Н. Милуков) части?² Можно даже, углубляя межпредметные связи с математикой, прикинуть: ревизия 1722 г. определила население империи в 15 млн. человек, примерно половина из них — податные людишки. Это сколько ж будет убыли-то? Цифра-с, сударь вы мой! На заре модернизма В.О. Ключевский заметил: «В обществе, утратившем чувство права, и такая случайность, как удачная личность монарха, могла сойти за правовую гарантию»³. Вот он, позитивизм, до чего доводит, даже по ползновений нет на поиски небесных гарантий. Оставляла матушка Империю с 200-миллионным долгом: понятно, войны всякие, польские разделы и т.п. И все — без удержу. Но считается, что пара дюжин екатерининых фаворитов обошлась казне в 95 млн. руб. — это примерно полтора годовых дохода страны. Таковы плоды «наивысшей формы ответственности».

Впрочем, «предметов» для гордости множество: особый параграф в бохановском учебнике выделен для рассказа о двух графах — А.Х. Бенкендорфе и С.С. Уварове. Сии подвижники государственной службы верили «в силу и блестящие перспективы страны», уверяли «что Российская империя богата своей неповторимостью», а «модным теориям о «равенстве» и «свободе» противопоставили «изучение школьниками отечественной государственности», «чтобы подрастающее поколение обучалось в духе православия, самодержавия и народности»⁴. Там и картинки есть: сами графы, в приемной графа Бенкендорфа, фамильный герб С.С. Уварова, Жалованная грамота Николая I С.С. Уварову на графский титул. Не забыт и император: вот его поясной портрет, а вот и парадный, вот сударь награждает Сперанского, а тут «Офицерская шинель государя». «Его треугольная шля-

па и серый походный сюртук». Ура! Боже, царя храни! Да вот, и сам гимн (с. 157). Как-то князь П.А. Вяземский, осерчав на очередную «неповторимость», черкнул А.С. Пушкину, де, что ни делай, а останется мое имечко в истории, а вот Александра Христофоровича забудут, ибо, вероятно, Россия не воздвигнет никогда пантеона жандармам. Ошиблись, Ваше сиятельство, не нашлось Вам места в школьном учебнике истории с пантеоном.

Почти 20 лет назад Ю.А. Левада заметил, что наш традиционализм «апеллирует не к «доброту» историческому прошлому, а к «священному» (мифологизированному) позапрошлому, к сакральной чистоте истоков»⁵. Да, именно плюсквамперфектум! А с историей XX в. просто беда. «Наибольшую гордость в отечественной истории» вызывает у россиян, как известно, «победа в Великой Отечественной войне». «Концентрация национальной гордости вокруг такого события... несет явную функцию возвышения самооценки. А это не только мешает трезвой оценке уроков мировой войны и ее последствий, но задает упрощенную оценочную рамку всему историческому сознанию...»⁶ В.В. Бешанов, в своей последней книге «Горькая правда о ПОБЕДЕ. Кровавый 1945 г.» настаивает: «... стоит копнуть чуть глубже «современного уровня», и обязательно упрусь в «корифея всех наук» — либо «Краткий курс ВКП(б)», либо «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Это и есть то святое, что высочайше велено не трогать. Рассказывать о реальных событиях и фактическом положении дел по-прежнему непатриотично...»⁷.

«Вся наша официальная военная история... вся история войны шарлатанская... Брежневский двенадцатитомник — наш национальный позор», пишет В. Суворов⁸. Фальсификация «Великой Отечественной» начинается еще до начала военных действий — с «названия», и далее идет по нарастающей. И что получается в школе? Оказывается, что «22 июня 1941 г. войска Германии и ее союзников (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии) вторглись на территорию Советского Союза от Северного Ледовитого океана до Черного моря». Это из «Истории Отечества» для 11 класса, созданной группой товарищей под редакцией Н.В. Загладина⁹. Книжка победила на конкурсе учебни-

¹ В.О. Ключевский. Русская история. Кн. 2. М., Мысль 1995. с. 416.

² Е.В. Анисимов. Податная реформа Петра I. М., 1987; П.Н. Милуков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб, 1892 г.

³ В.О. Ключевский. Русская история. Кн. 3. с. 267.

⁴ А.Н. Боханов. Истории России XIX в. 8 кл. (под ред. А.Н. Сахарова) М., Русское слово, 2005, с. 79-85.

⁵ Ю.А. Левада. От мнений к пониманию. М., МШПИ, 200. , с. 65.

⁶ Там же, с. 247.

⁷ «Горькая правда о ПОБЕДЕ. Кровавый 1945 г.» М., Яуза, 2013. с. 7

⁸ В. Суворов. Самоубийство М., АСТ, 2010. с. 28, 32.

⁹ История Отечества. 11 класс. Под ред. Н.В. Загладина. М., Русское слово, 2005, с. 224.

ков, и авторский коллектив скромно выразил «глубокую благодарность... комитету Победа под председательством... В.В. Путина». Так вот, задаю детям вопросы: сколько ошибок допустили авторы в цитированной фразе, какие именно, чем их объяснить? Беретесь ли и вы вычеркнуть страны, не напавшие на СССР 22 июня? И можете (хотя бы для себя) по карте показать фронт вторжения? Новые песни придумала жизнь. И очередной лидер государственного шарлатанского позора — творение под ред. А.А. Данилова и А.В. Филиппова при участии администрации президента «История России 1900-1945 гг.» тоже для выпускного класса. Они нам сообщают, что «помимо субъективных причин неудач Красной Армии в начале войны» «существовала и причина объективная: соотношение сил на западной границе было в пользу Германии»¹. Сочините пару заданий в стиле ЕГЭ на основе этой фразы и попробуйте сами его выполнить. На что я намекаю? В данной конкретной (русской) ситуации ЕГЭ по истории при наличии единого государственного учебника становится средством углубления и распространения фальсификации, т.е. он опасен и вреден.

В начале третьего тысячелетия нашей эры случилось так, что нелегкая судьба выпускников юрфака ЛГУ стала забрасывать их на вершину Боровицкого холма и заставлять отвечать буквально за все. За воду и водку, лес и леску, газ-нефть и трубы, футбол и плавание — особенно синхронное, полеты во сне и наяву. И, естественно, за историю школьную и вообще. Как-то подошел государь к карте и что же видит — граница всего в 20 км от Ленинграда! А с той стороны напоздаст на нас линия Маннергейма и клубятся злые силы финских белоохранителей. Делать нечего — надо воевать, исправлять ошибки ранних большевиков! Вообще-то Выборгскую губернию в состав Финляндии передал еще в 1811 г. государь Александр I, что и определило границу. Но государь нынешний предложил гордиться каждой страницей нашей истории. Надо полагать и от финской войны «гордо нам в натуре», хотя СССР исключили из Лиги Наций как агрессора, бомбившего мирное население.

Повел государь грозными очами и говорит: хочу, чтобы в школе был единый учебник истории, чтобы был он написан с единых позиций, без всяких противоречий, и чтобы, говорит, гордиться. И повелел — создать! Академики, доктора, доценты с аспирантами обещают, через два года будет!

¹ История России 1900-1945 гг. Под ред. А. А. Данилова и А. В. Филиппова. М., Просвещение, 2009, с. 337, 339.

Конечно, всякие там формации, какие раньше на истфаках и юрфаках проходили, нынче не в моде. И хотя, оказалось легко переименовать кафедры истории КПСС и научного коммунизма в кафедры политологии-социологии, но история партии с историей церкви пересекаются причудливо, противоречиво. Да и не все же историки — монархисты, среди которых тоже нет единства. И потом не все уже перешли в постмодернизм, иные старички, на Лотмане да Пушкине воспитанные, уверены и по сию пору, что Уваров С.С. — если и не злейший враг Пушкина, то враг просто, но уж никак не образованнейший человек. А, впрочем, зря суежились историки по вызову.

Уже имеются единые образцы. Такие, что любо-дорого. Еще в 1988 г. член-корреспондент АН СССР Л.В. Милов напечатал огромный том «Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса». По оценке рецензентов, один из ведущих историков страны создал новую концепцию социально-экономической истории России с учетом решающего воздействия природной среды.

Историческое ядро России — Нечерноземье — расположено в зоне рискованного земледелия. Тут и климат уж больно континентальный, и почвы худые. Срок сельскохозяйственных работ короткий. Надо сеять то, что именно здесь и произрастет, т.е. рожь. Но урожайность зерновых низкая — сам-3 (т.е. 4-5 центнеров с гектара). Зимы долгие. Скот после зимовки тощий. Кормов не хватает. Навоза для удобрения — тоже. Как тут повысить урожайность? И все по кругу, из века в век. С экономической точки зрения труд крестьянина нерентабелен. Совокупный продукт невелик. Мужики бедные. Ожидать расцвета городов, культуры, рынка, политической жизни не приходится. Не складываются тут и твердые традиции частной собственности на землю.

Вообще-то эту вереницу плотно упакованных силлогизмов еще лет за 20 до того выстроил Р. Пайпс в «России при старом режиме». Но это не помешало американскому исследователю позднее заметить: а ведь в Новгородской земле примерно такая же природа с не более плодородным подзолом не помешала и расцвет учудить и структуры самоорганизации общества, частную собственность и свободу.

Но отечественный историк на мелочи не отвлекается. Шеренги силлогизмов прессыются в несокрушимые фаланги. Особенности климата, хозяйствования, крепостного права, общинной организации, функционирования «общества», государства, которые сложились

в XVIII в., распространяются на всю историю страны со времен Киевской Руси до наших дней. Одновременно характеристики Нечерноземья оказываются присущими всей Европейской России и стране в целом. Сверх того, над гигантской территорией господствует уже несколько тысячелетий суровая и неизменная Природа. В результате рождается тысячелетняя община, в процессе развития которой неуклонно нарастает демократизм, а у русского человека формируется необыкновенное чувство доброты, коллективизма, готовности к помощи до самопожертвования.

Здесь что важно учесть: Природа делает земледелие невозможным, но его результаты общественно необходимы. Государственные интересы, борьба с игом, супостатами заставляют работать на земле. Действие разнонаправленных факторов породило два основных компонента «компенсационного механизма выживания»: общину и крепостное право. «Глубинной основой закрепостительных тенденций явилась... неизбежность существования сильной общинной организации». А «само крепостничество теснейшим образом связано с характером земледельческой деятельности российского крестьянства». Крепостничество существовало многие столетия, потому что «оно органически свойственно данному типу социума». «В свою очередь, режим крепостничества стал возможен лишь при развитии наиболее деспотических форм государственной власти – российского самодержавия». Само самодержавие имеет глубочайшие исторические корни, уходящие в толщу эпохи разложения первобытнообщинного строя. И, поскольку Природу отменить нельзя, выводы сделать нетрудно¹.

Милов настаивает: к описанным процессам «абсолютно неприменимы понятия «реакционный», «консервативный, так как они были проявлением объективной необходимости, логикой развития данного общества». Но и это – не все. Россия выглядит империей лишь формально. На деле она «своего рода сожительство целого ряда обществ... с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта... именно русские люди и отчасти малороссы, остро нуждавшиеся в расширении хозяйственного пространства, шли на Юг, Юго-Восток и Восток». Объективные условия плотной заселенности Европы открывали для русских лишь [этот] путь... опасный,.. но единственно возможный. Колонизация... имела благотворительное влия-

¹ Л.В. Милов. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., РОССПЭН, 1998, с. 381, 556, 563, 379, 430-434, 561, 481, 572, 526.

ние на развитие Центра России»².

В самую пору спросить в традициях ЕГЭ: вам известен еще один, не сказать, чтобы человек, который тоже толковал о продвижении в означенных направлениях? Правда, напирал он все больше на жизненное пространство. Но это – нюансы. Кто же это, чем он кончил?

Конечно, умиляют малороссы, т.е. русские хоббиты с минимальным объемом. Общий же вопрос ко всем конструкциям Милова должен звучать классически: что это – глупость или измена? Первый вариант отбрасываю без доказательств. Второй уточняю – измена Науке. Начнем с Природы. «России и лету союза нету», «Россия под снегом зачоченела». Это с какого времени, ужель с первобытнообщинного строя? Вообще-то никакой такой России не значилось до конца XV века. А Киевская Русь имела историческим центром отнюдь не Нечерноземье. Еще Милуков напоминал, что даже в Европейской России несколько разных месторазвитий. Много ли общего между климатом, при котором снег лежит от трех до шести недель, и климатом, при котором снег не тает более полугода? С другой стороны, Природа весьма и весьма «изменная». С XII в. начинается общеевропейское похолодание, пик которого приходится на XVII-XVIII века. С середины XIX в. уже потеплело. Об этом в 1980-е гг. было подробно рассказано в академических изданиях, вроде Истории крестьянства СССР, Истории крестьянства в Европе. Конечно, несколько веков назад замечено «московские люди сеют рожью, а живут ложью». Но специалистам-аграрникам давно известно, что резкий скачок урожайности, например, в Саксонии между 1830 и 1860 гг. произошел после личного освобождения крестьян. Понятно, что немцу здорово, то русскому смерть. Другой классический случай описан А.Н. Энгельгардтом в его письмах из деревни. Начав хозяйствовать рядом с мужиками в Дорогобужском уезде Смоленской губернии, в 1870-х имел он общую урожайность ржи сам-4 с десятины. К концу 1880-х урожайность на полях Энгельгардта удвоилась за счет удобрений, севооборота и новых орудий труда. А у мужиков осталось все по-прежнему. И природа не менялась.

А почвы?! К концу XVIII в. Россия обладатель половины мировых залежей чернозема. Через сто лет оказалось – из 500 обследованных уездов чернозема преобладают в 40%, а подзол (землица Нечерноземья) – лишь в трети. В 1890 г. на Всемирной выставке в Париже од-

² Там же, с. 563-567.

ним из самых потрясающих экспонатов в российском павильоне был кубометр чистейшего воронежского чернозема. Ничего подобного Европа выставить не могла. Кстати, с 1880-х гг. только истинный обломовец не говорил и не писал об оскудении Центра. Страшная книга А.И. Шингарева рассказывала как раз о вымирающей воронежской деревне.

А с третьей стороны, что за надобность пахать и сеять там, где не растет буйно. Вот Новгород почти до конца XV в. — Великий вольный город. Да и Москва с Тверью в XIV в. — центры торговли пушниной и лошадьми. И нигде никакого самодержавия, суть которого в произвольном распоряжении властью. Нет этого и в Киевской Руси, в Руси удельной. Да и в Московской Руси до конца XV в. нет. Что это за тысячелетнее крепостное право? Даже если считать от Судебника 1497 г., и 400 лет не наберется. Конечно, еще помнится наставление методических рекомендаций 1970-х гг. для учителей, как составлять таблицу «Установление крепостного права» со времен Киевской Руси. Но в 1980-е гг. это отошло в прошлое. Вроде бы все соглашались с Ключевским — 250 лет примерно.

Та община, о которой рассказывает Милов, владельческая уравнильно-передельная, прослеживается в источниках с первой трети XVII века. Конечно, Леонид Васильевич все это знает — он же и учил нас этому в 1970-х годах.

Можно воздвигать любые мыслительные конструкции, но, оставаясь в пределах науки, они должны бы объяснять не укладывающиеся в новые схемы факты и процессы. Л.В. Милов просто игнорирует весьма значительную часть реальной истории. А ведь это все с незапамятных времен до наших дней.

В настоящий момент отечественная историческая «наука» не может предложить школьной истории ни новых ориентиров, ни научных основ. Так что научные критерии, шаблоны, стандарты для вопросов и ответов ЕГЭ не наличествуют. Их заменяют начальственные предписания и ориентация на их выполнение. Будут предписания классическими, исполнение будет классическим. А будут реальными, то и исполнение последует реальное. Лепота! Современная идиллия...

Анализируя современное состояние образования и науки в стране, Е.Г. Ясин элегантно охарактеризовал его как «трансформационный кризис», из которого пока не найден выход. Еще бы: почти четверть ученых — старше 60 лет, среди докторов наук доля этой группы превышает половину, среди кандидатов — треть. В вузах 57% профессоров перешагнули планку

пенсионного возраста. Нарастает разрыв между советской системой образования и современными требованиями. Реформа образования для обеспечения функционирования инновационной экономики должна включать помимо ЕГЭ, введение именного образовательного ваучера, включение страны в Болонскую систему, переориентацию на развитие творческих способностей обучаемых. Реально же действует лишь ЕГЭ¹. В недрах же Государственной Думы рождаются проекты о введении обязательного распределения студентов после окончания вузов, о введении формы для учеников и учителей (сплошные «Люди в черном-4» или уже 5). Таким образом, повторяются принципиальные характеристики отечественных псевдореформ: государство, считая себя единственным европейцем, и отсекая общество от принятия решений, стремится вырвать из иного культурного контекста один-два элемента, перенести в наш пантеон, а потом сетовать — не приживается оно, у нас, де, — особый путь. Между тем, самодержавное государство, государство произвола — главное препятствие на пути модернизации. Конечно, ясно это было давно и без ЕГЭ. Л.Д. Гудков в 1997 г. отметил один очень важный аспект «державной интерпретации Победы 1945 г.»: «Она долгое время позволяла властям эксплуатировать свой антифашизм в качестве своеобразной антитезы западному капитализму и либерализму...». «Сегодня память о войне и победе включается, главным образом, механизмами консервации социального целого, удерживающими общество от усложнения... Воспоминания о войне нужны в первую очередь для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка, они встраиваются в общий порядок посттоталитарной традиционализации культуры в обществе, не справившемся с вызовами вестернизации и модернизации...»².

В итоге, глядя из школьного кабинета истории, думаю, что ЕГЭ по истории (и литературе) в нынешнем виде и в настоящее время не только не дает объективного представления о знаниях, умениях, навыках выпускников, качестве работы учителей, но весьма искажает реальную картину и вреден, как единственный критерий.

А что думают объекты ЕГЭ — ученики и их родители? Из множества вопросов, кажется мне, значимы прежде всего следующие: «Лучше или хуже оценивает ЕГЭ знания выпускников по сравнению с обычными экзаменами?» и «С введением ЕГЭ уменьшилось или увеличи-

¹ Е.Г. Ясин Модернизация и общество. М., ГУ ВШЭ, 2007, с.46-58.

² Л.Д. Гудков. Абортивная модернизация. М., РОССПЭН, 2011. с. 533, 535.

лось количество злоупотреблений при окончании школы и при поступлении в вузы?» Тут Ключевский не указ, Путин президент у нас.

Согласно опросу Левада-центра в мае 2013 г., восьмая часть считает, что «лучше» и «уменьшилось». Треть полагает, что «ни лучше, ни хуже» и «все осталось прежним». И около трети видят, что «стало хуже» и «количество злоупотреблений увеличилось». Конечно, сторонники ЕГЭ могут уповать на то, что от одной пятой до четверти затрудняются с ответом (2013, N=1601)¹. Но столько же недоумевающих было и в 2010, и в 2006 годах. Правда, в 2010 г. ЕГЭ как худшую форму оценки знаний, по сравнению с обычным экзаменом, определил 41% респондентов (2010, N=1610) Думаю, этого достаточно, чтобы поколебать глуповски-позитивистский оптимизм: мы с этим будем работать, со временем все образуется, как же отказываться от ЕГЭ – мы же только начали...

Какие преимущества ЕГЭ по сравнению с традиционными экзаменами называются чаще всего: равные условия для сельских и городских выпускников, легче поступить в обычный или престижный вуз; объективность; большее соответствие современному уровню знаний. Среди преимуществ традиционных экзаменов лидирует: большее соответствие той программе, по которой учат в школе – этот показатель у ЕГЭ один из самых низких (7%) (2006, N=1390.). С учительской точки зрения это – катастрофа. Нельзя спрашивать то, чему не учили – одна из традиционных заповедей образования. Поставив в равные условия горожан и селян перед незнанием, ЕГЭ открывает школам и вузам дорогу для злоупотреблений.

Похоже, россияне чувствуют, что «дурят нашего брата». Не ведая ничего об инновационных экономиках и Болонских системах, 40% опрошенных в 2008 г. считали, что действия, которые предпринимает правительство (введение ЕГЭ, переход к западным стандартам обучения и т. п.) скорее или определенно отдаляют систему образования от модели, которая необходима России. 30% настаивают на приближении к необходимой модели. А четверть все еще колеблется (2008, N=1600). Думаю, что это во все не свидетельство «особого пути» и «европеоидности правительства». Как и в случае с попытками реформы Академии наук, мы имеем дело с дурью самодержавия и стихийным протестом против нее.

¹ Здесь и далее данные всероссийских опросов Левада-Центра. В скобках год опроса и число опрошенных.

При этом лишь 4,3% были согласны с введением ЕГЭ по всем предметам (а уже озвучены начальственные пожелания всепредметного ЕГЭ). Удивляет стихийный здравый смысл: за экзамен в форме ЕГЭ по математике 65% опрошенных, по русскому языку и литературе – 63%, а вот по истории – 21% (2006, N=1390.). Это при том, что если бы опрошенные сейчас ходили в школу, то больше всего (43%) с наибольшим интересом изучали бы историю, информатику – 42%, математику – 41%. И особо для чиновников министерства помрачения: основы православной культуры/историю религий – 14% (меньше лишь у бухгалтерии, философии и гигиены сексуальных отношений) (2011, N=1600). Особый интерес в истории вызывают: Великая Отечественная война (это при том, что на ее изучение программа отводит едва ли не 4 часа), Петровская эпоха и история Древней Руси до XVII века (2008, N=1500). В отличие от государства, россияне (71%) предпочитают знать всю историческую правду, даже самую тяжелую, чтобы не повторять ошибок и неудач прошлых времен. 21%, прежде всего, хотели бы знать об успехах, героях, чтобы люди уважали свое прошлое (2003, N=2000; 2008, N=1500). Правда, массовую поддержку заслуживает идея создания единого учебника истории для школы. Целиком положительно или скорее положительно к ней относятся 71%, при 10% против и 19% затрудняющихся с ответом (2013, N=1601).

Конечно, можно довольствоваться констатацией: школу, школьную историю затягивает в черную дыру общая тенденция упрощения (единый день голосования, единая форма, единый учебник, единый экзамен, короче Единая Россия). Но, как историк, обязан напомнить – мы уже проходили это: одна страна, одна партия, единственная идеология, общая для всех форма, единственный учебник. Но в школе главное не учебники, а люди. Школа пережила волюнтаризм и субъективизм, маразм и ускорение, Краткий курс, решения очередного съезда и материалы внеочередного пленума, Малую землю и Целину. Книги можно отложить, вместо ЕГЭ участвовать в предметных Олимпиадах, учитель может защитить ребенка почти от любого административного восторга и вместе с детьми сопротивляться натиску мракобесия. 10% – это тысячи учителей, десятки тысяч учеников, у нас хорошая компания А.И. Герцен, П.А. Вяземский, П.Я. Чаадаев, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, А.Д. Сахаров...

Сопровитляйтесь господа, сопровитляйтесь!

Выборы мэра Екатеринбурга: данные репрезентативного опроса жителей Екатеринбурга (18 лет и старше, N=1000, 13-18 сентября 2013 г.)

ГОЛОСОВАЛИ ЛИ ВЫ 8 СЕНТЯБРЯ НА ВЫБОРАХ МЭРА ГОРОДА, И ЕСЛИ ДА, ТО ЗА КОГО ПРОГОЛОСОВАЛИ НА ЭТИХ ВЫБОРАХ? (в % по столбцу)

	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее общее	другое
Андрей Геннадьевич АЛЬШЕВСКИХ	2	3	1	1	3	1	3	1	2	4	2
Евгений Петрович АРТЮХ	2	2	2	0	1	1	4	0	2	2	2
Анастасия Антоновна БАКОВА	1	1	1	2	1	1	0	1	0	1	1
Александр Владимирович БУРКОВ	3	1	4	0	2	3	5	3	3	1	4
Александр Леонидович БУРКОВ	7	4	9	2	3	6	13	7	8	6	4
Антон Леонидович БУРКОВ	1	0	2	0	0	1	2	1	0	1	3
Герман Юрьевич КАРЕЛИН	1	1	1	0	0	0	2	0	1	0	2
Денис Анатольевич НОСКОВ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Евгений Вадимович РОЙЗМАН	23	23	24	28	20	28	21	28	25	20	17
Игорь Олегович РУЗАКОВ	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0
Александр Юрьевич РЯВКИН	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Яков Петрович СИЛИН	12	12	12	12	8	11	18	14	11	11	14
Унес /испортил	1	0	1	0	1	1	0	1	1	0	0
Не голосовал	43	46	41	47	54	42	28	38	40	47	50
Голосовал, но не хочу говорить как/за кого	3	3	3	4	4	3	3	3	5	3	2
Не помню/не хочу говорить, голосовал или нет	2	4	1	2	3	3	2	3	2	3	1

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТО НА ПОСТ МЭРА ЕКАТЕРИНБУРГА ИЗБРАН ЕВГЕНИЙ РОЙЗМАН

	Всего	мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее общее	другое
Целиком положительно	21	22	20	25	19	24	18	24	25	18	13
Скорее положительно	38	38	39	47	41	38	30	41	37	41	33
Скорее отрицательно	16	18	14	5	15	15	23	12	17	12	22
Резко отрицательно	7	7	6	7	6	4	9	6	7	5	8
Затрудняюсь ответить	19	15	22	15	19	20	20	17	15	23	25
Нет ответа:	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

IN MEMORIAM

Татьяна Ивановна Заславская (9 апреля 1927, Киев - 23 Августа 2013, Москва)

23 августа 2013 года на 87 году ушла из жизни Татьяна Ивановна Заславская, Председатель Правления нашего Центра, крупнейший российский ученый-социолог и экономист, академик РАН, директор-организатор Всесоюзного центра изучения общественного мнения, сопрезидент Междисциплинарного центра социальных и экономических наук. Т.И. Заславская завоевала мировое признание и бесспорный международный авторитет своими трудами в области социологии и экономики, исследованиями трансформационных процессов в советском и постсоветском обществе. Ее по праву называют основателем российской экономической социологии и Новосибирской научной социологической школы. За выдающийся вклад в создании основ российской со-

циологии ей была присуждена одна из самых престижных для российских ученых премий — Демидовская премия. Татьяна Ивановна внесла весомый вклад в организацию и развитие социальных наук не только в СССР и в России, но и за рубежом. Она являлась членом Польской Академии наук, Академии Европейского Средиземноморья, исполкома Международного социологического института, почетным доктором ряда американских и европейских университетов, лауреатом премии Карпинского (Германия).

Человек большого личного обаяния, ума и мужества она была и остается для нас образцом настоящего ученого и человека. Светлая ей память!

Коллектив Левада-центра

Л.А. ХАХУЛИНА

Второй московский период Т.И.Заславской: от мониторинга экономических и социальных перемен к социальному механизму трансформации российского общества¹

Мне бы хотелось рассказать о втором московском периоде в жизни Т.И. Заславской в той мере, в какой я знала о нем, работая с ней во ВЦИОМ и общаясь с ней все эти годы. Я не претендую на исчерпывающую хронику ее научной и организационной деятельности, мне хотелось вспомнить лишь ее основные заслуги в становлении и развитии современной российской социологии. Т.И. Заславская вернулась в Москву из Новосибирска в 1988 году. Так сложилось, что ее московский и новосибирский периоды оказались равными по времени: и там, и там она провела по 25 лет своей жизни. Последний московский период, который начался, когда Татьяне Ивановне исполнилось 60 лет, оказался не менее продуктивным, а в чем-то может и более чем новосибирский. Ниже представлены основные вехи ее деятельности в этот период во всех трех сферах: научно-организационной, общественной и собственно научной.

I. ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

- Председатель Советской Социологической Ассоциации;
- Директор-организатор первого ВЦИОМа;
- Издание журнала «Мониторинг общественного мнения» (позднее «Вестник общественного мнения»);
- Со-президент Интерцентра;
- Организатор и научный руководитель ежегодной конференции «Куда идет Россия?»

II. УЧЕНЫЙ-СОЦИОЛОГ

- Знаковые статьи, осмысляющие перестройку, например, «О стратегии социального управления перестройкой» (сб. «Иного не дано»);
- Теоретическая концепция мониторинга экономических и социальных перемен;
- Теория и методология изучения российского общества в процессе трансформации.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

- Народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы;
- Член Высшего консультативно-координационного Совета при Президенте РФ.

Коротко остановлюсь на двух сферах ее деятельности: научно-организационной и научной.

Исключительной заслугой Т. И. Заславской является становление социологии как полноценной науки. В советское время социологические исследования были, был даже Институт социологических исследований, но науки социологии не было. Был только исторический материализм и научный коммунизм. Ни один вуз не готовил профессиональных социологов, не было защит диссертаций по специальности «социология».

В 1986 году Т.И. Заславская была избрана Председателем ССА. Свою задачу на этом посту она видела в том, чтобы консолидировать социологические центры и социологов вокруг ассоциации, возродить в ее рамках обсуждение наиболее интересных исследований, добиться того, чтобы социология была официально признана как наука, которая необходима для изучения преобразований, происходящих в ходе перестройки. Вместе с московскими коллегами-единомышленниками, используя свой научный и общественный авторитет и благосклонное отношение к ней М.С. Горбачева, она добилась того, что ЦК КПСС выпустил Постановление «О повышении роли социологии в развитии советского общества», фактически институционализировавшего эту науку. Стали возникать новые социологические центры, вузы начали подготовку профессиональных социологов, были выпущены учебники по социологии, издавались переводы книг ведущих мировых социологов, появилась такая специальность при защите диссертаций. Безусловно,

¹ От редакции: Этой публикацией мы начинаем серию в память о Татьяне Ивановне Заславской.

развитие социологии как науки способствовали новые времена, но толчок этому процессу дало это постановление. Татьяна Ивановна также добилась того, что директором Института социологии стал известный и уважаемый социолог В.А. Ядов, что также сыграло большую роль в становлении новой социологии в России.

В конце декабря 1987 года был подписан приказ о назначении Т.И. Заславской директором Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), первого такого центра за всю послевоенную историю СССР. Решение о его создании было принято в июне 1987 года Пленумом ЦК КПСС, что явилось прямым следствием того постановления ЦК КПСС, о котором уже говорилось. Чтобы данные опросов такого центра вызвали доверие российской и международной общественности, руководитель этого центра должен был обладать высоким научным статусом, международным авторитетом, независимым положением и определенным личным мужеством, чтобы противостоять влиянию властей. Татьяна Ивановна сполна обладала всеми этими качествами, которые она проявила в ходе непростой истории становления ВЦИОМ. Учредителями ВЦИОМ, согласно решению Пленума, стали два ведомства: Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и Государственный комитет по труду (Госкомтруд СССР), причем именно ВЦСПС была поручена вся работа по организации центра изучения общественного мнения. Разногласия между профсоюзами и директором-организатором центра Заславской начались практически с первых шагов его создания... Дело в том, что профсоюзы стали учредителем центра по принуждению ЦК КПСС, а вовсе не потому, что нуждались в изучении общественного мнения. Более того, руководители профсоюзов были абсолютно убеждены, что они и так знают общественное мнение, общаясь с трудящимися. Основным камнем преткновения стала гласность в работе ВЦИОМ. Руководство ВЦСПС считало, что результаты всех своих исследований ВЦИОМ должен предоставлять только ему, а уже оно будет решать, что можно публиковать, что следует посылать директивным органам, а что вообще положить «под сукно». Иначе говоря, оно хотело превратить ВЦИОМ в одно из ведомств ВЦСПС. Как пишет Татьяна Ивановна в своих воспоминаниях: «...мы решили бороться за демократические принципы работы ВЦИОМ до конца и сделать на этом поле деятельности мак-

симум возможного»¹. И ей вместе с сотрудниками ВЦИОМ это удалось: за все время своей деятельности до 2003 года Центр оставался независимым и объективным зеркалом происходящих в обществе событий и изменений. Хотя самой Татьяне Ивановне пришлось заплатить немалую цену за независимость ВЦИОМ. Отсутствие заказов со стороны профсоюзов обернулось тяжелым финансовым положением центра, которое не могло не тревожить директора. Скандальное поведение профсоюзных деятелей, демонстрирующих на своих конференциях полную ненужность центра и неприятие вплоть до ненависти к самой Заславской, сочеталось с прямыми нападениями в печати по разным надуманным поводам. Но в этот период были и светлые моменты как «награда» за ее труды, мужество и принципиальность. Материалы пресс-конференции, посвященной открытию ВЦИОМ, где Татьяна Ивановна выступила с развернутым докладом о задачах и принципах работы первого в России центра изучения общественного мнения, были опубликованы во множестве газет и журналов и вызвали небывалый общественный интерес к центру. Поток пошел письма, телефонные звонки с одним и тем же содержанием: хочу работать у вас, хочу помогать в нужном деле и т.п., что не могло не радовать ее. В 1988 году гамбургским фондом FFS, основанным миллиардером А. Тепфером в целях поощрения деятелей науки и искусства, ей была присуждена премия имени Карпинского (последнего президента АН царской России и первого президента АН СССР). Татьяна Ивановна стала первой женщиной-ученым и социологом, которая получила Демидовскую премию за крупный вклад в развитие российской экономической науки и социологии. Эта премия существует с 1832 года, и ею были награждены такие видные ученые, как Пирогов и Менделеев.

Т.И. Заславская организовала выпуск одного из первых новых социологических журналов (в 1993 г.), который был предназначен именно для того, чтобы данные опросов ВЦИОМ и их анализ стали доступны для других социологов. Журнал начал выходить в тот период, когда имелся значительный дефицит конкретных данных о том, что происходит в обществе. Поэтому журнал состоял из 2-х частей. Одна часть содержала аналитические статьи, выполненные на основе данных опросов ВЦИОМ. В другой публиковались данные опросов в виде таблиц,

¹ Т.И.Заславская. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М., 2007, с. 599.

которыми могли пользоваться все заинтересованные социологи. Татьяна Ивановна стала одним из инициаторов создания Единого Архива социологических данных, в котором хранятся данные опросов ВЦИОМ и других социологических центров, и ими могут пользоваться социологи и в первую очередь студенты и аспиранты для своих исследований. Такой Архив создан, и сегодня он активно функционирует в рамках ГУ ВШЭ.

Ежегодная конференция Интерцентра «Куда идет Россия» широко известна среди социологов и обществоведов. Мне хотелось бы лишь заметить, что успех этой конференции, ее популярность в России и за ее пределами были не в последнюю очередь связаны с тем, что ее научным руководителем была Т.И. Заславская с ее высоким научным авторитетом и личным обаянием. Можно сказать, она была «душой» этой конференции. А отредактированные ею 10 томов материалов конференции за 1993–2003 годы дают развернутую картину российского общества 1990-х – начала 2000-х годов и являются до сих пор богатым источником идей и конкретных данных.

Главным мотивом перехода Т.И. Заславской в Интерцентр было настойчивое желание отдавать больше времени научной работе. Она всегда ощущала свое призвание быть ученым, а не организатором и общественным деятелем (хотя последнее у нее тоже получалось блестяще). Как она писала в предисловии к одной из своих книг: **«Это (переход – Л.Х.) позволило мне заняться изучением таких фундаментальных проблем, как преобразование социальной структуры России и социальный механизм трансформации российского общества».**

Эта работа была начата ею еще в 1992 году при разработке концепции Мониторинга экономических и социальных перемен. ВЦИОМ как фабрика опросов позволял проводить регулярные эмпирические исследования и оперативно получать данные о мнениях, настроениях и поведении людей в условиях коренной перестройки всей жизни. Именно эта оперативность в получении данных была ценной для изучения общества переходного периода. Свою задачу Заславская видела в том, чтобы организовать систематический и постоянный сбор данных о разных сторонах трансформирующегося общества (мониторинг). Для нее решение этой задачи прежде всего означало необходимость разработать теоретическую и методологическую основу такого мониторинга. Иными словами, определить сущность, направления

и механизмы трансформационных процессов, возможные альтернативы развития российского общества, обосновать систему эмпирических индикаторов, с помощью которых можно было бы измерять происходящие процессы. И лишь затем на их основе сформулировать вопросы, которые можно адресовать людям, попавшим в выборку, и регулярно проводить опросы с использованием этого инструментария. Такая стройная по замыслу композиция Мониторинга в основных положениях была реализована. Мониторинг в модернизированном виде существует и сейчас в Левада-Центре, что свидетельствует о правильности выбранного ею подхода. Мониторинг позволил ВЦИОМ собирать не только интересную по содержанию информацию о том, как живут люди, что они думают по тому или иному поводу, как относятся к общественным событиям, но это были данные, которые работали на проверку выдвинутых гипотез и наполняли живым эмпирическим содержанием теоретические схемы.

Т.И. Заславская перешла в Интерцентр, когда Мониторинг уже встал на путь и покатил вперед. Она же продолжила разрабатывать дальше идеи, которые были выдвинуты и обоснованы еще в Новосибирске и получили дальнейшее развитие при работе над концепцией Мониторинга. Прежде всего, это концепция социального механизма трансформационных процессов российского общества. С одной стороны, Мониторинг поставлял обширные эмпирические данные. С другой, появлялись разнообразные идеи и работы других социологов, политологов, экономистов, социальных психологов, которые участвовали в конференции «Куда идет Россия». Всё это сформировало мощную базу для разработки Заславской общей теории и методологии изучения российского общества в процессе трансформации.

Передо мной не ставилась цель представить на этих страницах ее теорию. Это большая задача для семинаров или конференции. Но я хотела бы заметить, что если Гайдар считается создателем экономической теории переходного периода, то Татьяну Ивановну по праву можно назвать создателем социологической теории трансформирующегося общества.

Она определила и описала социально-трансформационную структуру российского общества, причем она включила в это понятие не только вертикальную проекцию, т.е. разделение общества на иерархически расположенные слои, что общепринято. Она включила в это понятие и горизонтальную проекцию социаль-

ной структуры, элементами которых являются в ее терминологии «культурно-политические силы». Она дала определение и описание каждого слоя в стратификационной проекции социальной структуры, причем она не копировала западные элементы стратификационной структуры, а показала именно особенность российской стратификации. Это описание стало в определенном смысле общепринятым при характеристике социальной структуры российского общества: элита, верхний средний (субэлита), средний, базовый и нижний слой. Ею было показано, что наиболее многочисленной группой нашего общества является слой ниже среднего, а не средний, как в большинстве развитых обществ. Поэтому она назвала его «базовым» слоем. Заславская также показала различие между средним классом в западном понимании и нашим верхним средним и средним слоями. При этом она рассматривала слои не просто как элементы иерархической структуры общества, а как акторов трансформационной деятельности, понятие, которое она тоже ввела в научный обиход и обосновала его применение.

Элементы горизонтальной проекции — культурно-политические силы — были выделены ею аналитическим путем по характеру основных интересов, установок, ценностей, тяготению к тем или иным идеологиям, участию в действиях с определенной политической окраской — таких как поддержка власти или противодействие ей, участие в общественных движениях, протестных акциях и пр. Она выделила следующие общественно значимые силы: государственнические, национал-патриотические, либерально-демократические, социал-демократические, криминальные, олигархические. Ею же выдвинута гипотеза о взаимодействии вертикальной и горизонтальной проекций, т.е. о сравнительном влиянии перечисленных общественно значимых сил в разных слоях. На мой взгляд, эта гипотеза «дает дорогу» широкому кругу исследований социальных слоев в трансформирующемся обществе.

Т.И. Заславская по-новому сформулировала проблему трансформации социальных институтов как изменение общественных практик. По ее определению, устойчивые социальные практики представляют собой не что иное, как конкретные формы существования и функционирования социальных институтов. Иными словами, конкретной формой реализации каждого социального института служит совокупность общественных практик. Отсюда следует,

что преобразование институциональной структуры общества представляет собой не столько юридический или административный процесс, сколько социально-культурный, внешним проявлением которого служит изменение общественных практик. Этим объясняется то, что некоторые привнесенные извне институты не приживаются, поскольку они не соответствуют общественным практикам. Либо они видоизменяются под действием общественных практик так, что полностью меняют свою первоначальную функцию. Так, по Конституции РФ суды независимы от власти, но на деле судебная практика мало изменилась по сравнению с советским временем. Власть всегда может оказать давление на суд. Примеров тому много.

Кроме того, Татьяна Ивановна ввела в социологический обиход понятие «социальный механизм трансформации российского общества». Это сложная теоретическая конструкция, которая объясняет взаимодействие (связь) социальной структуры, акторов трансформационной активности (социальных групп) и социальных институтов. Она обладает объяснительной силой, что продемонстрировала сама Заславская, давшая описание базовых характеристик современного российского общества с точки зрения социальной структуры, институтов и механизма трансформационных процессов¹.

В период работы в Интерцентре Татьяна Ивановне не хватало коллектива единомышленников, учеников. Она сама часто говорила об этом, писала в письмах сестре, что привыкла работать в коллективе и с коллективом. Жаль, что так сложилось, потому что в ином случае мы бы имели работы (дипломные, диссертации, статьи, монографии), творчески развивающие идеи и теоретические положения Заславской. Но я надеюсь, что это еще случится.

Татьяна Ивановна была очень талантливым и очень светлым человеком. Вместе с ней ушла большая часть нашей жизни и души. Вечная ей память!

¹ Т.И. Заславская. Современное российское общество. М., 2004.

АВТОРЫ НОМЕРА

ДОЛУЦКИЙ Игорь — учитель истории, Европейская гимназия

КАРАЕВА Ольга Сергеевна — Аналитический центр Юрия Левады

ЛЁЗИНА Евгения Владимировна — Федеральный фонд проработки диктатуры СЕПГ (Берлин)

НИКОЛЮК Сергей Александрович — политолог, Минск

ОВАКИМЯН Адель Грачиевна — Аналитический центр Юрия Левады

ПАИН Эмиль Абрамович — Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики

САВИН Никита — Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики

ФАБРИКАНТ Маргарита Сауповна — Лаборатории сравнительных исследований
массового сознания, Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Белорусский государственный университет (Минск)

ХАХУЛИНА Людмила Александровна — Аналитический центр Юрия Левады

SUMMARY

Historical Fatalism in the Period of Stagnation (by Emil Pain). World history is full of examples of the so-called “reverse waves” or eras of retrograde movements, political reaction, stagnation. At such times for various reasons mass and elite consciousness loses interest in the very ideas of development and progress. Instead, ideologists propose various versions of historical fatalism – representations of the history of mankind, or of a country as a never-ending “running around.” In modern Russia, such ideas are quite common, so the main aim of the paper is to analyze the causes of their emergence and popularity, as well as a theoretical examination of the epistemological potential of these ideas, their adequacy to real processes taking place in society. Conclusions of this article are based, in particular, on materials of “Ethnopolitical Problems in the Russian Blogosphere” research (2012-2013).

Nationalism as the Mean of Influencing Public Opinion: the Case of Belarus (by Marharyta Fabrykant). The article examines the widespread assumption about nationalism possessing an irrational emotional appeal that invariably gains mass support. This notion is challenged by means of analyzing a “negative case” of the post-Soviet Belarus, where, unlike in the other countries of the region, nationalism was rejected by the majority of the population. The first section of the article is dedicated to the late Soviet and early post-Soviet movement for the “Belarusian national revival”, tracing key points of its program and ways of their presentation to the target audience, and revealing the inner controversies and their consequences. The second part of the article discusses the results of the early nationalist movement, explains their causes and contrasts it to the contemporary Belarusian nationalism.

The research results suggest that nationalism is far from being a universal tool of securing mass support, or even of attracting mass attention. Nationalism is a valid mean of influencing public opinion only if its specific type and mode of

presentation correspond to a request that had already existed in society. Moreover, despite its supposed variability, nationalist reasoning is ruled by its own inner logic, which can force an undesirable cause of action. Thus, besides representing a danger for society, especially in its xenophobic variety, nationalism may lead to harmful outcomes for nationalists themselves.

Belorussian State as the Form-Factor of Nation (by Segey Nikoluk). State project of forming the Belarusian nation, despite the strong resource support, is clearly stalling today. However this does not mean that its civil and cultural competitors are actively replenish the camp of the supporters. Therefore the process of construction in Belarus a modern nation-state and civil (political) nation, which unites people around shared values, interests and institutions, is still far from being complete. Belarusian society is atomized and divided. The absence of a civic nation is the framework for personalist authoritarian regime. After all, in the absence of nation the alternative is either chaos or dictator. The last one is preferable, considering all the costs.

Discursive foundations of the political participation in Russia (by Nikita Savin). The subject of the research is the symbolic determinants of the political passiveness of the majority of Russians. In spite of the high level of the dissatisfaction, the majority of Russians is not politically active and does not use formal mechanisms of political participation. «Dissatisfied citizens» do not create political parties or civic organizations and even do not vote against the ruling party «United Russia». The empirical base of the research is 15 in-depth interviews with «ordinary Russians» – the category of citizens who can be characterized by the similar interpretation of the political reality. Three foundations of the depoliticization were revealed: the devaluation of the Other, the same understanding of *state* and *publicness* and the populist nature of preferences.

The Republic of Korea: Image of the Country in Russian Public Opinion (by Adele Ovakimyan). The study aims to examine the Russians' on the Republic of Korea, the extent of their knowledge about this country, the perception of the situation on the Korean peninsula as well as the interest in the development of Russian-Korean relations in the fields of culture, economy, tourism and business. The perception of any information from Korea is determined mainly by its successful modernization and entrance to world economic life in the 70s. Main associations the Russians have refer to the mundane side of their lives - the items they use every day, the items they see advertisements of. Speaking about associations connected with Korea Russians show greater interest in Korean appliances and electronics rather than politics, culture, tourism, history. In general, we can say that, implicitly comparing himself with the Koreans (from South Korea), Russians appreciate their humanity, which determined the success of the modernization of the country, placing them in the plan above themselves but at the same time treat them fairly aloof and distanced himself, however.

“Gift vs commodity”: the problems of organ donation in the public opinion of Russians (by Olga Karaeva). The article is devoted to the social problems associated with the development of one of the contradictory treatments of modern medicine - the donation and transplantation of human organs. The progress of human organ donation is crucially dependent on public approval which intensifies the shortfall of donor organs.

According to theoretical work of sociologists and economists, both of the two main organ procurement systems - market and altruistic – have certain qualifications. The first one transforms human body into commodity and leads to body exploitation. The second results in long waiting lists and brings up the threat of a black market trade.

Results of the national survey conducted by the Levada-Center in March 2013 show that the organ donation in Russia is characterized by immaturity of cultural beliefs about organ donation. The Russians have low awareness of the problem of organ shortage and are not really willing to become a donor regardless of the form of donations (market or altruistic). The author point at the lack of solidarity in Russian society manifested in a high propensity to become an organ donor for a close family member and low willingness to become a posthumous donor to an anonymous patient.

Transitional Justice and Working through the GDR Past in Unified Germany (by Jane Lezina). The article focuses on the attempts in pre-unification East Germany and post-unification Federal Republic of Germany to work through the legacy of the German Democratic Republic (*Aufarbeitung von DDR-Unrecht*). It addresses the political and legal measures taken by the German government in order to confront the misdeeds of the SED dictatorship and the perception of these measures by the public.

The set of legal measures implemented in Germany in order to redress the legacies of massive human rights abuses and to strengthen democratic institutions, also known as transitional justice, includes, in the first instance, lustration efforts of screening the public sector and opening of the archives of the East German Ministry for State Security. Besides the article examines the legal prosecution of those responsible for the human rights violations and other state crimes, focusing on the trials over the Berlin Wall shootings against East German border guards and the SED-leadership (*Mauerschützenprozesse*), as well as on the trials against former judges and prosecutors accused of perverting the course of justice (*Rechtsbeugung*) in the GDR. Other socio-political and historical means of coming to terms with the communist past such as establishing parliamentary commissions of inquiry (*Enquete-Kommission*), creating numerous memorial sites and museums around Germany, etc. are briefly discussed in the conclusion.

Unified State Exam in History as a Means of Retraditionalization (by Igor Doluzky). In the new section “First Section” we call upon representatives of various professions, our potential respondents, who will speak about the most important issues in their professional field.

This time it is Igor Doluzky, history teacher in European gymnasium (Moscow), who expresses his opinion towards teaching history in school, state of historical science, teaching materials and applying of Unified State Exam in history as the example of traditionalistic reduction in the field of education and liberal arts.

In the IN MEMORIAM section there are obituary of Tatyana Zaslavskaya (1927-2013) and recollections of her second Moscow period of research (1988-2013) by Lyudmila Khakhulina.

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2013 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 240 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

Редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2013

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10